

Азаренков А. А.
A. A. Azarenkov

**ВЛАСТЬ И МАССА В КОНЦЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СМУТЫ:
К РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ**

**AUTHORITY AND PEOPLE AT THE END OF REVOLUTIONARY UNREST:
RECONSTRUCTION OF RUSSIAN POLITICAL MENTALITY**

Азаренков Александр Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедры истории и архивоведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема» (Россия, Биробиджан); 679015, Еврейская АО, Биробиджан, ул. Широкая, д. 70а, ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема»; (42622) 4-01-46; (42622) 4-63-69.

E-mail: ron-rey63@mail.ru

Mr. Alexander A. Azarenkov – PhD in History, Associate Professor, Department of History and Archival Science, S. N. Sholom-Aleichem Amur Region State University (Russia, Birobidzhan); 679015, Russia, Jewish Autonomous Region, city of Birobidzhan, 70a, Shirokaya Str.; + 7 (42622) 40146, + 7 (42622) 46369. E-mail: ron-rey63@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются массовые представления о власти в России и их проявления в ситуации системного кризиса империи традиционного типа. Сделан вывод о том, что власть становилась в массовом сознании антиподом затянувшегося хаоса, ностальгическим символом стабильности прежней имперской России.

Summary. The paper deals with the analysis of how common people in Russia view political power and how these notions and ideas are manifested in the context of a crisis of a traditional empire. The author concludes that political power in the mass consciousness became the antipode of a long-running situation of chaos, a nostalgia-laden symbol of stability and order of the imperial Russia.

Ключевые слова: смута, власть, масса, политика, большевики, порядок.

Keywords: unrest, authority, population, politics, Bolsheviks, law and order.

УДК 94(571.6)

Что чувствует человеческая масса, прошедшая потрясение безвластием? Как объяснить противоречия в настроениях людей, жаждавших порядка, но олицетворявших его непременно и только с репрессивностью власти? Каковы механизмы взаимодействия подданных и нового большевистского режима в России на завершающем (рекреационном) этапе системного кризиса?

Излишне говорить, что «консервативный реванш», переживаемый сегодня российским социумом, во многом повторяет исторический опыт выхода из революционной смуты 1917-1922 гг. Новый, послесмутный властный авторитаризм в России начала XXI в., как и в начале 20-х гг. XX в., опирается на массовую востребованность и потому представляется естественной реакцией человеческой массы на пережитое (см. прим. 1). Создается ощущение, что в России опыт прошлого, если он вообще кем-то осмыслен и востребован, существует вовсе не для извлечения уроков, а лишь для того, чтобы его повторять, причём едва ли не буквально.

Фокусом исследовательского анализа является традиционалистская масса (в аутентичной терминологии отечественной истории – «земля»). Её допустимо рассматривать без учёта принадлежности к сословной или классовой общности: и та, и другая присутствовали в

российской реальности скорее как исторические «недоделки». И без того слабые, стратификационные различия вдобавок оказались ещё и изрядно размытыми революционной смутой.

Какую власть хотела традиция?

Отношение «земли» к власти хотя и было всегда более или менее одинаковым, но при этом весьма странным, наполненным парадоксальными особенностями, что в свою очередь придавало ему нестабильность и в кризисной ситуации делало поведение массы малопредсказуемым.

Прежде всего стоит отметить крайне архаичный характер традиционных массовых представлений о власти. Одним из факторов, обусловивших этатистские предпочтения «земли», была вера в абстрактную справедливость, в утопически идеальную власть, которая сама по себе как-то делается незаметной, а крестьян превратит в распорядителей своей жизни, даст им возможность самостоятельно принимать повседневные решения. Лишь обстоятельства (судьба) и алчные чиновники препятствуют этому идеалу.

В то же время традиционалистский идеал не допускал мысли о том, чтобы оказаться вообще без власти. Кто иначе будет следить за порядком? Поэтому предполагалась исходная включённость каждого с его семьёй, хозяйством-имуществом во внутрисельскую организацию – общину («мир»), а последней – вместе с прочими «мирами» (т.е. «землёй» в целом) – в государство. Не случайно масса и государство не отделялись друг от друга («народ – тело, царь – голова»). «Земля» попадала в пространство власти. Неудивительно, что в столь примитивной «системе» не только социум, но и власть, государство оказывались неспособными к саморазвитию и эволюции. «У нас выработалась низшая форма государства, вотчина. Это собственно не форма, а суррогат государства», – отмечал В. О. Ключевский, имея в виду неразграниченность власти и собственности в архаичных системах, вроде российской (см. прим. 2). К собственности относилась не только недвижимость, но и вся рабочая сила государства. Архетипически включённость «во власть» выражалась в ощущении массой вековой «крепости» государству, в признании необходимости «тянуть» государево тягло (налоги, работу и службу по заданию-поручению власти). Это ощущение переживалось в качестве законного (но не формально-правового, а ментально-психологического) условия самой возможности хозяйствования и встречной опеки «земли» со стороны власти.

Такая установка не подразумевала проявления какой-либо инициативы со стороны «земли». Решение в любом случае принимала власть и только она. «Земле» оставалось пассивно подчиниться, инстинктивно выполняя своё тягло. Масса покорно «тянулась» к власти, чтобы снять с себя и возложить на власть (как и на судьбу) ответственность за происходящее. Фатализм и патернализм шли рядом, «рука об руку». Объединяла их общая черта – отстранённость традиционного мира от судьбы не только страны, но и даже своей собственной.

Механизм патернализма удивительно элементарен и примитивен. В самоотождествлении «земли» с властью проявилась типичная средневековая ментальность, сродни отношению «человека традиционного» к своему коллективу – патриархальной «большой» (сложной) семье и общине-«миру». Но поскольку стремительно индустриализирующееся в начале XX в. «большое» общество размывало и нивелировало роль этих социальных институтов, их влияние неизбежно сходило на нет. А вместе с ним ослабевали важнейшие стабилизирующие факторы традиционной жизни. В итоге возрастала значимость их мощного заместителя – опеки и защиты традиции со стороны государства. Традиционализм нуждался в патернализме и востребовал его.

В теории, властный патернализм должен был, в свою очередь, «подпирать» традиционализм. Однако проблема состояла в том, что государство, вынужденное решать задачи модернизации стремительно отстающей страны, чем дальше, тем больше игнорировало ментальность традиции или даже пыталось ускорить её эрозию.

Именно поэтому, как ни парадоксально, несмотря на свою аполитичность и консерватизм, традиционалистская масса не только не сделалась оплотом стабильности, а, наоборот, стала мощнейшим деструктивным фактором, проявившимся в смуту. Мужик, как традиционалистский типаж, несомненно, был «монархистом» (в том смысле, что не представлял иного субъекта власти, кроме царя-батюшки). Как встарь, он смотрел на правителя как наместника божьего на земле, созданного, чтобы повелевать подданными и печься о них. Все хорошее он приписывал одному царю, во всем дурном винил кого угодно – судьбу, божью волю, чиновников. Потому традиционалистская преданность была скорее персонифицированной личной преданностью сказочно-отстраненному идеализированному образу далекого властителя, в котором масса наивно видела своего земного отца и защитника. Революционный бунт, случившийся после крушения идеала в сознании традиции и ритуального «отцеубийства», был отчаянной попыткой «земли» самостоятельно, «снизу» восстановить справедливость, привычную консервативную норму. (У «культового» поэта Александра Галича в произведении «Поэма о Сталине» есть грубое, но ёмкое определение сути произошедшего после исторического доклада Хрущёва на заключительном заседании XX съезда КПСС: «оказался наш Отец не отцом, а сукою...»). Аналогия Февраля 1917-го и Февраля 1956-го получается почти буквальная).

Несмотря на пережитой опыт революционного хаоса, традиционалистская масса буквально воспроизвела привычный этатизм в послесмутной России. Непростой и «растянутый» во времени процесс легитимации большевизма объясним лишь тем, что поначалу власть воспринималась безликой «диктатурой пролетариата». Патернализм сделался реальностью (хотя только показной, воображаемой) лишь после того, как коммунистический режим приобрёл вид персональной власти «красного царя» – «отца народов». Что случилось лишь с разгромом всевозможных оппозиций внутри «партии победителей» и пропагандистским внедрением востребованного массой образа вождя в её сознание.

Излишне говорить, что масса вовсе не была предана большевистскому режиму и его агентам. У мужика не существовало никакого резона испытывать привязанность к власти, которая тянула от него всё, до чего дотягивалась, не давая ничего взамен. Но реальная власть была данностью, которую приходилось переносить как неизбежность. Ни при каких обстоятельствах она не могла быть «хорошей», и из-под её объятий «земля» стремилась вырваться (или обмануть её агентов) при первой же возможности.

Столь поверхностная и зыбкая лояльность существующей власти не давала «человеку традиционному» возможности осознать себя носителем повседневной ответственности за стабильность государства. Больше того, за ней скрывалось отвращение массы к политическим институтам и политике вообще.

Здесь следует отметить ещё одну важную черту, присущую традиционной среде: «маленькие» люди вообще не воспринимали (и не различали) партийных программ и лозунгов, их сознание оставалось в стороне от политического содержания акций власти. Большевики, будучи не в состоянии предложить массе сколько-нибудь реальную и осязаемую хозяйственную помощь, продолжали «кормить» пролетариев и крестьян лозунгами, уповая на привычный и простой, но бесполезный способ работы с людьми – агитацию. Масса, напротив, реагировала лишь на реальную пользу от практической политики «рабоче-крестьянской» власти, пропуская мимо декларировавшиеся ею принципы. Отсюда недоверие, ирония, а то и злоба по адресу любых заезжих агитаторов, воспринимавшихся как «чужие». Поскольку инициатива в такого рода «контакте с народом» исходила именно от властей, народ это только раздражало.

Характерная для традиции персонализация человеческих отношений (причём на всех уровнях – семьи, общины, государства) порождала внешнее, поверхностно-показное, отстранённое верноподданничество. Масса замыкалась в своих локальных интересах, ослабляя тем самым и государство. Такое отношение традиции к власти, со стороны казавшееся консервативным, на деле являлось анархическим. В кризисных условиях поведение мужика, инстинк-

тивно враждебное чужому для него «городскому» миру, «большому обществу», становилось и вовсе непредсказуемым. Малейший признак слабости или бессилия власти усиливал анархические наклонности массы. В ситуации продолжительного и всеобщего управленческого паралича при бездействии «царя-батюшки» (или его аналога) подспудный традиционалистский анархизм, выходя на поверхность, производил хаос. Когда власть провоцирует смуту, масса немедленно поднимается на бунт.

Однако, вырываясь из привычной опеки государства, масса, привыкшая самоустраняться, снимать с себя любую ответственность за происходящее, неизбежно попадает в ещё более дискомфортное состояние. Не случайно историческая память породила у русских инстинктивный страх перед безвластием. В сущности, и сегодня, пережив недавнюю смуту, никто не хочет новых потрясений, ассоциирующихся с хаосом.

Больше того, продолжительное безвластие дезориентирует массу, а потому всегда способствует консолидации проверенных традиционных (псевдо)ценностей, росту консервативных настроений как единственной точки опоры традиции. Вот почему послереволюционный реванш традиционализма состоял в поисках нового «хозяина»-поводыря (разумеется, идеального). Будущий вождь (точнее, его образ) оказался бессознательно востребован именно «снизу».

Главная задача лидеров большевиков состояла не в осуществлении коммунистической идеи, а, прежде всего, хотя бы во внешнем, показном восстановлении «порядка» (хотя в партии было немало фанатиков идеи, но жизнь, и чем дальше, тем больше, востребовала именно эффективных «менеджеров»-управленцев). Шансы на выживание нового коммунистического режима зависели от того, сможет ли он после продолжительного хаоса смуты (разрушения доверия к прежней власти, десакрализации любой власти вообще, дезорганизации патерналистской системы отношений «государство-масса») заместить старую неэффективную патерналистскую модель новой, кажущейся справедливой и, пусть иллюзорно, близкой традиционалистским низам.

Внешне пассивное, инертное, но не вовсе безразличное отношение формировалось бессознательно или, точнее, на подсознательном, но никак не логически осмысленном уровне, вне зависимости от конкретного идейного «наполнения». А потому оставалось смутным, неопределённым и противоречивым. Традиционная властно-авторитарная ориентация неизбежно активизировалась в условиях продолжительного хаоса. Отсюда и этатистские устремления массы. Получается, что грядущий сталинизм был бы вряд ли возможен без пережитого опыта смуты (см. прим. 3).

Поразительно, но готовность к подобного рода рептильности, хотя и с разнообразным «набором» рациональных аргументов, демонстрировала и интеллигенция. Даже хулители большевиков обнаруживали удивительную эклектику мысли, видя в коммунистах первой половины 1920-х гг. «людей дела», взваливших на себя груз ответственности за происходящее в стране в послереволюционную эпоху. Можно добавить весьма дилетантские суждения о том, что именно большевики якобы смогли остановить разрастание анархии, ибо сумели совладать со смутьянами, насадили дисциплину, заставили считаться с собой крестьянство, сумели всё централизовать, наконец, буквально «из ничего» создали боеспособную армию. Присутствовал также расчёт «из двух зол» – лучше большевистская «деспотия», чем распад России. Тем более что внутренняя смута показала равно невозможность режима реставрации, перехода к либеральной парламентской демократии или установление генеральской диктатуры. Приводились и соображения геополитического свойства – от боязни новой интервенции и нежелания послевоенного усиления главных внешних противников России (Великобритании и Японии), до симпатий и прожектёрских надежд на масштабный эксперимент мировой революции. Ещё более поражает стремление иных людей с интеллектом усмотреть в большевизме силу, якобы «очищавшую» Россию, а заодно и всю европейскую цивилизацию от скверны прошлого, т.е. его всемирно-историческую прогрессивность (см. прим. 4).

Очевидная «разруха в головах» даже у образованной части населения вполне корреспондировала со столь же неопределённой и противоречивой ментальностью традиционалистских «низов».

Устойчивость традиционных установок и консерватизм массовых взглядов на власть парадоксальным образом уживались с подвижностью поведенческих, (психо)ментальных реакций в отношении власти. Наступившая нэповская «стабильность» оказалась обманчивой, поскольку благополучие традиционалистской массы оставалось более чем шатким. Смена настроений прямо соотносилась с периодами экономической стабилизации или, наоборот, нестабильности. Такое противоречие можно объяснить только отсутствием стержневых основ политического поведения традиционалистских слоёв.

Внешней лояльности власти, вполне в духе этактистских представлений низов, сопутствовала нараставшая апатия со стороны доминировавшей в России традиционалистской массы. Постепенно «затухающее» насилие снизу отражало исчерпанность революционных импульсов и означало завершение смуты. Пассивное поведение традиционалистской массы открывало путь к привычной «стабильности» – упованию на верховную власть и её монополии на насилие. Тем самым «низовая» востребованность возрождения патерналистской империи постепенно одолевала доктринальную логику коммунизма и его носителей в России – большевиков. Власть оставалось незаметно подменить или приспособить практику революционного большевизма к задачам державного национал-большевизма (см. прим. 5).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сравнительный анализ двух российских кризисных «циклов» начала XX в. и конца XX – начала XXI вв. см. в книге: Булдаков, В. П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления / В. П. Булдаков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 204 с.
2. Ключевский, В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский. – М.: Наука, 1968. – С. 377.
3. Подробнее о «низовом» потенциале сталинской автократии см. монографии известного российского историка: Булдаков, В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – 2-е изд., доп. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 967 с. – (История сталинизма); Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920-1930 гг. / В. П. Булдаков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 759 с. – (История сталинизма).
4. О палитре противоречивых и крайне подвижных ментальных настроений в среде интеллигенции (в частности, дальневосточной) см.: Журавлёв, В. В. В дополнение к сказанному: Революция сквозь призму личного интереса (психологические типы в русской революции) / В. В. Журавлёв // Отечественная история. – М., 1995. – № 4. – С. 214-218; Макрецова, Е. Н. Задачи культурного строительства в дальневосточной деревне (1922-1923 гг.) / Е. Н. Макрецова // Формирование и развитие рабочего класса и крестьянства на советском Дальнем Востоке: межвуз. сб. науч. тр. – Хабаровск, 1988. – С. 40-47; Романовский, В. К. О дальневосточном сменовеховстве / В. К. Романовский // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России: сб. науч. тр. – Владивосток, 1994. – С. 150-154; Романовский, В. К. Дальневосточное сменовеховство: Возникновение и идейно-политическая платформа / В. К. Романовский // Съезд сведущих людей Дальнего Востока: материалы науч.-практ. историко-краеведческой конф., посвящённой 100-летию Хабаровского краеведческого музея, 17-18 мая 1994 г. – Хабаровск, 1994. – С. 182-185; Лазарева, С. И. Исторический опыт организации властных структур на Дальнем Востоке в 20-30-е гг. / С. И. Лазарева // Съезд сведущих людей Дальнего Востока: материалы науч.-практ. историко-краеведческой конф., посвящённой 100-летию Хабар. краеведческого музея. – Хабаровск, 1994. – С. 231-233; Кузин, А. В. Политические партии на Дальнем Востоке России: к истории возникновения / А. В. Кузин // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории: материалы Междунар. науч. конф. – Хабаровск, 1997. – С. 132-135; Горкавенко, Н. Л. Адаптация российской эмигрантской интеллигенции к условиям дальневосточного зарубежья / Н. Л. Горкавенко // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории: материалы Междунар. науч. конф. – Хабаровск, 1997. – С. 230-232; Гергиевская, Е. А.

Восточный институт, ГДУ в годы гражданской войны на Дальнем Востоке / Е. А. Георгиевская // Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки: Междунар. науч. конф., 5-9 октября 1992 г. Тезисы докладов и сообщений. – Владивосток, 1992. – С. 58-60; Белоглазова, С. Б. Литература революционного десятилетия / С. Б. Белоглазова // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории: материалы Междунар. науч. конф. – Хабаровск, 1997. – С. 227-230.

5. Об особенностях авторского понимания содержательного «наполнения» «рекреационного» этапа российской революционной смуты также см. другие публикации: Азаренков, А. А. Выход из смуты: «рекреационный» этап второго системного кризиса российской государственности (первая половина 1920-х годов) / А. А. Азаренков // Науки о человеке, обществе и культуре: история, современность, перспективы: сб. науч. тр. / Редкол.: И. И. Докучаев (отв. ред.) и др. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2008. – С. 4-11; Азаренков, А. А. Власть и масса: методологические замечания к анализу политической ментальности послереволюционного российского социума / А. А. Азаренков // Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре, 22-24 сентября 2008 г. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2008. – С. 588-592.

Балалаев А. С., Король Р. Г., Серенко А. Ф.
A. S. Balalaev, R. G. Korol, A. F. Serenko

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ

TRANSPORTATION LOGISTICS CLUSTERS: SHAPING AND DEVELOPMENT

Балалаев Александр Сергеевич – доктор технических наук, доцент, заведующий кафедрой «Технология транспортных процессов и логистика» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск). E-mail: bas@festu.khv.ru.

Mr. Alexandr S. Balalaev – Doctor of Engineering, Associate Professor, Head of the Department of Transport Technologies and Logistics, the Far East State Transport University (Russia, Khabarovsk). E-mail: bas@festu.khv.ru.

Король Роман Григорьевич – старший преподаватель кафедры «Технология транспортных процессов и логистика» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск). E-mail: kingkhv27@mail.ru.

Mr. Roman G. Korol – Senior Lecturer, Department of Transport Technologies and Logistics, the Far East State Transport University (Russia, Khabarovsk). E-mail: kingkhv27@mail.ru.

Серенко Андрей Фёдорович – доктор технических наук, доцент, проректор по научной работе Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск). E-mail: prn@festu.khv.ru.

Mr. Andrey F. Serenko – Doctor of Engineering, Associate Professor, Provost for Research, Far East State Transport University (Russia, Khabarovsk). E-mail: prn@festu.khv.ru.

Аннотация. Рассматриваются подходы к формированию транспортно-логистических кластеров. Анализируются и систематизируются отличия производственно-технических кластеров от транспортно-логистических. Устанавливается круг участников, заинтересованных в создании транспортно-логистических кластеров, и определяются сферы их деятельности.

Summary. The paper discusses various approaches to the forming and development of transportation logistics centers or cluster. We analyze and systematize a set of differences between industrial clusters and transportation logistics hubs. We identify a range of stakeholders or potential participants - who may be interested in the creation of transportation logistics clusters - and define the scope of their respective activities within the cluster.

Ключевые слова: кластер, типы кластеров, транспортно-логистические кластеры, требования к кластерам, участники транспортно-логистических кластеров.

Key words: cluster, types of clusters, transportation logistics cluster, cluster requirements, participants of transport-logistics clusters.

УДК 005.932

Начиная с 90-х гг. прошлого столетия, многие из развитых стран реализуют стратегию, идея и основная проработка которой принадлежат Майклу Портеру – профессору в области управления торгово-промышленной деятельностью в Гарвардской школе управления, признанному мировым сообществом специалисту в сфере стратегий и конкуренции. Разработанную им концепцию принято называть «кластерной политикой».

Согласно общему определению Майкла Портера, кластеры – это сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в родственных отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, торговых объединений), в определенных областях конкурирующих, но при этом ведущих совместную работу. Территориальный охват кластера может варьироваться от одного населенного пункта или региона до страны или даже нескольких соседствующих стран [1].

В настоящее время существуют различные подходы к определению кластеров, их типологии и методике формирования, однако единой и общепринятой классификации не существует. Общим для различных подходов является направленность на создание промышленных (производственных) кластеров, которые благодаря кооперации могут конкурировать как на внутреннем рынке, так и на международном. Россия, следуя мировым тенденциям, предпринимает попытки модернизации экономики на основе кластерной концепции. Уже создано большое количество программ, отражающих направления, территориальную локализацию, требования к созданию, функционированию и развитию различного рода кластеров. Среди этих документов «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» [2], предусматривающая создание сети территориально-производственных кластеров; «Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации» [3], разработанные Министерством экономического развития России.

Основной акцент делается на создание кластеров нанотехнологий, судо- и авиастроительных, агропромышленных кластеров и ряда других. Российская программа создания кластеров представлена разработанной Министерством экономического развития Российской Федерации «Сводной базой данных по кластерам России» [4], в которой определены основные проекты кластеров и стадии их формирования по федеральным округам России.

С учетом отраслевой специфики в России выделяются следующие типы кластеров:

- 1) дискретные кластеры, которые включают в себя предприятия, производящие продукты (и связанные услуги), состоящие из дискретных компонентов, включая предприятия автомобилестроения, авиационной промышленности, судостроения, двигателестроения и др.;
- 2) процессные кластеры, которые образуются предприятиями, относящимися к так называемым процессным отраслям, таким как химическая, целлюлозно-бумажная, металлургическая отрасли, а также сельское хозяйство, пищевая промышленность и др.;
- 3) инновационные кластеры, развивающиеся в так называемых «новых секторах», таких как информационные технологии, биотехнологии, новые материалы;
- 4) туристические кластеры, которые формируются на базе туристических активов в регионе и состоят из предприятий различных секторов, связанных с обслуживанием туристов;
- 5) транспортно-логистические кластеры, которые включают в себя комплекс инфраструктуры и компаний, специализирующихся на хранении, сопровождении и доставке грузов и пассажиров.

На основе многофакторного анализа можно сделать вывод, что дискретные, процессные и инновационные кластеры принципиально отличаются от кластеров транспортно-логистических. Эти различия определяют особенности, которые необходимо учитывать при формировании региональных транспортно-логистических кластеров.

Первое отличие заключается в конечном продукте, под которым у первой группы кластеров (производственно-технических), как правило, понимаются товары в материальном виде. В этих кластерах транспорт рассматривается в качестве связующего звена процесса производства материального продукта и в качестве отдельного субъекта кластера не выделяется.

Продукцией транспортно-логистических кластеров являются услуги в сфере материального (доставка грузов) и нематериального (перевозка и обслуживание пассажиров) производства, поэтому в регионах с транзитным товародвижением и функциями распределительного центра транспортный комплекс может и должен рассматриваться в качестве самостоятельной сферы деятельности, конкурирующей с другими маршрутами перевозок и оказывающей определённое влияние на эффективность материального производства региона благодаря оптимизации товародвижения.

Второе отличие заключается в системе взаимодействия субъектов кластера между собой. В кластерах первой группы имеет место достаточно чёткая иерархия взаимоотношений. Связано это с тем, что в производственно-технологических кластерах специализация предприятий определяется выпускаемой продукцией, которая представляет собой либо сырьё, либо полуфабрикаты (комплектующие), либо конечную продукцию, поэтому предприятия такого кластера конкурируют только по горизонтали в своем товарном сегменте, а структура (иерархия) кластера выстраивается естественным образом в зависимости от места и роли конкретного предприятия в производственном процессе. В общем виде на нижнем уровне кластера представлены предприятия сырьевой направленности, далее – предприятия, производящие полуфабрикаты, затем – предприятия, производящие комплектующие, и на верхнем уровне кластер замыкается на предприятия (одно и несколько), выпускающие готовую продукцию. На всех уровнях осуществляется взаимодействие предприятий с учреждениями науки и образования, обеспечивающими техническое сопровождение идей и подготовку квалифицированных кадров. Конкуренция между предприятиями одного уровня в отдельном товарном сегменте обеспечивает достаточный уровень качества и позволяет производить востребованную на рынке продукцию.

Организация транспортно-логистических кластеров структурно более проста. В их состав входят транспортные организации, обеспечивающие перевозочный процесс, а также транспортно-экспедиторские компании, занимающиеся транспортным обслуживанием. Кластер может включать также организации, обслуживающие объекты портовой инфраструктуры, компании, специализирующиеся на морских, речных, наземных, воздушных перевозках, логистические комплексы и т.д. Задачей транспортно-логистических кластеров является рациональная организация транспортного процесса, под которым можно понимать систему доведения сквозного материального потока от склада продавца до склада покупателя, основанного на требованиях заказчика (владельца груза). В центре кластера находится интегратор (организатор) транспортного процесса, с которым субъекты транспортного рынка взаимодействуют напрямую, так как именно он обеспечивает формирование той транспортно-логистической цепи, которая требуется заказчику.

Третье отличие заключается в принципе формирования структуры кластера. Для того чтобы какое-либо объединение предприятий можно было назвать кластером, оно должно соответствовать следующим требованиям:

- объединение группы компаний на основе территориального соседства и общности деятельности;
- наличие «якорных резидентов», под которыми понимаются крупные предприятия, занимающиеся производством конечной продукции в кооперации с остальными компаниями, входящими в кластер;
- организационное оформление всех компаний, входящих в кластер, в какую-либо некоммерческую структуру (ассоциацию, некоммерческое партнерство и т.п.).

Производственно-технические кластеры формируются достаточно естественно, группируясь вокруг предприятия (предприятий) с конечным циклом производства, которое и представляет собой якорного резидента. Транспортно-логистические кластеры изначально такого системообразующего предприятия не имеют, что требует дополнительной работы по созданию структуры, представляющей собой организатора транспортного процесса (якорного резидента).

Анализ источников показывает, что ни один из транспортных или транспортно-логистических кластеров в России не соответствует вышеназванным требованиям [5; 6]. Более того, формирование транспортных кластеров в этом случае представляется невозможным. Главное препятствие для создания транспортных кластеров в свете современных требований – это наличие якорных резидентов. В промышленных кластерах существует производственная специализация, а транспортные компании производят продукт в полном объеме (перевозки от пункта отправления до пункта назначения в соответствии с договором перевозки) и в кооперации не нуждаются. Поэтому в данном случае под якорными президентами приходится понимать наиболее крупные транспортные компании, которые стараются не допустить более мелкие предприятия на транспортный рынок. Их «легализация» в рамках транспортного кластера в качестве якорных резидентов может привести к банкротству мелких перевозчиков.

Вместе с тем транспортно-логистический кластер имеет право на существование. Отличие транспортно-логистического кластера от транспортного заключается в том, что его формирование носит системный характер исходя из потребностей региона в освоении необходимого объема перевозок. Интегратором или якорным резидентом может быть транспортно-логистический центр, вокруг которого и объединяются все участники кластера. Уникальной особенностью деятельности транспортно-логистического кластера является создание конечного продукта в понимании клиента, т.е. организации доставки «от двери до двери», что обеспечивается, как правило, за счет кооперации перевозчиков нескольких видов транспорта и других участников транспортного рынка. При этом не создается лоббирование интересов каких-либо конкретных транспортных компаний, т.к. критерием качества работы кластера является удовлетворение критериев предпочтения клиентов при организации транспортного процесса.

Основные различия между производственно-техническими и транспортно-логистическими кластерами сведены в табл. 1.

Таблица 1

Основные различия между производственно-техническими и транспортно-логистическими кластерами

Параметр	Кластеры	
	производственно-технические	транспортно-логистические
Конечный продукт	Материально-технические ценности	Транспортные услуги в сфере материального и нематериального производства (услуги по доведению материального потока от склада производителя до склада потребителя)
Взаимодействие субъектов кластера	Строгая иерархия в соответствии со специализацией предприятий по виду выпускаемой продукции	Непосредственное взаимодействие с системообразующим предприятием
Принцип формирования кластера	Группирование (объединение) вокруг предприятий, занимающихся производством конечной продукции	Создание специальной структуры, объединяющей остальные предприятия, входящие в кластер

Параметр	Кластеры	
	производственно-технические	транспортно-логистические
Число предприятий в качестве якорных резидентов	Одно или несколько	Одно

Формирование транспортно-логистического кластера и, в частности, транспортно-логистического центра в качестве якорного резидента базируется на инициативной активности трех структур:

- 1) органов государственного управления на уровне региональной власти;
- 2) коммерческих предприятий: транспортных, посреднических, транспортно-экспедиторских, логистических;
- 3) вузов, НИИ.

Роль органов государственного управления в организации товаропотоков в регионе может выражаться в следующих направлениях:

- обеспечение функций координатора товаропотоков;
- осуществление содействия рекомендательного характера при оказании государственной поддержки логистическим структурам;
- расширение взаимодействия в области международных транспортно-экономических связей.

Роль коммерческих предприятий (транспортных, посреднических, транспортно-экспедиторских, логистических) в логистической оптимизации товародвижения в регионе заключается в следующем:

- обязательное участие при обсуждении в органах государственного управления проекта создания регионального транспортно-логистического кластера и его функционирования;
- инвестирование средств в строительство складских терминалов и других объектов логистической инфраструктуры;
- эксплуатация объектов транспортно-логистического кластера в виде складских терминалов и транспортной инфраструктуры с высокой народнохозяйственной и коммерческой эффективностью.

Роль учреждений высшей школы и НИИ заключается в реализации следующих задач:

- научно обоснованная разработка и сопровождение концептуальных и технологических положений по созданию и функционированию транспортно-логистического кластера: структура, задачи, основные объекты транспортно-логистической инфраструктуры и т.д.;
- кадровое сопровождение логистики путем подготовки высококвалифицированных специалистов, отвечающих современным требованиям международного уровня.

В результате имеет место синергетический эффект, основными элементами которого являются следующие процессы:

- улучшается транспортный сервис за счёт доставки «от двери до двери» и «точно в срок»;
- у органов государственного управления появляется возможность выявления узких мест в транспортной деятельности, что позволяет своевременно планировать финансирование отдельных направлений, связанным с транспортным обслуживанием региона;
- сокращается доля транспортной составляющей в стоимости конечного продукта за счёт оптимизации выбора видов транспорта, перевозчиков и подвижного состава;
- повышается конкурентоспособность транспортного комплекса региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Портер, М. Конкуренция / М. Портер ; пер. с англ. О. Пелявского. – М. : Издательский дом «Вильямс», 2007. – 495 с.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение от 17 ноября 2008 г. N 1662-р (в ред. распоряжения Правительства РФ от 08.08.2009 N 1121-р) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 33. – Ст. 4127.
3. Минэкономразвития России [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/development/doc1248781537747> (дата обращения: 14.03.2014).
4. Минэкономразвития России [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/politic/doc201001081707> (дата обращения: 14.03.2014).
5. Несмачных, О. В. Природа возникновения синергетического эффекта в промышленном кластере и оценка его воздействия / О. В. Несмачных, В. В. Литовченко // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2014. – № 1.
6. Несмачных, О. В. К вопросу о типе современной экономики / О. В. Несмачных, В. В. Литовченко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 4. – С. 185-186.

Вольский А. Л.
A. L. Volskiy

ФЕНОМЕН ПАМЯТИ В ПОЭЗИИ И ПОЭТИКЕ ФР. ГЁЛЬДЕРЛИНА

“MEMORY” IN THE POETRY AND POETICS OF FR. HÖLDERLIN

Вольский Алексей Львович – доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы РГПУ им. А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург); 194356, г. Санкт-Петербург, пр. Энгельса, 126-1-370; 8-921-6441829. E-mail: volskij@mail.ru.

Mr. Alexey L. Volskiy – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Literature, A. I. Herzen State Pedagogical University (Russia, St. Petersburg); 194356, St. Petersburg, 126/1 Engels Pr., 370; +7 (921) 6441829. E-mail: volskij@mail.ru.

Аннотация. Память является одним из центральных концептов поэзии и поэтики Гёльдерлина, начиная с раннего творчества и заканчивая поздними гимнами. Память имеет метафизический характер как воспоминание о первоисточке природы, истории, человечества.

Summary. Memory is one of the main concepts in the poetry and poetics of Fr. Hölderlin from the very beginning to the late hymns. “Memory” in this context has a metaphysical meaning as a recollection of the prime source of nature, history, humanity.

Ключевые слова: память, поэзия, поэтика, романтизм, гимн.

Key words: memory, poetry, poetics, romanticism, hymn.

УДК 82-1

Тема памяти является для Гёльдерлина одной из главных и ведет, начиная с юношеского стихотворения «Воспоминание» («Erinnern», 1785 г.), через роман «Гиперион» и драму «Смерть Эмпедокла» к поздним стихотворениям, созданным после 1800 г.: «Wie wenn am Feiertage...», «Der Archipelagus», «Tränen», «Natur und Kunst oder Saturn und Jupiter», «Die Wanderung», «Brot und Wein», «Am Quell der Donau», «Germanien», «Der Rhein», «Chiron», «Friedensfeier» (называю только самые значительные тексты с этой темой) и становится ведущей в самых поздних гимнах 1803 г.: «Patmos», «Andenken», «Der Ister», «Mnemosyne».

Характерно, что ни один из вышеназванных текстов не относится к жанру мемуаристики, получившей широкое распространение в литературе XVIII в. Особенность поэтической памяти Гёльдерлина состоит в том, что он вспоминает о том, что не пережил в реальности. Вспомним начало первой редакции гимна «Der Einzige»:

Was ist es, das
An die alten seligen Küsten
Mich fesselt, daß ich mehr noch
Sie liebe, als mein Vaterland?
Denn wie in himmlische
Gefangenschaft verkauft
Dort bin ich, wo Apollo ging
In Königsgestalt,--
...bin
Gestanden oben auf dem Parnaß,
Und...
Bei Smyrna und hinab
Bei Ephesos bin ich gegangen; [7, 472]

Ни в Смирне, ни в Эфесе, ни в Олимпии, ни в других местах Греции, Индии, Кавказа, Малой Азии и других местах, речь о которых идет в его стихах, Гёльдерлин никогда не был. Однако воспоминание о них для него более интимно и значимо, а любовь к ним больше, чем любовь к собственной родине и к окружающей реальности. Память имеет у Гёльдерлина не психологический (и, следовательно, индивидуальный), а *метафизический* характер, под которым я понимаю поэтическую устремленность к первоначалам европейской культуры, а через них к самому истоку бытия, когда через воспоминание соединяются часть, его собственное время и его малая родина, Швабия, «Suevien», и целое – время и пространство мифа.

В гимне «Память» («Andenken») сказано: «Mancher trägt Scheue an die Quelle zu gehen» [7, 491]. Не робея, Гёльдерлин идет к истоку, которым в гимне «Память» является Индия. В других текстах мы находим свои первоисточки. Так, в оде «Прогулка» говорится о происхождении греков, в «Истоке Дуная» – об азиатском происхождении Европы, в гимне «Как в праздник...» – о божественном происхождении поэзии и т.д. При этом Гёльдерлин вводит в ткань своего текста толкующий его античный миф.

Здесь следует назвать, по крайней мере, две античные традиции, в которых имеется подобный смысловой ход. Первая традиция – поэтическая, идущая от Пиндара. Характерным композиционно-смысловым приемом Пиндара является введение в текст собственной песни мифа. Ведь для Пиндара воспеть героя – значит приобщить его к вечности, приобщить пусть блистательную, но все же скоротечную жизнь к вневременному бытию, что и осуществляется через миф [1, 43-44]. Так, в Первой олимпийской песне, посвященной победителю скачек, сиракузскому тирану Гиерону, приводится фрагмент (выпрямленный) мифа о Пелопсе, напоминающий о мифическом победителе первых скачек в Олимпии.

Вторая традиция – философская, восходящая к Платону, его теория припоминания, анамнезиса. Так, в диалоге «Менон» воспринимающая данные чувственного опыта, мира текущих вещей душа познает таковой, припоминая идеальный мир, созерцавшийся ею еще до воплощения в мире телесном [2]. В диалоге «Федр» воспоминание связывается с теорией не только любовного, но и поэтического неистовства (*furor poeticus*), который порождается тоской по утраченному идеальному миру красоты [3, 158-159].

Если вспомнить также и о том, что слово «философия», «Philosophie» Фр. Шлегель вольно переводил как «тоска по бесконечности» (*Sehnsucht nach dem Unendlichen*), то *furor poeticus*, воспоминание у Гёльдерлина можно понимать как поэтико-философское действие, связующее конечное и бесконечное и как синоним романтической программы, если понимать романтизм как воспоминание об утраченной бесконечности [5].

Представляется целесообразным вспомнить в этом контексте и об идее так называемой новой мифологии, которую Ф. Шлегель развивает в «Речи о мифологии» [4, 386-393]. Напомню, что тезис Шлегеля состоит в том, что современная поэзия, будучи всецело подчиненной времени, лишена твердого основания, коим для поэзии древних был миф как созерцание мира в единстве [4, 387]. Способность к такому созерцанию была у древней поэзии, но современной поэзией утрачена. Новой поэзии надлежит создать новую мифологию, которая, по Шлегелю, будет иметь, в отличие от древней, однако, не чувственный, а интеллектуальный характер [4, 392]. Если у греков, как и у прочих древних народов, мифология обожествляла чувственную природу (солнце, звезды, свет, огонь, воду и т.п.), то современная мифология (построенная на христианском спиритуализме) обожествляет внутренние и духовные качества (свободу, праведность, милосердие, жертвенную любовь, смирение и т.д.). Если обратиться, например, к гимну «Патмос», то в нем имеется образ грота, в котором апостол Иоанн по преданию написал «Апокалипсис». Грот символизирует в этом тексте внутренний мир души христианина, который противопоставлен внешнему, языческому миру. Следуя логике рассуждений Шлегеля, философия идеализма может быть истолкована как абстрактная мифология (например, логический идеализм Гегеля, субъективный идеализм Фихте и т.д.).

Идею новой мифологии высказывает и сам Гёльдерлин в «Старейшей программе немецкого идеализма», соавтором которой он, вероятно, являлся, и в которой он объявляет поэзию новой мифологией [8, 442-443]. В его творчестве мы имеем образцы как абстрактно-философского, так и поэтического мифотворчества. Приведу два примера.

В философском фрагменте «Суждение и бытие» («Urteil und Sein») Гёльдерлин говорит о том, что современное (для Гёльдерлина, как и для Гердера – логическое) мышление, которое, как известно, имеет форму суждения (Urteil), является результатом перводеления (Ur-teilung) изначального бытия или интеллектуального созерцания на два противостоящих друг другу конструкта – субъект и объект, которые, следовательно, связаны с интеллектуальным созерцанием генетически. Стало быть, интеллектуальное созерцание, своего рода Божественный разум, есть исток современного логического мышления, которое через Ur-Teil хранит память об изначальном единстве и расколе такового в Ur-Teilung [8, 364].

Другой пример – ода «Природа и искусство или Сатурн и Юпитер» (1800 г.), в которой Гёльдерлин вспоминает о природном происхождении искусства. В наше время миром правит Юпитер – бог времени, истории и культуры. Но его царство на самом деле под угрозой, ибо оно нелегитимно: Юпитер низверг в Тартар своего отца – Сатурна, бога природы и вечности. Чтобы восстановить свое право на трон, Юпитер должен вспомнить о своем природном происхождении и вернуться к истоку:

Herab den! Oder schäme des Danks dich nicht!
Denn wie aus dem Gewölke dein Blitz, so kömmt
Von ihm, was dein ist.. [7, 427]

Зафиксируем результат: воспоминание имеет в той античной поэтико-философской традиции, которую воспринял Гёльдерлин, *метафизический* статус, трансцендирующий личный опыт в толкующий его миф. Исток, идея, целое являются прототипами части, его идеальный прообраз, на фоне которой часть только и может быть истинно понята.

Выше шла речь об онтологическом и поэтическом мифе, но он может быть спроецирован и на историю. Такой идеальной мифологической эпохой была классическая Греция, Афины (вспомним так называемое «Афинское письмо» из романа «Гиперион») – «земля Гомера» («das Land des Homer»). Боги и люди, идеальное и реальное у греков сосуществовали в гармонии (см. гимн «Единственный»). Об этом говорит и большая гекзаметрическая поэма «Архипелаг». Не архитектура, не искусство и даже не доблесть греков, а одна только их способность пребывать в гармонии с богами – такова основа, на которой зиждилась их культура. Из современного мира боги ушли. Философию мира, утратившего богов, рисует элегия «Хлеб и вино»: «Aber Freund! Wir kommen zu spät. Zwar leben die / Götter, /Aber...droben in anderer Welt.» [7, 415].

Но память о богах хранится человечеством посредством знаков. К этим знакам относятся и памятники греческой культуры, храмы, тексты, но два знака памяти (хлеб и вино) имеют преимущество:

Brot ist der Erde Frucht, doch ist's vom Lichte gesegnet,
Und vom donnernden Gott kommet die Freude des Weins.
Darum denken wir auch dabei der Himmlischen, die sonst
Da gewesen und die kehren in richtiger Zeit [7, 415-416]

Хлеб и вино Гёльдерлин связывает не только с христианской традицией, но прежде всего с Дионисом, богом вина. Если в поэзии Гёльдерлина искать единый мифологический образ памяти, то им будет, несомненно, Дионис, ибо Дионис, снимая ограниченность человеческой индивидуальности, выводит человека из его частных границ и приобщает к мировому целому [6, 239-249].

В оде «Heidelberg» глубоко передана суть дионисического восторга. Сердце человека хочет, погибнув, слиться с целым не из-за бедности переживаемой им жизни, а из-за ее переизбытка, который оно не в состоянии в себе удерживать [6, 239]:

Und der Jüngling, der Strom, fort in die Ebne zog,
Traurigfroh, wie das Herz, wenn es sich selbst zu schön,
Liebend unterzugehen,
In die Fluten der Zeit sich wirft [7, 383].

Дионис – образ поэтического энтузиазма, вырывающего человека из под власти мирского и обыденного и возвышающего его. Поэтому Дионис – бог поэтов, которые в элегии «Хлеб и вино» названы «des Weingotts heilige Priester», дарующий вдохновение, *furor poeticus*: «der frohlockende Wahnsinn, welcher in heiliger Nacht plötzlich den Sänger ergreift.» [7, 412].

Гимны, написанные Гёльдерлином в 1803 г., передают духовный опыт, выходящий за рамки не просто настоящего, но и исторического времени, что по сути означает выход за пределы времени вообще: пророчество («Патмос»), вдохновение («Истер»), память («Память», «Мнемосина»). Двойственная тенденция, типичная для Гёльдерлина, но достигающая максимума напряжения в последний период, нарастание трагического элемента в его собственной жизни – дисгармоническое разъединение органического и аоргического начал. *Entgrenzung* (размыкание всех границ), – центральное понятие, вокруг которого концентрируется образная символика, тематика и мотивика. С другой стороны, эти же гимны демонстрируют обратную тенденцию к ограничению, сохранению наличного, попечении не только о духе, но и букве – *dem festen Buchstab*. Память как двойной процесс сохранения и раскрытия себя отражает эту двойственную тенденцию.

В гимне «Истер» (*istros* – греческое наименование Дуная) Гёльдерлин продолжает разрабатываемую в гимнах «У истока Дуная» и «Германия» тему восточного происхождения западной, т.е. европейской культуры, так называемую «*translatio artium*». В гимне «Патмос» речь идет о смене культурных эпох, переходе от греческой к гесперической, т.е. европейской культуре. Суть этого перехода состоит в смене культурной парадигмы, которую можно представить как переход от внешней пластической красоты греческого мира к внутренней красоте христианства, т.е. как переход от эстетики к этике. Родине Афродиты, чувственно-прекрасному Кипру, здесь противостоит «бедный» Патмос, на котором был написан Апокалипсис. В мире модерна, в котором свет Божий отдалился от людей, красота предстает не столько внешне, сколько внутренне. Даже Иоанн Богослов, который в юности сподобился видеть исторического Иисуса, в старости видит Христа лишь духовными очами. Символизация духовной жизни, выпадение из нее чувственного элемента есть процесс ее одухотворения. Высшей формой приобщения к Духу является толкование Святого Писания, о котором говорится в заключительных строках гимна:

...der Vater aber liebt,
Der über allen waltet,
Am meisten, daß gepflegt werde
Der feste Buchstab, und Bestehendes gut
Gedeutet. Dem folgt deutscher Gesang [7, 487].

Композиция гимна «Память» имеет трехчастную структуру и состоит из двух строфических триад, при этом третья строфа может считаться завершением первой триады и началом второй. В первом слове гимна задается вектор его смыслового движения – северо-восточный ветер, сопровождающий путешественника с Севера (Германии) на Восток – Индию, которая в 18 – 19 вв. мыслилась как колыбель европейской культуры [10]. Путешествие на Восток является метафорой «обратного» культурного трансфера («*translatio artium*») и метафорой исторической памяти. Движение из Германии в Индию ведет в этом гимне,

однако, не прямо, а через Францию, окрестности Бордо, где Гёльдерлин незадолго до этого жил и работал. Франция предстает здесь как символ гармонии, идиллических пейзажей, утонченной эротики и поэзии покоя. Равновесию в природе (образ равноденствия *Wenn gleich ist Nacht und Tag*) соответствует глубинная гармония души, что выражено замечательным оксюмороном «темный свет» («*dunkles Licht*»), что неоплатоники называли «*gnophos lampros*», подразумевая свет божественный.

Однако идиллический колорит и гармония вновь сменяются беспокойством (четвертая строфа начинается с вопроса). Гармония оказывается мнимой, недостаточно глубокой. Возникает требование нового героического усилия, коим и является опасный, связанный с лишениями поход в Индию, ведущий через море. Только преодолев море, опасность и стихию, т.е. в героическом поступке, а также в любви возможно стяжать подлинную гармонию.

Mancher
Trägt Scheue, an die Quelle zu gehn;
Es beginnet nämlich der Reichtum
Im Meere. [7 492]

Однако ни природа, ни подвиг, ни любовь не могут явить непреходящее. В гимне «Память» речь идет не просто о памяти, а о поэзии как памяти. Сущность памяти высветляется за счет со-и противопоставления трем великим сферам бытия: природе, любви, подвигу, т.е. тем сферам, в которых *потенциально* содержится тенденция к бессмертию. Это, так сказать, божественные предметы в возможности, но они обретают сущность и бессмертие в поэтической памяти, о которой говорится в последней строке: «*Was bleibt aber, stiften die Dichter.*». Р. Гвардини полагает, что море заставляет забыть о преходящем и вспомнить о существенном, поэтому оно и берет и дает память. Устремляясь к истоку, следует особым образом перестроить свою память. Море сначала забирает то, что несущественно, а потом наделяет морехода новой памятью – героической. Также и любовь, приковывая к себе взор, сосредотачивает на себе.

Дионисическая память имеет не только светлую и радостно-восторженную, но и темную, трагическую сторону, речь о которой идет в последнем завершенном гимне Гёльдерлина «Мнемозина». Мнемозина (греч. «вспоминание») – богиня памяти, мать муз, в том числе и поэзии. Приведу первую строфу, в которой идея стихотворения выражена наиболее отчетливо:

Reif sind, in Feuer getaucht, gekochet
Die Frucht und auf der Erde geprüft und ein Gesetz ist,
Daß alles hineingeht, Schlangen gleich,
Prophetisch, träumend auf
Den Hügeln des Himmels. Und vieles
Wie auf den Schultern eine
Last von Scheitern ist
Zu behalten. Aber böse sind
Die Pfade. Nämlich unrecht,
Wie Rosse, gehn die gefangenen
Element' und alten
Gesetze der Erd. Und immer
Ins Ungebundene geht eine Sehnsucht. Vieles aber ist
Zu behalten. Und nicht die Treue [7, 496].

Как показал в своем комментарии Й. Шмидт, память представлена в этом гимне как антиномия двух взаимоисключающих тенденций: тенденции к сохранению и тенденции к разрушению. В сохранении воспоминаний состоит разумное, земное предназначение памяти:

глагол «behalten» означает не только «помнить», но «сохранять». Это сохранение меры, уважение к закону, этическое поведение греки называли этосом. Этосу противостоит другая сторона памяти, которую можно обозначить как пафос, как «тоску по бессвязному» («Sehnsucht ins Ungebundene»). Центростремительная и центробежная тенденции памяти противостоят друг другу. Антиномическая сущность памяти получает в гимне тройственную интерпретацию:

На психологическом уровне «тоска по бессвязному» противостоит верности, которую человек должен хранить по отношению к дарованной ему богами конечной жизни.

На историко-мифологическом уровне Гёльдерлин вспоминает об Ахилле и Аяксе. Оба они погибли из-за своего гнева, который в традиции обозначался как героический энтузиазм (*furore heroicus*). Мы знаем, что гнев Ахилла – движущий мотив Илиады, а Аякс тоже погиб из-за последствий своего гнева. В неоплатонизме Нового времени, особенно у Дж. Бруно (1548 – 1600 гг.) героический энтузиазм был переосмыслен как форма трансценденции и мистического экстаза. Гёльдерлин, идентифицируя себя с Ахиллом и Аяксом, синонимом *furore heroicus* делает *furore poeticus* (поэтический энтузиазм), который столь же губителен, как и владевший Ахиллом и Аяксом энтузиазм героический.

На космическом уровне также сосуществуют тенденции к разрушению и сохранению. В первых строках изображен греческий апокалипсис, так называемый *ekpyrosis Weltbrand*, в котором погибает весь мир. Таким образом, воспоминание о прошлом становится предсказанием будущего и делает память элементом эсхатологии [9, 1031-1052].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров, М. Л. Поэзия Пиндара / М. Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. – СПб. : Азбука, 2000. – С. 38-67.
2. Платон Менон / Платон // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – С. 575-612.
3. Платон Федр / Платон // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1990. – С. 135-191.
4. Шлегель, Ф. Разговор о поэзии / Ф. Шлегель Эстетика. Философия. Критика. В 2 т. Т. 1. – М. : Искусство, 1983. – С. 365-417.
5. Frank, M. «Unendliche Annäherung». Die Anfänge der philosophischen Frühromantik. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1998.
6. Guardini R. Hölderlin. Weltbild und Frömmigkeit. München, Kösel-Verlag, 1955.
7. Hölderlin Fr. Gedichte. / Hölderlin Fr. Sämtliche Werke und Briefe. Hrsg. v. G.Mieth. Bd.I-IV, Bd.I, Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1970.
8. Hölderlin Fr. Hyperion. Theoretische Versuche. / Hölderlin Fr. Sämtliche Werke und Briefe. Hrsg.v.G.Mieth. Bd.I-IV, Bd.II, Aufbau-Verlag, 1970.
9. Schmidt J. Mnemosyne / Hölderlin Sämtliche Gedichte. Text und Kommentar. Hrsg. V.Jochen Schmidt, Deutscher Klassiker Verlag, Frankfurt am Main, 2005. – S. 1031-1052.
10. Volskiy, A. «Von Morgen nach Abend»: Bemerkungen zu Friedrich Schlegels Indien- Buch, seiner Vor- und Wirkungsgeschichte. / Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 9. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – С. 20-28.

Киреев А. А.
A. A. Kireev

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

SOME OBSERVATIONS ON THE NATURE OF US-CHINA RELATIONS

Киреев Алексей Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной истории ФГБОУ ВПО «Благовещенский государственный педагогический университет» (Россия, Благовещенск). E-mail: kir-blaga@mail.ru.

Mr. Alexey A. Kireev – Dr. habil. of History, Senior Lecturer, Professor, Department of General History, city of Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk). E-mail: kir-blaga@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается проблема характера американо-китайских отношений во внешней политике. Начиная с 1970-х гг. они развивались с подъемами и спадами. При этом две страны исповедуют различную политическую идеологию. США и Китай объединила идея сотрудничества в годы «холодной войны». С ростом экономического и политического потенциала Китая все больше стало проявляться соперничество.

Summary. The paper examines the nature of US-China relations in the realm of foreign policy. Since 1970s, these have been evolving with consecutive ups and downs. The two countries obviously have different political ideology but were brought together during the Cold War by the idea of cooperation. With the steadily increasing economic and political potential of China, the relations began to shift from cooperation to rivalry.

Ключевые слова: международные отношения, американо-китайские отношения, стратегическое сотрудничество, тайваньская проблема, конфронтация.

Key words: international relations, U.S.-China relations, strategic cooperation, Taiwan problem, confrontation.

УДК 327.2

Исследованию взаимоотношений США и КНР посвящено огромное множество работ как у нас в стране, так и за рубежом. Особенное внимание привлекает история внешне-политических контактов этих двух стран. В годы «холодной войны» Китай стремился играть роль великой державы, которая действует исходя из своих интересов, независимо от влияния супердержав – США и СССР. После окончания «холодной войны» КНР стала привлекать к себе повышенный интерес исследователей, т.к. вследствие стремительного экономического роста стала превращаться во влиятельного актора международных отношений. Что же касается Соединенных Штатов, то они как в годы «холодной войны», так и после нее сохраняют статус сверхдержавы, а значит, их близкие контакты с любым государством вызывали и будут вызывать повышенный интерес исследователей.

Рассматривая в исторической ретроспективе внешнеполитические отношения США и КНР, исследователи решают главный дискуссионный вопрос: это стратегическое партнерство или соперничество? Может ли одно подразумевать другое? Возможно ли в этом комплексе взаимоотношений увидеть новую «стратегическую стабильность» для мира, наподобие той, что существовала в годы «холодной войны» между США и СССР? Дискуссия в самом разгаре и участники исторического процесса с каждым годом дают все больше пищи для нее.

После образования КНР 1 октября 1949 г. отношения с США не были установлены, т.к. Вашингтон в ходе гражданской войны в Китае поддерживал Гоминьдановский режим во главе с Чан Кайши. Поэтому США сосредоточились на охране острова Тайвань, где обосно-

вался режим Гоминьдана и бойкоте КНР как союзника Советского Союза в начавшейся «холодной войне».

В 1950 г. начались военные действия на Корейском полуострове, в которых Пекин принял самое горячее участие на стороне КНДР при поддержке СССР. Это дало дополнительный повод США считать коммунистический режим в Пекине своим соперником, т.к. Вашингтон в этом конфликте участвовал на стороне своего союзника – Южной Кореи. Тогда казалось, что Мао Цзэдун и КНР станут на долгое время сателлитами СССР и противниками США и капитализма как общественного строя.

Однако в 1950-е гг. последовал ряд событий, которые коренным образом изменили положение вещей в отношении позиции КНР на внешнеполитической арене. В марте 1953 г. умер лидер Советского Союза И. В. Сталин. Новое советское руководство на время сосредоточилось на внутривнутриполитической борьбе за власть, что привело к смягчению международного климата. В частности, начались мирные переговоры о прекращении Корейской войны.

Вся эта ситуация была воспринята в Пекине неоднозначно. Уход Сталина оставил вакантным место ведущего теоретика и практика международного коммунистического движения. Среди новых руководителей СССР Мао Цзэдун не видел себе конкурентов и готов был рассматривать отношения между Пекином и Москвой минимум как равные, но не как отношения подчиненности.

Отказ СССР от ведения дальнейших военных действий в Корейском конфликте китайское руководство интерпретировало как слабость и пораженчество Москвы, в то время как КНР понесла значительные потери и готова была продолжать борьбу.

Наконец, политические события в СССР, связанные с XX съездом компартии и разоблачением культа личности Сталина, утвердили китайское руководство в мысли, что СССР встал на путь отказа от решительной борьбы с капитализмом и тем самым предал идеалы пролетарской революции.

Необходимо отметить, что за обвинениями в адрес СССР и негативной трактовкой действий его руководства стояло стремление Мао Цзэдуна играть самостоятельную роль в международном коммунистическом движении, а также желание превратить КНР в сверхдержаву. Апогеем конфронтации с СССР стали события на границе в 1968 г., когда произошло прямое военное столкновение двух держав.

К этому времени китайское руководство фактически разорвало отношения с СССР и укрепило влияние среди леворадикальных групп коммунистического движения. В частности, под влиянием маоистской идеологии Албания вышла из Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

В то же время однозначное биполярное противостояние в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) во второй половине 1960-х гг. размывается под влиянием значительных изменений во внешней политике КНР. Китай занял в конфронтационном противостоянии США и СССР особую позицию. Пекин выступал как против империализма (США), так и против «социал-империализма» (СССР). С целью укрепить свои позиции в этой борьбе КНР была вынуждена идти на самые разнообразные союзы.

Восстановить отношения с СССР было неприемлемо для КНР не только из-за событий на Даманском. В 1968 г. СССР совершил военную интервенцию в Чехословакию для подавления «антикоммунистического мятежа». Для КНР это означало, что советское руководство не готово смириться с наличием у своих союзников иного взгляда на процесс экономического и политического развития в рамках построения коммунистического строя. Унификация под советский вариант была неприемлема для Мао Цзэдуна и КНР.

На первый взгляд казалось, КНР и США разделяли не менее глубокие противоречия. Серьезным барьером для сближения двух стран были настроения в американском общественном мнении и политическом сообществе. Считалось, что коммунистический Китай является режимом, настроенным на экспансию. США вмешались в события в

Индокитае, чтобы разгромить «коммунистический заговор», устроенный Пекином с целью захвата Юго-Восточной Азии. Поэтому, по мнению большинства американских политиков, китайская коммунистическая система должна прежде измениться, а затем с нею можно будет вести переговоры. Кроме этого, любая попытка улучшить американо-китайские отношения могла повлечь риск обострить отношения с СССР [2, 655-665].

Однако администрация Никсона не разделяла подобных взглядов. Будучи кандидатом в президенты, он написал статью, в которой доказывал, что от сближения с КНР в выигрыше будут страны всего мира. Никсон был убежден, что Китай необходим США в качестве дружественной державы вследствие своих размеров и неизбежного роста своего влияния в мире. Кроме того, Китай мог стать хорошим противовесом Советскому Союзу [9]. Такой же позиции придерживался и Г. Киссинджер (помощник президента по национальной безопасности в администрации Никсона), который ввел в дипломатический язык новый термин: «трехсторонняя дипломатия» (англ. triangular diplomacy).

К новым веяниям в американской политике присматривались и в Пекине. По мере обострения отношений с Советским Союзом Китай рассматривал улучшение отношений с Вашингтоном как усиление своих позиций в противостоянии с Москвой. После прихода в Белый Дом администрации Никсона в ноябре 1969 г. МИД КНР предложил провести переговоры о заключении китайско-американского соглашения о нормализации отношений на принципах мирного сосуществования. Это был сигнал новому американскому руководству [3, 333].

Таким образом, сближение США и КНР в начале 1970-х гг. было вызвано влиянием фактора биполярного противостояния и продолжавшейся «холодной войны». КНР в этом процессе стремилась решить собственные внешнеполитические задачи, в том числе укрепить свои позиции в Индокитае. В конце концов, она также действовала исходя из логики «холодной войны».

Этот факт хорошо демонстрирует содержание секретных переговоров, которые велись в Пекине 9-11 июля 1971 г. Среди главных тем были: тайваньская проблема, переговоры США с Советским Союзом, спорные проблемы в отношениях Китая и Индии, Китая и Советского Союза [4]. Китайское руководство понимало значимость СССР и его влияние в мире. В конце концов, чтобы вести с ним борьбу Пекин вынужден был искать контакты с другим мировым центром – США, а не собирать под свой контроль союзников и вести борьбу в одиночку против обеих сверхдержав, как это официально декларировалось.

Урегулирование разногласий было закреплено в трех коммюнике, подписанных в 1972, 1978 и 1982 гг. [5; 6; 7]. Сближение КНР и США осуществлялось на основе стратегических (противостояние с СССР) и экономических интересов. Отношения между двумя странами предполагали параллельные и даже согласованные действия обеих держав по целому ряду вопросов международной политики. При этом китайская дипломатия добилась большинства своих целей, тогда как американское руководство вынужденно было идти на компромиссы, т.к. Китай был необходим им как союзник в проведении политики конфронтации против СССР и его окружения.

С 1 января 1979 г. между КНР и США были установлены полномасштабные дипломатические отношения. Они ознаменовались подписанием двухсторонних соглашений о научно-техническом и культурном сотрудничестве, о взаимодействии в области сельского хозяйства, образования и в освоении космоса, а также соглашения об установлении консульских отношений и открытии генеральных консульств. Важнейшим достижением стало торговое соглашение о предоставлении Китаю режима наибольшего благоприятствования в торговле с США. Следствием этого стало выделение КНР кредита в размере 2 млрд долл. на пять лет с возможностью продления кредитования.

В 1980 г. началось постоянное военно-техническое сотрудничество США и КНР. Основными направлениями его стали: регулярные консультации по вопросам военной политики, обмен разведывательной и закрытой информацией, взаимные визиты высших

военных чинов и специалистов, содействие США обучению офицерского состава китайской армии, поставки Китаю наземных станций связи с искусственными спутниками в целях ведения военной разведки. По договоренности между двумя странами США разместили на территории провинции Синьцзян центры электронной разведки для наблюдения за ядерными и ракетными полигонами СССР.

Достижение высокого уровня взаимоотношений между США и КНР не устранило окончательно проблем, которые мешали полноценному политическому взаимодействию двух стран. Учитывая, что эти проблемы (особенно тайваньская) имели для китайского руководства ключевое значение, их обострение могло дать повод оказать давление на американскую сторону с целью продвижения своих политических и экономических интересов либо полностью заморозить взаимодействия. Иными словами, стороны не достигли необходимого уровня взаимопонимания.

В марте 1979 г. Конгресс США принял «Закон об отношениях с Тайванем», где прямо говорилось, что любая попытка разрешения тайваньского вопроса немирным путем будет считаться «предметом самой серьезной озабоченности» для США. Закон требовал от Соединенных Штатов продолжать поставлять оружие на Тайвань с целью «поддержания достаточного уровня самообороны» [10]. Возражения правительства КНР не оказали нужного воздействия, и закон вступил в силу.

Еще один пример «неувязки» в отношениях КНР и США – вторжение китайских вооруженных сил на территорию Вьетнама. Когда в феврале 1979 г. началась эта военная операция, то создалось впечатление, что акция КНР была согласованна с американским руководством в ходе визита Дэн Сяопина в Вашингтон. Эта ситуация оказала воздействие на позицию США. С одной стороны, они поддержали Китай, предупредив руководство СССР, чтобы они не вмешивались в конфликт. С другой стороны, Вашингтону пришлось подвергнуть критике действия Китая, поскольку они явно выглядели агрессивно. Китай был вынужден отвести свои вооруженные силы, так и добившись целей, поставленных перед этой военной операцией.

В этой ситуации можно было вспомнить, что автор сближения США и КНР Г. Киссинджер предупреждал, что развитие отношений с КНР следовало сопровождать сходным процессом на советском направлении. В противном случае в системе международных отношений мог возникнуть перекосяк в сторону КНР. Кризис в отношениях с СССР был чреват общим ростом нестабильности в мире. Последнее было невыгодно Соединенным Штатам, которые стремились в 1970-е гг. сохранить «равновесие» в международных отношениях. Администрация Рейгана, ставившая целью подавить влияние СССР в мире за счет жесткого противоборства с просоветскими силами во всех регионах мира, стремилась взломать это «равновесие». В этом случае Китай потерял свое место эксклюзивного союзника, т.к. не был полностью проамериканским.

Новое китайское руководство сделало ставку на экономическое развитие, а оно подразумевало необходимость создания мирного приграничного и международного окружения, что означало заявку на урегулирование отношений с соседями, в том числе и с СССР. Неизменной оставалась задача «воссоединения Родины» (Тайвань), а также возвращение территорий, отторгнутых в результате колониальных войн (Сянган и Аомынь). Однако этот процесс должен осуществляться мирными средствами. Таким образом, в стратегии КНР снизился конфронтационный подход, а национальные интересы получили приоритет над идеологическими догмами. Выполнение задач экономической модернизации способствовало отказу от политики, направленной на обострение международной напряженности.

Все это не означало, что американо-китайские отношения утратили свое значение. Пока сохранялась «холодная война» США не были намерены прекращать широкие контакты с КНР. Однако к концу 1980-х гг. в них превалировал уже не стратегический компонент (противоборство с СССР), а экономические отношения. Для КНР в рамках модернизации экономики были важны контакты с американскими корпорациями, получение финансовой

помощи от западных банков, поставки новейших образцов вооружений. Американские компании прочно обосновались на китайском рынке, рост которого создавал хорошие перспективы в финансово-экономическом отношении.

Насколько экономика стала превалировать в американо-китайских отношениях над политикой, продемонстрировали события 1989 г. Китай продемонстрировал американцам, что он по-прежнему является коммунистическим режимом, не приемлющим западные демократические ценности. Президент США Дж. Буш объявил о приостановке всех правительственных контактов и поставок вооружений в КНР. Были прекращены все межправительственные обмены на высоком уровне, а также заморожены финансовые займы от международных организаций.

Одновременно американская администрация предпринимала отчаянные дипломатические усилия, не желая углубления кризиса. Президент Дж. Буш наложил вето на законопроекты Конгресса, предоставляющие права на проживание в США всем китайским студентам, находившимся на обучении в США, а также настоял на продлении для КНР режима наибольшего благоприятствования в торговле [8, 196].

Двусторонним отношениям КНР и США был нанесен существенный ущерб. По времени эти события совпали с коренными изменениями в международных отношениях: распад СЭВ, прекращение «холодной войны» и саморазрушение Советского Союза. В этих условиях Соединенные Штаты стремительно превращались в единственную сверхдержаву с практически неограниченными возможностями. Китайское руководство, бывшее под впечатлением от судьбы СССР и поставленное перед серьезными внутривнутриполитическими проблемами, склонялось к выводу о необходимости разработки более самостоятельной внешней политики, которая могла бы обеспечить успешное экономическое развитие страны, а также сохранение ее суверенитета и целостности.

С окончанием «холодной войны» и прекращением существования системы биполярности США, как самая сильная мировая держава, претендовали на роль единственного мирового лидера. Внимание Вашингтона было перенесено с Европы на Азию, где были самые быстрорастущие рынки и была возможность установить военно-политический контроль над регионом. Одновременно в начале 1990-х гг. начинается новый этап стремительного экономического роста Китая, что позволило этой стране заставить считаться со своим присутствием в АТР. Динамичное экономическое развитие Китая позволило ему активно наращивать военный потенциал страны и совершенствовать систему вооружения. Это создает напряжение в данном регионе. В том числе вокруг проблемы Тайваня. США не желают роста авторитета Китая в Юго-Восточной Азии, но не могут рисковать политико-экономическими связями с ним, поскольку для них выгоднее сотрудничать с Китаем, нежели бороться с ним.

Таким образом, уже в годы «холодной войны» американо-китайские отношения были неоднозначны. В современных условиях они характеризуются постоянными изменениями, движением от кризиса к кризису. Тем не менее их нельзя сравнить с «конфронтационной стабильностью», которая существовала между США и СССР в силу ряда причин.

Во-первых, такие отношения возможны только между державами, чьи потенциалы сопоставимы в военной, политической и экономической сферах и в тоже время существует резкий отрыв их возможностей от всех остальных государств. Если Соединенные Штаты еще сохраняют параметры сверхдержавности, то этого нельзя сказать про КНР. Даже находясь на втором (после США) месте по размеру экономики, Китай входит в клуб развивающихся стран (БРИКС). Перед ним стоит масса нерешенных проблем, которые обострились в ходе современной фазы экономического кризиса. По параметрам военной мощи Китай не может быть сопоставим с США, не говоря уже об отрыве от других стран.

Во-вторых, нельзя сказать, что отношения КНР и США являются конфронтационными, т.е. что действия одной стороны систематически противопоставляются другой. В годы «холодной войны» между СССР и США не было сильно развитых экономических и

политических связей. Взаимозависимость исходила из необходимости избежать глобального военного конфликта с применением ОМУ. США и КНР, напротив, взаимозависимы в экономическом и политическом плане. Этот факт приводит к стремлению сгладить противоречия и достижению компромиссов даже по самым острым проблемам.

В-третьих, в отношениях США и КНР нет такого острого политико-идеологического противостояния. Единственная проблема, которая претендует на разночтение в Вашингтоне и Пекине, – это соблюдение прав человека. Политическая система КНР является демократически ограниченной и однопартийной, что приводит к репрессиям против инакомыслящих. Однако это не делает позиции США и КНР настолько непримиримыми, как это было между СССР и США. Политическая риторика не мешает продвижению двусторонних отношений, в первую очередь экономических. У КНР и США достаточно большой опыт применения двойных стандартов в оценке внутренней политики друг друга. Это краеугольный камень американо-китайского тандема начиная с 1970-х гг.

И наконец, порядок конфронтационной стабильности должен учитывать мнения только двух держав. В современных условиях это не так. После очевидного провала политики односторонних действий единственной сверхдержавы и ее союзников идет процесс децентрализации международных отношений, и КНР выступает в нем как один из центров, который критикует главенство США.

Китай оказывает влияние на мировой порядок благодаря ряду факторов: огромному экономическому потенциалу, растущей военной мощи (в ранге региональной державы), большому потенциалу народонаселения. Все это может обеспечить Китаю решающее воздействие на глобальные процессы и международную торговлю. Современный Китай «играет по правилам» [3, 641], которые предложены не им, но более могущественными игроками. В то же время он в рамках современной системы международных отношений исполняет роль конструктивной, умеренной оппозиции, к которой он стремится привлечь и другие страны (в том числе Россию). Пекин всегда избегал и будет избегать конфронтации с США, но при этом стремится сохранять и наращивать американо-китайские торгово-экономические связи, а также сотрудничество с другими мировыми центрами – Японией и Евросоюзом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатуров, А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А. Д. Богатуров. – М.: Конверт-МОНФ, 1997. – 353 с.
2. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
3. Системная история международных отношений 1918-2003. События и документы. В 4 т. Т. 3. События 1945-2003 / отв. ред. А. Д. Богатуров. – М.: НОФМО, 2003.
4. Стенограмма переговоров Г. Киссинджера и В. Лорда с представителями китайской делегации. – Режим доступа: http://china.usc.edu/App_Images//19710812-lord-kissinger-3.pdf.
5. Joint Communique between the People's Republic of China and the United States of America Issued in Shanghai, February 28, 1972. – Режим доступа: http://www.sinomania.com/CHINA-NEWS/shanghai_communique_30th_anniversary.htm.
6. Joint Communique of The People's Republic of China and the United States of America August 17, 1982// USC USA-China Institute. – Режим доступа: <http://china.usc.edu/ShowArticle.aspx?articleID=414>.
7. Joint Communiqué of the United States of America and the People's Republic of China, 1979 // USC USA-China Institute. – Режим доступа: <http://china.usc.edu/ShowArticle.aspx?articleID=546>.
8. Mann J. About Face. A History of America's Curious Relationship with China, from Nixon to Clinton. – N. Y., 2000.
9. Nixon R. Asia After Viet Nam. Foreign Affairs. October 1967. – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/23927/richard-m-nixon/asia-after-viet-nam>.
10. Taiwan Relation Act. Public Law 96-8-96th Congress // American Institute in Taiwan. – Режим доступа: <http://www.ait.org.tw/en/taiwan-relations-act.html>.

Колиненко Ю. В.
Y. V. Kolinenko

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОБЛАСТИ ЦЕРКОВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СЕРБИИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

GOVERNMENT LEGISLATION ON CHURCH AFFAIRS IN SERBIA: MID 19TH - EARLY 20TH C.

Колиненко Юлия Владиславовна – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Запада и Востока Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва); 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88; 8 903 124 19 96. E-mail: julia.kolinenko@mail.ru.

Ms. Yulia V. Kolinenko – PhD Student, Department of Modern and Contemporary History, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow); 119571, Moscow, 88, Vernadskogo Str.; +7 903 1241996. E-mail: julia.kolinenko@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируется государственное законодательство, регулирующее деятельность сербской православной церкви середины XIX – начала XX вв.: Закон об органах церковной власти 1862 г. с дополнениями от 1882 г. и Закон о церковных властях восточно-православной церкви 1890 г., принятые правительством в рамках политики, направленной на сворачивание церковной независимости.

Summary. The paper analyses government legislation on the affairs of the Serbian Orthodox Church in mid 19th - early 20th centuries: the Church Authorities Law 1862 as revised in 1882; and the Eastern Orthodox Church Authorities Law of 1890 – both passed by the Serbian government as part of the policy intended at curtailing church independence.

Ключевые слова: Сербия, православная церковь, закон, консистории, духовный суд, органы церковной власти, Архиерейский Собор, митрополит, церковная иерархия.

Key words: Serbia, Orthodox Church, legislation, consistory, ecclesiastical court, church authorities, bishops' council, metropolitan, church hierarchy.

УДК 323(497.11)

Государственное регламентирование деятельности Сербской православной церкви нового времени начинается собственно с созданием самого сербского государства, когда молодое княжество Сербия начало активную работу в области законодательства. Для урегулирования отношений между еще несамостоятельным государством и пока еще лишь автономной церковью в 1862 г. был принят *Закон об органах церковной власти православной веры* (30 сентября 1862 г.), с которым сербская церковь встретит в 1879 г. свою независимость.

Проект закона разрабатывался правительством с ведома главы сербской церкви – Митрополита Михаила, и по предложению правительства в рабочую комиссию были включены представители церкви (архимандрит Гаврило Попович). Однако к соглашению стороны не пришли – комиссия больше следовала инструкциям правительства, нежели прислушивалась к предложениям церкви. Проект закона не устраивал Митрополита Михаила, который полагал, что этим законом значительно умаляются права церкви, и что новый порядок «не отвечает правилам и священным канонам православной церкви» [2, 43]. Причина главным образом крылась в том, что церковные суды были выведены из-под власти епископа и отданы в подчинение министерству просвещения и церковных дел, а также значительно сужены полномочия Архиерейского собора [3, 1-11]. По мнению митрополита, «предпринимаемое устройство уничтожает все права, отнимая автономию и ослабляя иерархию, доводит ее в такое состояние и положение, что она перестает быть полезной в государстве, ... так как закон этот вводит в церкви вместо церковного управления светское» [2, 44]. Однако в министерстве придерживались иного мнения – церкви решили оставить ровно столько автономии,

сколько бы позволило не чинить помех государству. Закон был принят без формального договора с церковью и рассматривался многими представителями духовенства как препятствующий осуществлению канонической деятельности и провоцирующий конфликты между церковными и государственными властями [4, 211].

Значительная часть статей Закона 1862 г. была посвящена организации судебного процесса в церкви и определению функций церковных властей. Закон закреплял существование трех органов церковной власти в княжестве [1, 1-49]: 1) епархиальные консистории, 2) апелляционная консистория, 3) архиерейский собор и архиереи.

Епархиальные консистории существовали при архиереях для управления делами, касающимися православной церкви и вершения судебных дел, входивших в круг ее обязанностей. Каждая консистория имела в своем составе пятерых человек – председателя и четырех членов (двух действительных, двух почетных) (§7). Члены консистории выбирались из числа духовенства, председателем должен был быть священник (протоиерей), один из рядовых членов мог быть монахом, остальные – священниками. Состав консистории выбирал архиерей и предлагал министерству, а тот представлял на утверждение князю (§8), причем канцелярия (секретарь, писари) также утверждалась князем. Члены консистории давали архиерею клятву как государственные судьи, которая отсылалась затем в министерство. Штат консистории имел статус государственных чиновников и получал жалованье из бюджета, на них распространялись законы, касающиеся гражданских судов (§14,16). Тем самым церковные суды были выведены из-под власти епископов, что в дальнейшем надолго послужило камнем преткновения между правительством, архиереями и священниками.

В обязанность консисториям вменялось [1, 2-17]: способствовать «сохранению истин православной веры и церкви духовенства и христиан», следить за тем, чтобы священство проповедовало в церквях народу «науку православной веры», давать с благословения архиерея наставления православному священству «как благим советом отвращать христиан от суеверия». Консистория была ответственна за свершение богослужения в церквях и монастырях по церковному уставу, прописанным определенным образом и в определенное время.

Помимо этого в функцию консистории входила забота о содержании церковей, кладбищ, возведении и ремонте храмов, о движимом и недвижимом имуществе церковей и монастырей (сведения о котором должны были передаваться в консисторию приходскими священниками или настоятелями монастырей). Без согласия министерства (по представлению консистории) никакое недвижимое имущество церкви и монастыря не могло быть куплено, подарено, продано или сдано в аренду. Консистория была лишена права напрямую обращаться к правительству – лишь через вышестоящую инстанцию – министерство просвещения и церковных дел.

Члены консисторий должны были вести статистику (списки монашества и священства, списки крещенных, умерших, финансовую отчетность) и каждый год представлять министерству доклад о своей работе (о количестве преступлений, апелляций и т.п.), а также выписку из протоколов об умерших, рожденных и венчанных.

Касательно священства, консистория обязана была заботиться о каноническом совершении чинодействия монахов и священников, а в случае ошибок - предавать их суду по прописанным правилам. Консистории вменялось в обязанность осуществлять правосудие в отношении всех преступных деяний духовных лиц, совершенных во время священнодействия, а также рассматривать случаи незаконного совершения брака и вопросы развода. Однако, несмотря на весьма четкие указания закона о праве консисторий на суд за дисциплинарные проступки, нередко гражданские суды отдавали священников, совершивших уголовное (или административное) преступление консистории с тем, чтобы она выносила наказание священнику по гражданскому делу. Понадобилось специальное разъяснение министра просвещения, где строго разделялись сферы гражданских судов и духовных – гражданский суд не мог выносить приговоры по дисциплинарным нарушениям, а консистория не имела права судить представителей духовенства за гражданские правонарушения [1, 78].

Второй орган церковной власти, апелляционная консистория, являясь инстанцией более высокого порядка, занимался рассмотрением дел, которые по тем или иным причинам не были решены (или неудовлетворительно решены) епархиальными консисториями [1, 18-22]. Аппарат консистории состоял из председателя – епископа, избираемого на один год архиерейским собором, заместителя – архимандрита, трех рядовых членов из числа священства и двух почетных членов. Апелляционная консистория заседала в Белграде два раза в году (мае и сентябре) с санкции митрополита. Так же как и членов епархиальных консисторий, аппарат апелляционной консистории выбирал архиерей (в данном случае – митрополит) и предлагал министру, а тот в свою очередь передавал князю на утверждение (§54).

Высшая церковная власть сербской православной церкви принадлежала Архиерейскому Собору (§75) [1, 22-30]. Закон определял порядок обращения Собора в случае надобности к государственному правительству – через министерство просвещения и церковных дел, и также через него собор должен был получать все правительственные распоряжения и законы, касающиеся церкви и духовенства (§77).

Председателем Архиерейского собора являлся Митрополит Сербский, а членами – все епархиальные архиереи. Закон устанавливал место и периодичность заседаний – собор проводится там, где пребывает государственное правительство один раз в год, в сентябре (но допускалось, что в случае необходимости может собираться и в другое время).

Чтобы избежать неприятных сюрпризов, власти закрепили в законе свое право получать заранее официальное мнение архиерейского собора о любом деле. Через министра просвещения правительство обращалось по интересующему вопросу к митрополиту, а тот – к членам архиерейского собора, – их мнение должно было быть оформлено специальным протоколом и подписано членами собора (специально подчеркивалось, что все это свершалось до начала работы собора).

Все мало-мальски важные решения Архиерейского собора, как-то: закон о суде над духовенством, судебные приговоры архиереям, устройство богословских школ, содержание курсов веронауки в школах, открытие или закрытие монастырей, оплата монахов и настоятелей монастырей, одежда духовенства, количество необходимых протоиереев и епархиальных наместников, регулирование парохий и т.п. должны были подноситься министерству просвещения на утверждение (§93). Более того, выбранный на Архиерейском соборе новый епископ должен был быть одобрен и утвержден указом князем и только потом могла осуществиться хиротония. Архиереям вменялось в обязанность каждые три года объезжать свою епархию и отчет об этом направлять собору, который пересылал его министерству. В случае, если место митрополита оказывалось свободным, администратора митрополии назначало правительство (§95).

Закон просуществовал в неизменном виде до 1882 г., когда после конфликта Митрополита Михаила с властями и последовавшего за тем указа князя Милана 1881 г. об освобождении его от управления Митрополией Сербской [5] правительство внесло в существующий закон поправки, имевшие целью избежать в будущем подобных конфликтов церкви и государства. Власти пошли по проторенному пути урезания прав церкви – ей оставялась полная автономия в «чисто церковных и внутренних вопросах», а ее отношения с государством организовывались таким образом, «чтобы конфликтов и недоразумений между ними не могло быть». Как докладывал на заседании Скупщины председатель законодательного комитета К. Борисавлевич, «...когда тем самым возникают более правильные и прозрачные отношения между государством и церковью и когда их рабочие взаимоотношения защищены предложенным образом, мы можем надеяться, что направление работы церковных органов будет более сообразно с направлением законодательства и государственных органов. Церковь – важная составляющая народной жизни. Поэтому в интересах благоприятного течения общенародного дела – великое достижение, что между церковью и государством будет обеспечен договор и согласие» [6, 592-593]. «Более правильные и прозрачные отношения» подразумевали полный контроль правительства над высшей церковной иерархией. В состав Архи-

ерейского собора кроме архиереев были введены два архимандрита и по одному протоиерею от каждой епархии, которые утверждались королевским указом (I) [7]. О времени созыва собора, первого и заключительного заседания министру должны были сообщать заблаговременно, а все решения собора доставлялись на одобрение министру. Архиереи были приравнены к государственным чиновникам и им была определена ежегодная плата в размере 10 тыс. динар (VII).

Но главные изменения касались выборов митрополита – теперь его выбирал не собор, а специальный избирательный орган, в состав которого, помимо членов Архиерейского собора, входили и представители власти – председатель министерского совета (т.е. глава правительства), министр просвещения и церковных дел, председатель госсвета, председатель кассационного суда и пять членов Скупщины (IV). Выбор Митрополита должен был утверждаться королем – церковный обряд устоличения не мог совершиться прежде одобрения короля. Таким образом, выборы главы церкви очевидно превращались из сугубо внутрицерковного дела в мероприятие государственного значения и под государственным же контролем. События последних лет дали понять, насколько самостоятельными и нелояльными к власти могут оказаться избалованные излишней свободой архиереи, посему требовалось исключить саму вероятность появления высших церковных иерархов, не подчиняющихся законодательству и бойкотирующих правительственные распоряжения. Ведомство Стояна Новаковича блестяще справилось с задачей – архиереи превращались в чиновников на службе королю и государству.

Закон об изменениях и дополнениях в закон о церковных властях православной веры от 31 декабря 1882 г. вступил в силу 1 февраля 1883 г. и позволил правительству полностью сменить всю церковную иерархию. Новый митрополит Теодосий Мраович был выбран на Выборном соборе, в составе которого не было ни одного епископа, а непокорные архиереи, отказавшиеся участвовать в неканонических выборах, по тому же закону были сняты с должностей, а их епархии вскоре, в 1886г., указом короля Милана были вообще упразднены.

Перемена церковного закона стала возможна только с переменой правительственного курса – с отречением в 1889 г. короля Милана и приходом к власти либералов, вернувших опального Митрополита Михаила. Разработка проекта нового закона о церкви вызвала нешуточные баталии, в которые были вовлечены все политические партии, правительство, скупщина и духовенство. Дебаты в Скупщине на чтениях проекта закона притягивали массу любопытных зрителей и журналистов, следивших за перипетиями церковного вопроса, вступавшего в свою завершающую фазу. За статьи закона между церковью (в лице Митрополита Михаила) и Скупщиной шла самая настоящая торговля – в результате закон от 27 апреля 1890 г., хотя и был принят с формального согласия Митрополита, архиереев все равно не удовлетворял, ибо умалнял их влияние и давал светским властям в церкви решающие права [2, 366].

Закон о церковных властях восточно-православной церкви состоял из 246 статей и охватывал все сферы церковной жизни [8]. Вслед за конституцией, статья 1 закона провозглашала восточно-православную веру государственной религией Сербии, а сербскую церковь автокефальной и не зависящей ни от какой-либо иностранной церкви, но поддерживающей единство в догматах с восточной Вселенской церковью. Ст. 2 определяла, что «внутреннее управление восточно-православной сербской церкви принадлежит Архиерейскому Собору». Все церкви, монастыри, епархии и их имущество отдавалось под верховное управление Архиерейского собора и под надзор министерства просвещения и церковных дел (ст. 3).

Закон закреплял церковно-административное разделение земель: область Королевства Сербии в этом отношении разбивалась на епархии, протопресвитерства, наместничества, парохии и капелании (ст. 5). Королевство Сербия делилась на пять епархий: Белградскую, Жичскую, Нишскую, Будимскую и Тимокскую (ст. 6).

Органы церковной власти распределялись следующим образом (ст.8): Архиерейский Собор, Архиепископ Белградский и Митрополит Сербский, епархиальные архиереи, Великий Духовный суд, епархиальные духовные суды, окружные протопресвитеры, парохийские священники, церковная община, монастырские старейшины (архимандриты, игумены, иеромонахи).

Архиерейский Собор представлял собой наивысшую церковную власть. Собор снова (в отличие от версии закона с поправками 1882 г.) состоял только из епархиальных архиереев. В отсутствие председателя собора (митрополита Сербии) должность замещал старейший по хиротонии (ст. 9). Точное время заседания собора (один раз в году, весной или осенью) определял митрополит, о чем извещал министра (ст. 11). Архиерейскому собору вменялось в обязанность «следить за чистотой православной веры народа сербского – по святому письму, священным преданиям, правилам святых апостолов, вселенских и областных соборов, святых отцов и по старым благочестивым обычаям сербского народа» (ст. 19).

Помимо сугубо церковных обязанностей, собор принимал решения о учебниках для преподавания «христианской науки» в школах, которые состоят под надзором государственной власти. По новому закону никакой акт, распоряжение или закон, касающиеся сербской церкви и духовенства, не могли быть приняты или изменены без предварительного слушания Архиерейского Собора. Кроме того, Собор имел право высказывать свое мнение министру просвещения о согласии или несогласии законов и распоряжений относительно церкви и духовенства с духом православной веры.

Митрополит Сербский именовался в законе не главой, а лишь «верховным представителем» сербской церкви (ст. 20), который «поддерживает единство иерархии, обращая внимание на то, чтобы между епископами господствовала любовь и согласие в делах церкви и ее управления».

Любопытно, что ни Митрополит, ни епископы не обладали свободой передвижения вне пределов Сербии – архиереи за разрешением для поездки за границу должны были обращаться к королю. Выбор епископов по-прежнему должен был одобрять король по рекомендации Митрополита, направленной через министра просвещения. Хиротония могла состояться только после утверждения кандидатуры епископа главой государства (ст. 25), а после хиротонии король указом назначал новоизбранного владыку на епископскую кафедру (ст. 26). Каждый епископ был обязан ежегодно представлять собору отчет о своей архиерейской деятельности, который передавался министру просвещения и в случае надобности передавался гласности.

Закон закреплял структуру и обязанности еще одной ветви церковной власти – белого духовенства: окружные протопресвитеры (старейшины над окружными священниками, выбирались ими и поставлялись надлежными епископами) (ст. 30), районные наместники (старейшины над районными священниками, ими и выбираемые, утверждались епископом) (ст. 35), парохийские (приходские) священники (ст. 37) и помощники парохийских священников – дьяконы (ст. 38).

Следующие представители церковной власти – настоятели монастырей – выбирались и поставлялись либо Архиерейским собором (монастыри первого порядка), либо надлежными архиереями (ст. 65). Настоятели управляли движимым и недвижимым монастырским имуществом, составляли каждые три месяца отчет окружному начальнику, а каждый год – инвентарь монастырского имущества для надлежных епископов, надзор за приходом и расходом осуществлял окружной протопресвитер (ст. 67). Все сербские монастыри были поделены на три группы: к первой группе принадлежали самые важные задужбины сербских князей – Студеница, Жича, Раваница, Манасия, Горняк, Любостиня, Каленич и Рача. Монастыри второй группы – Троноша, Наупара и др., к третьей принадлежали все остальные (ст. 75). Монастыри в Сербии были кинувийными (общежительными) (ст. 73), и все монастыри, настоятели и монахи находились под надзором надлежного епископа (ст. 76).

Судебная власть (кроме Архиерейского собора, который вершил суд над епископами и архиепископами, а также разбирал брачные споры членов королевской семьи (ст. 77) принадлежала Великому Духовному суду и епархиальным духовным судам (ими заменялись соответственно Апелляционная и епархиальные консистории закона 1862 г.). Великий духовный суд занимался рассмотрением дел, выходящих за рамки компетенции епархиальных судов, и разрешал споры между церковными властями (ст. 78). Суд состоял из представителей черного и белого духовенства, председатель – епископ, избираемый Архиерейским собором, все члены поставляются указом короля по предложению министра просвещения (ст. 82).

В каждой епархии учреждался свой духовный суд (ст. 95), который, кроме рассмотрения преступлений духовных лиц и дел относительно развода, получал право распоряжения церковными и монастырскими деньгами (в случае суммы больше 2 тыс. динаров требовалось одобрение министра), выносил решение о покупке продаже церковной недвижимости (в случае суммы более 1 тыс. динар требовалось одобрение министра) (ст. 97). Кроме того, суды вели статистические данные (протоколы о крещенных, венчанных, умерших, данные о количестве священников, монастырей, церквей, имущества и т.д.). Члены суда поставлялись королевским указом (ст. 103) по предложению министра (эта статья была впоследствии заменена §8 закона 1862 г. – членов суда выбирал епископ).

Закон 1890 г. подтверждал порядок выбора Митрополита Сербии Выборным собором, однако менялся его состав – все епархиальные архиереи, все архимандриты, все окружные протопресвитеры, а также представители власти – председатель министерского совета, министр просвещения и церковных дел, председатель и заместитель председателя Скупщины, председатель госсовета, председатель кассационного суда, председатель главконтроля, ректор великой школы и ректор Богословии (при условии, если они принадлежат к восточно-православной вере) (ст. 127). Выборный собор после трех месяцев со дня смерти митрополита созывал министр просвещения (ст. 131). Голосование – тайное, из трех выбранных собором кандидатов (ст. 136), для кандидата необходимо было набрать две трети голосов (ст. 138), если же никто не набирал нужного количества голосов, то выборы через четыре дня проводились заново, тогда необходимо было набрать больше половины голосов. Протокол выборов подносился королю на одобрение и после его одобрения избранный епископ утверждался королевским указом по предложению министра Митрополитом Сербии.

Всем архиереям определялись права госчиновников (ст. 225), а годы, проведенные на архиерейской службе, приравнивались к годам госслужбы. Ежегодная плата митрополиту и епископам составляла 8.500 динар, а митрополиту сверх того 4 тыс. динар, кроме того им гарантировалось бесплатное «пристойное» жилье за счет епархии (ст. 226). Члены епархиальных судов также приравнивались к чиновникам (председатель получал жалование в 3500 динар, другие члены от 2500 до 3500 динар). Протопресвитеры получали плату в размере 300 динар, наместники-200 динар из государственного бюджета (ст. 228). Все церковные власти в королевстве Сербия должны были находиться под верховным надзором министра просвещения и церковных дел (ст. 232).

Практически сразу же после вступления в силу Закона о церковных властях была создана комиссия для внесения изменений, которыми значительно расширились функции и увеличивалась власть епископа, однако этот проект так и не был осуществлен. Позже в закон несколько раз вносились изменения и дополнения – законами от 26 апреля 1895 г. [9], 29 июля 1898 г. [10], 11 января 1899 г. [11], 29 января 1900 г. [12], 19 ноября 1910 г. [13]. Дополнения касались в основном передачи власти над епархиальными судами надлежным епископам и увеличения платы архиереям (митрополиту ежегодная плата устанавливалась в размере 15 тыс. динаров, епископам – 10 тыс., кроме того дополнительно митрополиту выплачивалось 7.5 тыс., а епископам по 1 тыс. динаров) (ст. 226).

Закон о церковных властях православной веры благополучно пережил объединение Сербии, Хорватии и Славонии в Королевство СХС в 1918 г., после чего его действие было распространено на всю православную церковь нового государства. Рядом королевских и

правительственных постановлений управление всеми церковными областями объединенной сербской церкви было унифицировано и поставлено под надзор министерства веры.

Сербская православная церковь теряла статус государственной религии в стране, где число православных верующих составляло лишь 46,6 % от всего населения, однако при этом так и не освободилась от государственного контроля. Власти Югославии не собирались отказываться от старой сербской политики надзора и по-прежнему считали целесообразным управлять выборами главы церкви – закон 1930 г. о выборах Патриарха [14] копировал королевское постановление о выборах первого Сербского патриарха 1920 г., согласно которому процедура осуществлялась Выборным собором, состоящим не только из представителей духовенства, но и высших государственных чиновников, и утверждалась указом короля. А принятый в 1929 г. [14] Закон о сербской православной церкви, отделивший наконец церковь от государства, по-прежнему сохранил право короля утверждать епархиальных архиереев. Через надзорные ведомства (министерство юстиции, в ведении которого теперь находилась церковь, и министерство просвещения) государство всегда могло поставить вето на любое решение церкви [15, 567].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник закона, уредаба и наредба министарства просвете и црквених послова по црквеним пословима. Београд. 1880. 144 С.
2. Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије, Минхен 1983. 626 с.
3. Канонска одбрана православне цркве у Србији. Београд. 1881. 51 С.
4. Дучић Н. Упоређење новог закона о црк.властима у Краљевини Србији са законом од 1862г. // Књижевни радови. Књ 5. Београд. 1898. 370 С.
5. Српске новине. 18 октобра, 1881г.
6. Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880-1881. Део 1. Београд, 1881. 1440 с.
7. Српске новине, 14 јануара 1883 г.
8. Српске новине, 5 маја 1890 г.
9. Српске новине, 29 априла 1895 г.
10. Српске новине, 5 августа 1898 г.
11. Српске новине, 19 јануара 1899 г.
12. Српске новине, 5 фебруара 1900 г.
13. Српске новине, 4 децембра 1910 г.
14. Закон о избору патријарха Српске православне цркве (1930), [Online], [https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_избору_патријарха_Српске_православне_цркве_\(1930\)](https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_избору_патријарха_Српске_православне_цркве_(1930)), [10.08.2013].
15. Слијепчевић Ђ. Историја српске православне цркве. Београд. 1991. Књ 2. 673 с.

Кошкин М. А.
M. A. Koshkin

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА ПЕРВОМ КУРСЕ ВУЗА**

**ON PRACTICAL METHODOLOGY OF TEACHING CHINESE TO FIRST-YEAR
UNIVERSITY STUDENTS**

Максим Андреевич Кошкин – докторант Харбинского педагогического университета (КНР, Харбин). E-mail: apkosh@mail.ru.

Mr. Maxim A. Koshkin – postdoctoral student, Harbin Normal University (PRC, Harbin) E-mail: apkosh@mail.ru

Аннотация. В данной статье автор, изучив учебно-методическую и научную литературу, и на основе собственного преподавательского опыта рассматривает проблемные вопросы, связанные с методическим обеспечением процесса преподавания китайского языка на первом курсе.

Summary. Having analyzed appropriate educational and research literature and proceeding from my own teaching experience, I examine here several problems linked to providing methodological support for the process of teaching Chinese to first-year university students.

Ключевые слова: методика, китайский язык, студенты первого курса, содержание обучения.

Key words: methodology, Chinese language, first-year students, syllabus.

УДК [378.02:37.016]:811.58

Начало глобальных экономических реформ в Китайской Народной Республике было положено в декабре 1979 г. Руководство Китая, взяв курс на проведение политики экономических реформ, одновременно стало решать и задачи привлечения внимания к стране, усиления роли КНР на международной арене. В результате данных усилий, начиная с 90-х гг., значительно вырос интерес к этой стране, к её культуре, истории и современному экономическому положению. Либерализация экономической сферы в Российской Федерации также привела к появлению большого количества крупных и мелких, государственных и частных предприятий, бизнес которых так или иначе связан с Китаем и ориентирован на эту страну. Активизация экономических связей, взаимопроникновение капитала и технологий вызвало и необходимость расширения возможностей изучения китайского языка, подготовки специалистов-китаистов со знанием специфики современного Китая.

Процесс перманентного реформирования образования в России имеет две основных составляющих: реформирование образования как системы подготовки и реформы отдельных составляющих системы образования. Основной целью этих реформ является оптимизация учебного процесса, создание условий, при которых студенты смогут получить более полные, активно применимые на практике знания. Это подразумевает создание инструментальной базы, при помощи которой преподаватель сможет максимально полно и в доступной форме донести знания до студентов, которые, в свою очередь, смогут получить необходимый и достаточный набор практических знаний и умений. Такой инструментальной базой может и должна стать методика преподавания, т.е. дидактика, теория обучения, включающая в себя совокупность форм, способов и методов, посредством которых возможно достижение максимального эффекта при организации процесса обучения, создание условий, при которых обучающиеся в полной мере овладеют практическими знаниями и достаточной теоретической базой. Современная, научно обоснованная методика как совокупность передовых мето-

дов, способов и приемов обучения в такой области, как иностранный язык должна быть в первую очередь направлена на перевод учебного процесса из описательного в коммуникативный. Она должна строиться на основе коммуникативной технологии, что подразумевает совокупность приемов практической реализации принципа коммуникативности на занятиях по иностранному языку. [1, 99; 140]

Интернационализация экономических связей как на межгосударственном, так и на уровне бизнеса вызывает острую необходимость в специалистах, хорошо владеющих иностранными языками и знающими специфику соответствующей страны. Интеграция в мировое экономическое и политическое пространство подразумевает среди прочего активные межкультурные коммуникации. Это – объективная необходимость, при которой умение говорить, писать, читать, понимать на слух иностранную речь перестает быть уделом избранных. Человек новой формации существует в социуме, в котором с ним сосуществуют представители другой языковой среды. Знание иностранных языков является непременным условием успешной коммуникации и взаимодействия в обществе. Родным языком человек овладевает с детства в естественных условиях домашней среды. В то же время изучение иностранных языков начинается со школы в искусственной среде. Проблематика, связанная с профессиональной подготовкой учителей иностранного языка, обладающих достаточными компетенциями для адаптации искусственной языковой среды под потребности практической коммуникации, приобретает особую значимость.

Рассматривая вопросы преподавания китайского языка в педагогических вузах России, следует отметить, что проблема качества и содержания подготовки высококвалифицированных учителей стоит очень остро. Это вызвано тем, что методические вопросы преподавания этого иностранного языка в педагогических вузах недостаточно разработаны. В педагогических вузах Российской Федерации нет единых методологических подходов к подготовке учителей китайского языка для школ. Наблюдается не только отсутствие единообразия в приемах и методах обучения, зачастую содержание обучения и, как следствие, результат обучения также оказывается разным. С одной стороны, разнообразие форм и способов обучения дает возможность для проведения сравнительных анализов и детальной оценки образовательного процесса с целью выявления наиболее приемлемого и оптимального пути обучения студентов. С другой стороны, разница в подходах приводит к тому, что выпускники разных вузов при наличии одинаковых дипломов и одинаковой специальности имеют разный уровень знаний.

Определенные сложности наблюдаются также в определении самих критериев оценки. Учебным планом предусмотрено, что студенты на каждом курсе должны овладеть определенным количеством иероглифов. Но что значит овладеть? Учитывая то, что изучение иероглифов для российских студентов представляет значительную сложность, этот вопрос представляет особую важность. В течение учебного года можно найти в текстах, при работе с газетами, в упражнениях и т.д. несколько сотен и даже тысяч иероглифов. Но количество не обязательно должно перейти в качество. Студент может уметь читать и переводить иероглиф, но не уметь его писать. Может уметь и то, и другое, но не уметь применять это в практической деятельности.

Есть сложности с критериями оценки уровня владения разговорной речью. Российским студентам, учитывая языковое сходство, лингвистические особенности, калькирование, близость фонетики значительно легче дается изучение европейских языков, нежели восточных. Можно ли считать задачу овладения устной речью выполненной, если студент научился свободно высказывать свои мысли, понимать и адекватно реагировать на чужую монологическую речь и свободно общается в рамках диалогов? Решена ли данная задача при наличии несоответствующего стандарту произношения? Что означает с содержательной точки зрения овладение несколькими тысячами или десятками тысяч лексических единиц? Успешное овладение лексическими единицами подразумевает умение применять их в повседневной речевой деятельности. Но лексика бывает активной и пассивной. Можно знать и уметь приме-

нять в речи десять тысяч слов, но 80 % из них могут пригодиться не более 2-3 раз в жизни, а можно знать пять тысяч активно применяемых, используемых в постоянной речевой практике лексических единиц.

Исследователи синтаксиса китайского языка (В. И. Горелов, Тань Аошуан, В. А. Курдюмов и др.) отмечают, что строй китайской речи, построение фраз, словосочетаний отличается от того, к чему мы привыкли в родной речи. Что касается грамматики, то для русских студентов, изучающих китайский язык, сложность заключается не столько в том, что традиционная русская грамматика, на которую при сопоставительном анализе пытаются сослаться педагоги, не в силах объяснить особенности китайской речи, но и в том, что студенты постоянно пытаются найти аналогии в европейских языках, создать стройную и логичную схему построения слов, фраз, фразовых компонентов, предложений и т.д. в соответствии с более знакомой схемой родного или изучаемого западного языка, что приводит к трудностям и непониманию.

В отличие от студентов, изучающих английский, немецкий, французский язык, студенты, поступившие в университет на специальности, связанные с китайским языком, как правило, к первому занятию не имеют никаких сведений о китайском языке. В России существует незначительное количество школ с преподаванием восточных языков, но даже и из этого небольшого количества школ лишь отдельные выпускники идут в педагогические вузы. Именно поэтому представляется важным начинать общение со студентами первого курса на китайском языке сразу с первых занятий, постепенно приучая их к осознанной необходимости напрямую получать информацию из китайской речи, минуя посредничество родного языка. Такое общение должно строиться на основе изученных звуков, лексики и грамматики. Результатом изучения иностранного языка должен стать высокий уровень коммуникативной компетенции, поэтому общение на иностранном языке, особенно на начальном этапе, должно быть направлено на отработку навыков использования иностранного языка в различных практических речевых ситуациях.

Российские и зарубежные исследователи китайского языка (М. К. Румянцев, А. Н. Алексин, Ма Тяньюй и др.) отмечают, что главные трудности лежат не в грамматических особенностях, а в сфере произношения, в особой тоновой системе китайского языка. Необходимость успешного освоения фонетики китайского языка, овладение, как теоретическими основами, так и практическими навыками произнесения звуков является обязательным условием успешной коммуникации. Правильная артикуляция, заложенная на начальном этапе формирования коммуникативной компетенции, позволит в дальнейшем довести произносительный уровень до близкого к произношению носителей языка. Необходимость постоянной работы над фонетической компонентой речевой деятельности является важной составной частью учебного процесса. Правильное, соответствующее или приближенное к носителям произношение подразумевает правильное произнесение как отдельных звуков, так и слов и предложений. Особые сложности представляют собой придыхательные звуки *b, p, t, k*, а также взрывные звуки *g, d*. Из гласных звуков наиболее трудно дается звук [e], чей особенностью является артикуляционная схожесть с русским звуком [ы], при этом по фоновому оформлению он больше похож на звук [э]. Постоянная отработка звуков, прослушивание и многократное повторение звуков за преподавателем, диктором дают положительный результат.

Важнейшей и достаточно сложной частью занятий по фонетике является отработка навыков потонового произнесения. Именно тоновая система в первую очередь отличает устный китайский язык от устного русского или другого европейского языка. Именно благодаря тоновой системе китайский язык, имеющий малое количество слогов, приобретает дополнительные возможности. При отсутствии тонов китайский язык представлял бы собой собрание омонимов, практически неразличимых по смыслу. Имея в запасе всего несколько сот слогов, китайцы, произнося их четырьмя разными тонами (фактически, считая нейтральный, получается пятью), увеличивают реальное количество слогов, уменьшая тем самым количество омонимов. Таким образом, тоны в первую очередь имеют смысловоразличительную функцию.

При обучении тональной системе китайского языка необходимо создать у студентов осмысленное представление о том, что такое тон. Практическое освоение тонов начинается с работы над собственным речевым диапазоном, так как он индивидуален. Студенты должны определить в своем речевом диапазоне максимально высокие и низкие уровни. Именно после определения таких уровней, что достигается определенными тренировками, студентам предлагается условно разделить свой речевой диапазон на пять частей и затем, в зависимости от особенностей того или иного тона, отрабатываются практические навыки. Так, первому тону соответствует самый высокий уровень звучания (5-5), второму тону, считающемуся восходящим, соответствует показатель 3-5, третий 2-1-4, четвертый 5-1. При этом первый и третий тоны считаются долгими, второй и четвертый – короткими (см. рис. 1).

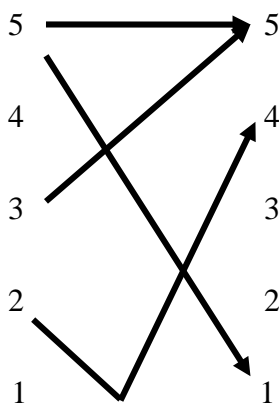

Рис. 1. Тоны в китайском языке

Создав и закрепив через фонетические упражнения и многократное повторение навыки потонного произнесения отдельных звуков, слогов, односложных слов, необходимо перейти к отработке двусложных слов в различных тональных сочетаниях. Выполняя фонетические упражнения, следует четко разграничивать вопросы сочетаемости и редукции тонов. Так, двусложные слова, содержащие два слога второго тона, должны произноситься лесенкой, т.е. первый слог как бы на уровне 3-4, а второй слог на уровне 4-5 (同学 *tóngxué*), слова, состоящие из двух слогов третьего тона, читаются 3-5 + 2-1-4, т.е. первый слог читается вторым тоном, а второй слог третьим (粉笔 *fénbǐ*) и т.д.

В последние годы интерес к изучению китайского языка значительно вырос, китайский язык изучают люди разных возрастных категорий, на курсах и в школах, однако, к моменту поступления в вуз, большинство первокурсников не имеют базовых знаний по фонетике, языковому строю китайского языка. Исходя из вышеизложенного, начальный процесс обучения китайскому языку в вузе должен строиться иначе, чем процесс обучения западным языкам, которые студенты уже изучали в течение нескольких лет в школе. Здесь необходимо учитывать не только лингвистический аспект, но и возрастные психологические особенности студентов, начинающих изучать иностранный язык в 17-19 лет.

Особенности возрастной психологии допускают активное применение на занятиях различных ситуативных игр, в том числе с использованием интерактивных возможностей, способствующих выработке навыков говорения. Использование игры на занятиях позволяет формировать и развивать навыки и умения, находить необходимую информацию, преобразовывать ее, вырабатывать на ее основе способы ее применения. Игра помогает обеспечить взаимное общение студентов и преподавателя. Она способна обеспечить не только индивидуальную, но и парную, групповую и коллективную форму работы на занятии. Главным же при этом является то, что она дает возможность успешно решать основную задачу – задачу обучения общению на китайском языке путем общения на китайском языке. Конечно, речевые игры со студентами первого курса не отличаются большой сложностью и обилием языковых ситуаций. При этом важным социально-психологическим воздействием игры на учащихся является то, что студенты преодолевают боязнь говорения на китайском языке, привыкают к различной произносительной манере и темпу речи.

Отдельную трудность представляет изучение иероглифики как системы письменных знаков. Данная письменная система принципиально отличается от буквенной системы в русском, английском, французском и других европейских языках. Строгий порядок написания, внимание к каждой черте, необходимость многократного прописывания и повторения за-

трудняет изучение иероглифов. Исследователи китайского языка отмечают, что главную трудность представляет не только сложность написания, но и количество иероглифов в китайском языке, из которых только часто употребляемых более пяти тысяч. Как отмечает А. П. Кошкин, «действительно, иероглифика, ввиду определенных трудностей, связанных со сложностями изучения, значительно ограничивает объем изучаемого материала, однако, одновременно, она расширяет лингвокультурный компонент языка...». [4, 152]. Интересной особенностью обучения иероглифике является возможность использования творческого подхода. Для начинающих изучать иероглифику русских студентов китайская письменность кажется набором рисунков. Этим необходимо воспользоваться и попробовать задействовать художественный потенциал. Некоторые китайские символы, особенно самые древнейшие, похожи на изображаемый предмет, поэтому можно предложить студентам изобразить его, а потом продемонстрировать иероглиф, его обозначающий (например, 人 – человек, 大 – большой, 日 – солнце). [5, 130]

Одной из важнейших составляющих содержания занятия является работа с текстами. При отработке навыков работы с текстами также необходимо использовать все возможности для говорения. Преподаватель должен обсуждать со студентами содержание текста. При этом на начальном этапе преподаватель сам пересказывает текст на китайском языке, а студенты лишь добавляют отдельные слова. Постепенно преподаватель подводит студентов к тому, что они вместе выделяют основную мысль текста и формулируют ее по-китайски. На более продвинутом этапе студенты самостоятельно пересказывают текст, беседуют по содержанию текста, активно используя новую лексику.

При работе над новой грамматической темой необходимо иметь в виду, что практическое владение иностранным языком не отменяет необходимость овладения грамматическим материалом, т.к. только понимая, как, по каким правилам и алгоритмам строится та или иная грамматическая конструкция, зная синтаксические особенности, можно добиться корректной речи.

При работе над грамматическим материалом выделяются следующие ступени, содержание и последовательность которых могут меняться в зависимости от уровня подготовки студентов, а также целей и задач, определяемых преподавателем в соответствии с рабочей программой дисциплины:

1) вводная часть, которая подразумевает полное теоретическое освещение новой грамматической структуры, выявление особенностей функционирования и употребления в речи;

2) первичное закрепление, которое подразумевает рассмотрение заранее подготовленных преподавателем или непосредственно на занятии созданных практических учебно-речевых ситуаций, в которых может быть задействована новая грамматическая структура, в том числе через чтение, аудирование и т.д.;

3) контроль понимания и усвоения нового грамматического материала.

Таким образом, вопрос выстраивания методической системы преподавания китайского языка в вузах России представляется насущной задачей. Данная задача многогранна и включает в себя целый комплекс проблем, включая разработку новых, отвечающих современным требованиям учебных пособий и интерактивных учебных программ.

Решением этой задачи, которая имеет первостепенное значение для повышения качества формирования необходимых навыков и компетенций, должны заниматься как научно-педагогические работники, так и практики-китаисты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: ИКАР, 2009. – С. 99, 140.
2. Китайская фонетика. Полный интерактивный курс. – М.: Восточная книга, 2009. – 64 с.

3. Кошкин, А. П. Формирование грамматических навыков при обучении студентов китайскому языку в педагогическом вузе. Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск. 18-19 ноября 2009 г. /отв. ред. Л. Б. Никитина. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. – С. 106.
4. Кошкин, А. П. Особенности обучения иностранным языкам (китайскому) в педагогическом вузе: статья / А. П. Кошкин // Дальний Восток территория развития: наука и инновация: сб. материалов Междунар. заочной электронной науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 14 ноября – 14 декабря 2008 г.). – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2009. – С. 152.
5. Кошкин, М. А. Некоторые особенности организации и обучения китайскому языку на языковых курсах. Амурский научный вестник: сб. науч. трудов / М. А. Кошкин. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2012. – С. 130.
6. Ма Тяньюй. Учебник практической фонетики китайского языка / Ма Тяньюй, Н. Н. Воропаев. – М.: Восточная книга, 2013. – 208 с.
7. Масловец, О. А. Методика обучения китайскому языку в средней школе: учеб. пособие / О. А. Масловец. – М.: Восточная книга, 2012. – 184 с.
8. Наливайко, Т. Е. Диагностика сформированности ключевых компетентностей обучаемых: педагогические возможности и методы оценки / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – № II-2(6). 2011. – С. 25-27.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T. E. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

**ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ: ОТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ЗДОРОВЬЯ К КАЧЕСТВУ ЖИЗНИ**

**EMOTIONAL WELLBEING OF A PERSON: FROM "PSYCHOLOGICAL HEALTH"
TO "LIFE QUALITY"**

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8(4217)53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor habil. of Educational Studies, Professor, Head of the Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Av.; +7 (4217) 53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8(4217)27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Educational Studies, Associate Professor, Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 48/1, Vokzalnaya Str., apt. 2; +7 (4217) 27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается соотношение понятий «эмоциональное благополучие» и «психологическое здоровье»; предлагается анализ основных подходов к определению эмоционального благополучия и его составляющих; затрагиваются возрастные аспекты становления эмоционального благополучия личности; раскрывается сущность эмоционального благополучия как психологического аспекта качества жизни, в котором эмоциональное благополучие выступает показателем удовлетворенности условиями жизни, позволяющими реализовывать потребности индивида.

Summary. The paper examines the correlation between such notions as “emotional wellbeing” and “psychological health”; we review and analyze the main approaches to the concept of emotional wellbeing and its components; we address the age aspects of the process of formation of individual emotional wellbeing; we reveal the nature of emotional wellbeing as a psychological aspect of life quality, where emotional wellbeing stands for the satisfaction indicator of living circumstances which allow an individual to satisfy his/her needs.

Ключевые слова: эмоциональное благополучие, качество жизни, психологическое здоровье, обучающиеся, субъект, жизнедеятельность, потребности.

Key words: emotional wellbeing, life quality, psychological health, students, subject, life activity, needs.

УДК 159.922

В настоящее время все более актуальной становится проблема эмоционального благополучия личности ввиду того, что положительное эмоциональное состояние является одним из основных условий гармоничного развития человека. Эмоциональная гармония является целью, к которой каждый человек стремится на протяжении всей своей жизни, и на каждом возрастном этапе эта гармония наполняется своим конкретным содержанием. Также сейчас стремительно увеличивается число исследований в области эмоционального благополучия

личности, что говорит о важности и необходимости эмоционального комфорта для индивида на всех этапах его развития.

М. И. Лисина [7] определяет эмоциональное благополучие как стабильное эмоционально-позитивное состояние личности, источником которого считается удовлетворение базовых потребностей данного возраста: как социальных, так и биологических. Такие исследователи, как И. Ю. Ильина, А. Д. Кошелева, Е. П. Арнаутова [6] понимали под эмоциональным благополучием комфортное положительно-эмоциональное самочувствие личности, которое является основой взаимоотношений человека с окружающей действительностью. Оно влияет на специфику внутренних переживаний индивида, на эмоционально-волевую и познавательную сферы личности, на способы переживания стрессовых ситуаций и способы взаимоотношения с окружающими. Г. А. Урунтаева [10] определяет феномен эмоционального благополучия как ощущение уверенности, безопасности, которое ведет к гармоничному развитию личности, формированию у него позитивного отношения к предметам окружающей действительности.

В качестве базового нами было использовано определение Н. В. Дмитриевой, в соответствии с которым эмоциональное благополучие может быть определено как интегральная характеристика личности, в которой сфокусировались чувства, обусловленные успешным функционированием всех сторон личности.

Практические психологи связывают эмоциональное благополучие с психологическим здоровьем. Эмоциональное благополучие является одной из важнейших характеристик психологического и психического здоровья личности [8].

Понятие «психологическое здоровье» в научный обиход ввела И. В. Дубровина [2]. Она полагала, что психологическое здоровье – это важная предпосылка полноценного становления и функционирования человека в процессе онтогенетического развития. В научной литературе понятия психологического и психического здоровья считаются практически тождественными. Например, психическое здоровье личности определяет присутствие внутренних сил, которые нужны человеку для жизни в социуме: способность человека логично мыслить, развитый самоконтроль, непоколебимая воля, способность к целеполаганию, планированию и организации собственной деятельности. Это жизненная сила человека, зависящая от гармоничного развития и функционирования его психического аппарата. В то же время способность выживать, адаптироваться и развиваться в изменяющихся, не всегда благоприятных, но естественных для большинства условий окружающего мира, считается предпосылкой психологического здоровья человека. Данное понятие традиционно используют для характеристики человека как субъекта своей жизни, активно изменяющего себя, свои характеристики и способности [9].

Психологическое здоровье осмысливается исследователями [1; 3; 5; 9; 12] как состояние, формирующееся у индивида через его приобщение в ходе социализации к человечности как родовому качеству. Человечность в свою очередь характеризуется как воплощение в своей жизни нравственных принципов, духовных ценностей, как созидательное преобразование окружающей действительности и самого себя. В христианстве человечность выражается в индивидуальном стиле жизнедеятельности, который предполагает выбор поведения, производимый свободно, сознательно и ответственно. Данный выбор опирается на ценностно-смысловое определение субъекта жизнедеятельности. Психологическое здоровье заключается в неразрывном единстве жизнеспособности человека и его человечности. Суть психологического здоровья состоит в адекватном развитии согласно возрастной норме человека.

Е. Е. Чернухина, Т. Н. Афонина определяют психическое здоровье человека через эмоциональное благополучие, которое характеризуется полным отсутствием аномальных психических состояний, а также успешной саморегуляцией человеческого поведения согласно условиям окружающей действительности [12].

Эмоциональное благополучие, являясь компонентом психологического здоровья личности, предполагает полное удовлетворение потребности в межличностном общении, фор-

мирование благожелательных семейных отношений, доброжелательных отношений в учебном, трудовом коллективах между учащимися и учителями, а также создание благоприятного эмоционального контекста жизненных обстоятельств. Негативное эмоциональное самочувствие вызывает появление эмоциональной отстраненности, разрыв межличностных взаимоотношений, вызывает одиночество и снижает жизненный тонус личности [9].

Разрабатывая категорию «эмоционального благополучия», исследователи раскрывают и анализируют отклонения в развитии эмоциональной сферы человека. Категория эмоционального благополучия в целом является более ёмкой нежели категория эмоционального здоровья. Всемирная организация здравоохранения определяет здоровье через понятие благополучия, дабы отойти от противопоставления понятий здоровье – болезнь, и рассматривает индивида и его проблемы системно [4; 8; 11]. При этом употребление понятия «эмоциональное благополучие» как независимой, настоящей и полноценной категории, позволяющей комплексно изучать эмоциональные проблемы личности, затруднительно, ввиду того что, в психологической науке изучение эмоционального благополучия личности носит не четкий характер, не систематизировано в полной мере. Таким образом, наиболее актуальным является изучение и обобщение теоретических и практических знаний в области эмоционального благополучия.

Множество отечественных и зарубежных исследователей занимались интерпретацией термина «эмоциональное благополучие». Так, И. М. Лисина [7] полагает, что эмоциональное благополучие гарантирует адекватную самооценку личности, высокоразвитый самоконтроль, направленность на успех в достижении поставленных целей, гармоничные комфортные отношения в семье и за ее пределами. В связи с этим эмоциональное благополучие считается наиболее точным понятием для определения успешности развития личности ребенка. Эмоциональная сфера личности является ведущим компонентом в развитии личности, ввиду того, что общение не станет продуктивным, если его участники не умеют считывать эмоциональное состояние собеседника и не способны управлять своим эмоциональным состоянием. Распознавание своих чувств и эмоций играет важную роль в развитии личности ребенка. Важнейшим источником переживаний ребенка являются его взаимоотношения с окружающими людьми – с взрослыми и со сверстниками. Ласковое, внимательное отношение к ребенку, признание его прав способствует развитию эмоционального благополучия, формирует уверенность в себе, а также чувство защищенности. При таких обстоятельствах у школьника преобладает приподнятое веселое и радостное настроение. Эмоционально-комфортное состояние помогает развиваться личности ребенка адекватно его возрасту, вырабатывает у него позитивные личностные качества, доброжелательное отношение к социуму [8].

Исследователи расходятся во мнениях относительно того, что считать критериями эмоционального благополучия. Тем не менее анализ этих исследований позволяет нам систематизировать и представить основные из них, это:

- характер взаимоотношений ребенка с окружающими людьми, отношение к самому себе;
- общее позитивное эмоциональное состояние ребенка;
- умение ребенка распознавать эмоциональное состояние другого человека;
- допустимая степень личностной и ситуативной тревожности;
- высокий уровень активности;
- хорошее самочувствие, работоспособность;
- нормативный уровень самопринятия;
- наличие четких жизненных планов.
- позитивные отношения с окружающими людьми.

Кроме указанных критериев можно выделить ряд факторов, влияющих на эмоциональное благополучие: физическое самочувствие; психологический климат в референтной группе; самооценка; наличие близости в общении; степень удовлетворения потребностей и т.п.

Отрицательные социальные эмоциональные состояния, испытываемые человеком в определенных жизненных обстоятельствах, довольно часто обусловлены непринятием и без-

различием, проявляемым близкими и значимыми людьми. В комплексе эти негативные эмоциональные состояния создают фундамент эмоционального неблагополучия. Эмоциональное неблагополучие – это проявление негативных эмоциональных состояний, приносящих затруднения в повседневную жизнь человека. Основной причиной появления эмоционального неблагополучия считается неправильное воспитание ребенка с раннего возраста [11].

Таким образом, эмоциональное благополучие может быть определено как интегральная характеристика, в которой сфокусировались чувства, обусловленные успешным функционированием всех сторон личности.

Эмоциональное благополучие личности рассматривается как составная часть психологического здоровья. Эмоциональное благополучие раскрывает степень самодостаточности личности, адекватность восприятия себя, окружающих людей и обстоятельств жизни.

Эмоциональное благополучие может рассматриваться и как состояние удовлетворенности личности собой, взаимодействием с другими, осуществляемой деятельностью и жизненными обстоятельствами. Названные категории составляют психологический аспект качества жизни, в котором эмоциональное благополучие выступает показателем удовлетворенности условиями жизни, позволяющими реализовывать потребности индивида.

Качество жизни, являясь субъективной оценкой собственного благополучия, опирается на различные критерии оценивания:

- социально-признанные для данной культуры на данном временном отрезке образцы жизни и деятельности;
- субъективная иерархия жизненных ценностей и представлений о субъективном благополучии.

И оценки качества жизни с точки зрения этих различных критериев могут не совпадать. Однако эмоциональное благополучие является индикатором, обнаруживающим показатели качества жизни по каждому из критериев. Переживание эмоционального благополучия является составной частью качества жизни, устанавливая синонимичную связь с «удовлетворенностью жизнью». Н. М. Брэдбери, рассуждая об этом феномене, вводит показатель эмоционального баланса, который отражает разницу, где уменьшаемое – сумма положительных эмоций, а вычитаемое – сумма отрицательных эмоций. Многие авторы вслед за упомянутым исследователем стремились найти «формулу» качества жизни человека. Исследовалось соотношение когнитивной, эмоциональной и поведенческих составляющих в результирующую оценку качества жизни (Н. Д. Творогова). Качество жизни, безусловно, является более широким понятием, чем эмоциональное благополучие, но качество жизни включает в себя и невозможно без эмоционального благополучия.

Эмоциональное благополучие, как мы выяснили, представляет собой интегральную характеристику, складывающуюся в процессе взаимоотношения индивида с окружающими и самооценки. Эти феномены поддаются внешнему влиянию, что стимулирует поиск способов внешней поддержки и стимуляции эмоционального благополучия личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – СПб.: Питер, 2008. – 254 с.
2. Дубровина, И. В. Возрастная и педагогическая психология / И. В. Дубровина, А. М. Прихожан, В. В. Зацепин. – М.: Академия, 2000. – 329 с.
3. Заусенко, И. В. Личностные детерминанты психологического благополучия педагога: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Заусенко Ирина Викторовна. – Екатеринбург, 2012. – 22 с.
4. Идобаева, О. А. Исследование эмоционального благополучия современных подростков как предпосылка коррекционной работы школьного психолога: дис... канд. психол. наук / Идобаева Ольга Афанасьевна. – М., 1998. – 143 с.

5. Коломинский, Я. Л. Психическое развитие детей в норме и патологии: психологическая диагностика, профилактика и развитие / Я. Л. Коломинский, Е. А. Панько, С. А. Игумнов. – СПб.: Питер, 2006. – 480 с.
6. Кошелева, А. Д. Роль семьи в становлении эмоционального отношения ребенка к миру / А. Д. Кошелева // Детский сад от А до Я. – 2004. – № 4. – С. 124-136.
7. Лисина, М. И. Общение, личность и психика ребенка / М. И. Лисина. – М.: Воронеж, 1997. – 216с.
8. Пожиткина, Н. В. Анализ эмоционального благополучия школьника в контексте его психологического здоровья / Н. В. Пожиткина, Д. А. Савенок, А. В. Папушина // Психология, социология и педагогика. – 2012. – № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/06/856> (дата обращения 19.01.2014).
9. Работа психолога в школе [Электронный ресурс] / Ваш психолог. – Режим доступа: <http://www.vashpsixolog.ru/lectures-on-the-psychology/134-other-psychology/792-reflection-teacher-reflection>. – Загл. с экрана.
10. Ребер А. С. Большой толковый психологический словарь / А. С. Ребер. – М.: АСТ, 2001. – 592 с.
11. Тверская, Н. В. Здоровьесберегающий подход в развитии успешности ученика / Н. В. Тверская // Образование в современной школе. – 2005. – № 2.
12. Шабakov, С. В. Эмоциональный интеллект: российская практика / С. В. Шабakov, А. А. Алёшина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 171 с.

Махова И. Ю., Фань Шо
I. Yu. Makhova, Fan Shuo

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ РОССИИ И КИТАЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

THE NATIONAL IDENTITY OF RUSSIAN AND CHINEESE UNIVERSITY STUDENTS, MEASURED BY PSYCHOMETRIC TESTING

Махова Ирина Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: miu60@mail.ru
Ms. Irina Yu. Makhova – PhD of Psychology, Associate Professor, Department of Educational Psychology, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: miu60@mail.ru.

Фань Шо (КНР) – магистрант направления подготовки «Педагогическое образование» Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: 1775742999@qq.com
Ms. Fan Shuo – MA student of “Teacher Education” program, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: 1775742999@qq.com

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования ценностного компонента гражданской идентичности представительной выборки студентов российского и китайского гражданства, обучающихся на территории РФ и КНР. Обоснована и впервые применена модифицированная процедура психометрического теста Делингер в адаптации А. А. Алексеева, Л. А. Громовой в исследовании идентичности. Ассоциируемыми с фигурами выступили категории «гражданин», «патриот», «Россия», «Китай», «мы», «они», «свой», «чужой». Корреляционный анализ ассоциативных оценок позволяет сделать выводы о гражданских идентификациях номинальных групп респондентов, а также об аутгруппах, с которыми они деидентифицируются.

Summary. The paper presents the results of an empirical study of the value component of the national identity of a representative sample of university students of Russian and Chinese citizenship doing their studies in the Russian Federation and in the People’s Republic of China. We substantiate and for the first time apply the modified procedure of Delinger’s psycho-geometric test, adjusted by A.A. Alekseyev and L.A. Gromova, to the study of a person’s identity. We associate the test’s images with such notions as “citizen”, “patriot”, “Russia”, “China”, “we”, “they”, “friend”, “foe”. The correlation analysis of associative evaluations makes it possible to arrive at certain conclusions about the national identification of the nominal groups of respondents, and also about the out-groups with which they de-identify themselves.

Ключевые слова: гражданская идентичность, эмоционально-ценностный компонент, территориальный аспект, национально-гражданский аспект, культурно-независимый проективный метод исследования.

Key words: civil identity, emotional-value component, territorial aspect, nation-civil aspect, in a cultured way-independent the projective method of study.

УДК 159.9.072

Феномен гражданской идентичности оказался в фокусе психологических исследований недавно, в связи с появлением и развитием в России и ближайшем зарубежье гражданского общества как особой формы существования людей, отличающейся демократичностью взаимодействия, ориентацией на правоотношения в условиях независимости и свободы [5]. Однако функционирование такого общества невозможно без целенаправленного совершенствования отношений между людьми разных поколений, представителей разных национальностей, религиозных конфессий, политических партий, обеспеченных адекватным уровнем развития правосознания, гражданской позиции и критического мышления каждого субъекта.

По мнению А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева, А. Г. Саниной, гражданская и государственная идентичности являются интегрирующим фактором общества в процессе его экономического развития, фактором консолидации людей вокруг интересов страны, поэтому степень их укоренённости в сознании и действии граждан – залог политической и духовной консолидации, единства общества [6; 9]. Авторы называют гражданскую идентичность «смазкой социального механизма», обеспечивающей его «бесперебойное функционирование», и подчеркивают, что во всех странах восточного региона экономические реформы проводятся исключительно под патриотическими лозунгами [9].

Не случайно одним из важнейших результатов отечественного общего образования законодатель видит формирование гражданской идентичности учащихся и студентов, что составляет основу укрепления российской государственности [11; 12].

Проблему формирования гражданской идентичности называют актуальной и исследователи Китая. Историки А. С. Селищев и Н. А. Селищев отмечают, что «китайское самосознание и гордость за родину растут с экономическими успехами этой великой державы» [7, 30]. Исследования Шю Кун Лун, Ху Ли посвящены анализу китайской идентичности и так называемого «народного самосознания» [16; 17]. Авторы рассматривают китайскую идентичность как однородность, общность или единство китайской нации. Разнообразие и культурная самобытность китайской нации интегрируется китайской идентичностью как соотношение между индивидуальным и общим в структуре индивидуальности. Самосознание является мерой уровня зрелости личности, основанием ее интеграции, объединяющим компоненты личности, способствующим развитию внутренней мотивации человека. Лю Шу Янь рассматривает идентичность как условие успешности человека, его стремления и достижения лучшей жизни и преодоления трудностей жизни [16].

Проблема формирования гражданских идентификаций молодежи и гражданской позиции студентов весьма актуальна в условиях академической мобильности, обусловленной «болонскими» процессами, тенденциями развития современного российского высшего образования и его интеграцией в мировое образовательное пространство. Кроме того, юношеский возраст – период самоопределения и идентификаций, обусловленных социокультурным контекстом, собственными усилиями и выполнением социальных ролей в ходе развития [14]. Выработка политических взглядов, принятие и переоценка религиозных и моральных убеждений наряду с выбором профессии, профессионального пути и принятием набора социальных ролей являются наиболее важными сферами идентификаций юноши.

Границы понятия «гражданская идентичность» как объекта психологического исследования не до конца определены как с позиции его феноменологии, так и концептуально. Существуют проблемы дифференциации, обозначенные в работах большинства исследователей, феноменов этнической, государственной, гражданской и социальной идентичности. Так, Г. Тэджфел, Т. В. Водолажская, Р. Ю. Шикова рассматривают гражданскую идентичность как компонент социальной идентичности, результат отождествления себя субъектом с определенными социальными группами [2; 10; 13]. П. В. Григорьев не разделяет гражданскую и этническую идентичность, подчеркивая, что гражданская идентичность – это отождествление субъектом себя с определенной нацией (в частности российской), его включённость в жизнь страны, переживание причастности к ее прошлому, настоящему и будущему

[3]. Кроме того, феномен идентичности зачастую авторы не отделяют от феномена самосознания (например, А. Г. Асмолов, Т. В. Водолажская, И. В. Вилкова, Шу Кун Лун, Ху Ли и др.). Вместе с тем именно в двойственной природе идентичности (сознательной и бессознательной), рассматриваемой в большинстве концепций (У. Джемс, Дж. Мид, Э. Гофман, Э. Эриксон и др.), кроется, на наш взгляд, ее объяснительный, прогностический потенциал и регулятивная роль в поведении субъекта.

Концептуально гражданская идентичность представлена как минимум в двух парадигмах: индивидуальной и групповой (или социально-психологической).

Социально-психологическая парадигма в исследовании гражданской идентичности представлена в работах Г. Теджела, Д. Тернера, И. Р. Сушкова, А. Г. Саниной и др. Структура идентичности как социально-психологического феномена определяется в исследованиях А. Г. Саниной. Она включает субстанциональные основания (социальная память, социальные знания, социокультурный опыт), пространственный аспект (механизм территориальной идентификации), деятельностный аспект [6].

Индивидуальный ракурс рассмотрения гражданской идентичности представлен в работах Т. В. Водолажской, А. Г. Асмолова и др. Под «гражданской идентичностью» А. Г. Асмолов понимает «осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определённого государства на общекультурной основе» [4, 37], гражданская идентичность не совпадает с понятием «гражданство», имеет личностный смысл, отражающий целостное отношение субъекта к природному и социальному миру [4]. В структуре гражданской идентичности Т. В. Водолажская выделяет когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный компоненты. А. Г. Асмолов помимо перечисленных аспектов гражданской идентичности в ее структуру включает деятельностный компонент.

Организация, методы и результаты эмпирического исследования.

Нами было предпринято исследование гражданской идентичности российских и китайских студентов, обучающихся в вузах РФ и КНР. Группы респондентов, составивших выборку эмпирического исследования, были выровнены по нескольким признакам: по гражданской принадлежности, по полу, по территории проживания (обучения). В исследовании приняли участие 160 студентов. Структура выборки исследования представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура выборки эмпирического исследования гражданской идентичности студентов

Студенты, имеющие китайское гражданство	Кол-во	Студенты, имеющие российское гражданство	Кол-во
Девушки, обучающиеся в России	20	Девушки, обучающиеся в России	20
Юноши, обучающиеся в России	20	Юноши, обучающиеся в России	20
Девушки, обучающиеся в Китае	20	Девушки, обучающиеся в Китае	20
Юноши, обучающиеся в Китае	20	Юноши, обучающиеся в Китае	20
ВСЕГО:	80	ВСЕГО:	80

Методы исследования определены эмпирической моделью гражданской идентичности, сформированной на основе исследований Тэджфела, Саниной, Водолажской и др., и должны выявлять имплицитные представления, ценностные (валентность отношения) аспекты гражданской идентичности. Проективный тест С. Делингер, адаптированный А. А. Алексеевым и Л. А. Громовой, в его традиционном варианте применения выявляет предпочитаемый респондентом тип личности, его положительные и негативные свойства и проявления. Как и любой проективный тест, данная процедура конституирует эмоционально-ценностное отношение к ассоциируемым со стимулами (в данном случае геометрическими фигурами) объектам. Категории, предложенные респондентам для оценки с помощью психометрического теста, проецируют эмоционально-ценностный компонент, территориальный признак, ин-группу (группу и тип личности, с которыми респонденты себя отождествляют) и аутгруппу

гражданской идентичности (т.е. группу и тип личности, с которыми респонденты считают себя нетождественными): «гражданин», «патриот», «мы», «они», «свой», «Россия», «Китай», «чужой». Помимо традиционной интерпретации свойств, которые респонденты приписывают оцениваемым объектам (Россия, Китай, гражданин, патриот), ассоциируя их с фигурами, можно определить и идентификации участников исследования с помощью корреляционного анализа значений частоты встречаемости фигур, ассоциируемых с указанными категориями и категориями «мы», «они», «свой», «чужой». Данные, подвергнутые корреляционному анализу с целью определения групп идентификации респондентов и их аутгрупп, представлены в табл. 2 – 5.

Таблица 2

Количество ассоциаций с фигурами психометрического теста респондентов, имеющих российское гражданство

Категории оценки	Ассоциируемые фигуры психометрического теста					Всего оценок
	треугольник	круг	квадрат	прямоугольник	зигзаг	
гражданин	18	21	25	11	5	80
патриот	29	14	15	13	9	80
мы	12	39	13	4	12	80
свой	9	33	10	11	17	80
Россия	12	18	23	7	20	80
Китай	18	10	22	9	21	80
они	11	7	15	19	28	80
чужой	22	6	10	17	25	80

Частота ассоциаций студентов, имеющих российское гражданство (см. табл. 2), показывает распределение эмоционально-ценностного компонента их гражданских идентификаций. Достоверные различия в данных ассоциациях не выявлены.

Таблица 3

Количество ассоциаций с фигурами психометрического теста респондентов, имеющих китайское гражданство

Категории оценки	Ассоциируемые фигуры психометрического теста					Всего оценок
	треугольник	круг	квадрат	прямоугольник	зигзаг	
гражданин	15	31	19	7	8	80
патриот	30	20	16	7	7	80
мы	6	40	11	11	12	80
свой	16	18	24	5	17	80
Россия	9	8*	9	35*	19*	80
Китай	10	34*	19	10*	7*	80
они	20	13	14	13	20	80
чужой	13	9	16	15	27	80

* Достоверные различия, выявленные с помощью критерия Фишера

Исследование гражданской идентичности студентов России и Китая было организовано сравнительным методом. Основными линиями сравнения явились территориальный признак (сопоставлялись результаты тестирования с помощью психометрического теста Делингер российских и китайских студентов, проживающих на территориях России (80 человек) и Китая (80 человек)) и гражданство (анализу были подвергнуты данные по двум группам респондентов, имеющих российское гражданство (80 человек) и китайское гражданство (80 человек)).

Таблица 4

Количество ассоциаций с фигурами психометрического теста респондентов, обучающихся на территории России

Категории оценки	Ассоциируемые фигуры психометрического теста					Всего оценок
	треугольник	круг	квадрат	прямоугольник	зигзаг	
гражданин	19	25	19	10	7	80
патриот	29	20	13	12	6	80
мы	9	43	10	7	11	80
свой	11	24	20	7	18	80
Россия	6	15	14	30*	15	80
Китай	14	20	19	9*	18	80
они	18	12	13	13	24	80
чужой	16	5	17	10	32	80

* Достоверные различия, выявленные с помощью критерия Фишера

Студенты, имеющие китайское гражданство, с кругом ассоциируют Китай значимо чаще (выявлены статистически достоверные различия по критерию Фишера), чем Россию (см. табл. 3), т.е. своей стране китайцы приписывают доброжелательность, щедрость, доверчивость, великодушие и бесконфликтность, с одной стороны, а, с другой, – нетребовательность, расточительность, конформность, уступчивость. В их восприятии Россия – преимущественно прямоугольник и зигзаг, т.е. чувствительна и неамбициозна, напряжена, эмоционально неустойчива, обладает низкой самооценкой и безрассудна (свойства прямоугольника), а также креативна, мечтательна, интуитивна, раскованна, неорганизованна, нелогична, непрактична (свойства зигзага).

Таблица 5

Количество ассоциаций с фигурами психометрического теста респондентов, обучающихся на территории Китая

Категории оценки	Ассоциируемые фигуры психометрического теста					Всего оценок
	треугольник	круг	квадрат	прямоугольник	зигзаг	
гражданин	14	27	22	8	9	80
патриот	30	14	18	8	10	80
мы	9	36	14	8	13	80
свой	15	27	14	8	16	80
Россия	15	11	18	12	24*	80
Китай	14	20	22	13	11*	80
они	13	8	16	19	24	80
чужой	22	9	9	20	20	80

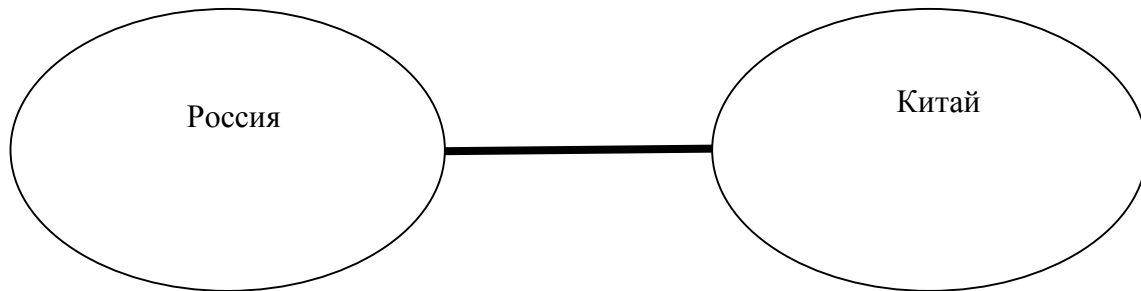
* Достоверные различия, выявленные с помощью критерия Фишера

Студенты, проживающие на территории России и обучающиеся в российских вузах, значимо чаще ассоциируют Россию с прямоугольником. А обучающиеся в китайских вузах респонденты значимо чаще приписывают России свойства зигзага.

Корреляционные плеяды, отражающие статистически достоверные связи между категориями, оцениваемыми респондентами в ходе исследования с помощью психометрического теста, представлены на рис. 1 – 4.

Категория «совокупный субъект исследования», применяемая в описании результатов эмпирического исследования, по сути, отражает как тенденции и закономерности индивидуальных идентификаций, так и социально-психологические проявления. Несмотря на то, что совокупный субъект не является группой членства, а представляет собой номинальную

группу, возникающую «с легкой руки» исследователя, результаты демонстрируют неоднократно воспроизведенные в многочисленных исследованиях социально-психологические закономерности (В. Дуаз, Дж. Тернер, А. Кан, А. Раен, С. Фергюсон и др.) [8]. Так, гражданство и территориальный анализ как основания объединения респондентов в номинальные группы выявили самокатегоризацию участников исследования, обнаруживающую их предпочтения в отношении группы, с которой они себя идентифицировали.

Условные обозначения:

- – статистически значимые положительные связи ($p \leq 0,05$)
- - - - - – статистически значимые отрицательные связи ($p \leq 0,05$)
- – приближающиеся к достоверным положительные связи
- - - - - – приближающиеся к достоверным отрицательные связи

Рис. 1. Корреляционные плеяды, отражающие отношения категорий, ассоциируемых студентами, **имеющими российское гражданство**, с геометрическими фигурами (в процедуре теста С. Делингер)

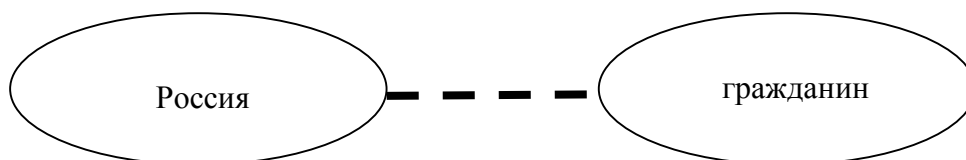

Рис. 2. Корреляционные плеяды, отражающие отношения категорий, ассоциируемых студентами, **имеющими китайское гражданство**, с геометрическими фигурами (в процедуре теста С. Делингер)

Об этом свидетельствуют взаимосвязи «Россия–Китай» (см. рис. 1) и «Мы–Китай» (см. рис. 3). Корреляционная плеяда «Россия–Китай» выявлена в процессе обработки результатов психогеометрического теста Делингер, полученного на группе респондентов, *имеющих российское гражданство*. Связь «Мы–Китай» обнаружена в психогеометрических ассоциациях студентов, обучающихся на территории России. Плеяда явно отражает их ингруппу (или группу, с которой данные респонденты идентифицируются).

Выводы о предубеждениях в пользу предполагаемой ингруппы подтверждаются и отрицательной валентностью гражданских идентификаций, обнаруженных в ходе корреляционного анализа геометрических ассоциаций оцениваемых категорий, полученных на номинальных группах респондентов (студенты, обучающиеся на территории Китая, и студенты, имеющие китайское гражданство).

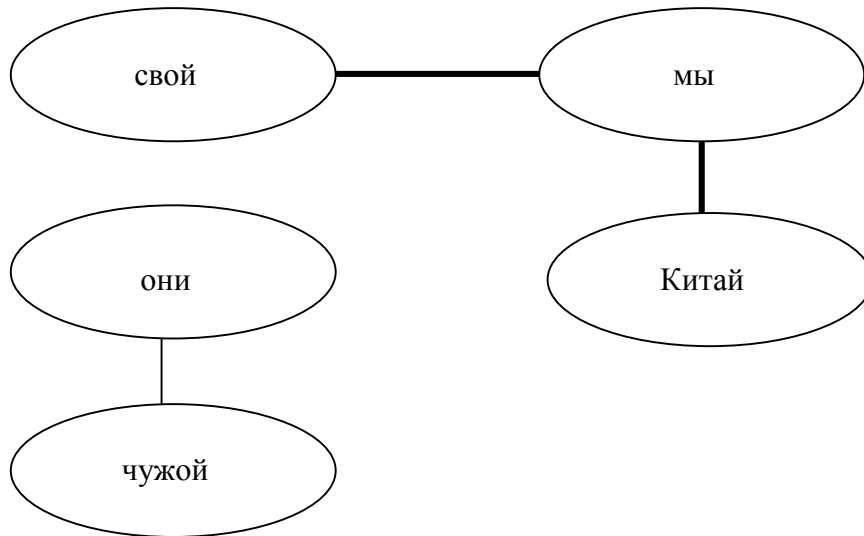

Рис. 3. Корреляционные плеяды, отражающие отношения категорий, ассоциируемых студентами, **проживающими на территории России**, которые были выявлены с помощью психометрического теста С. Делингер

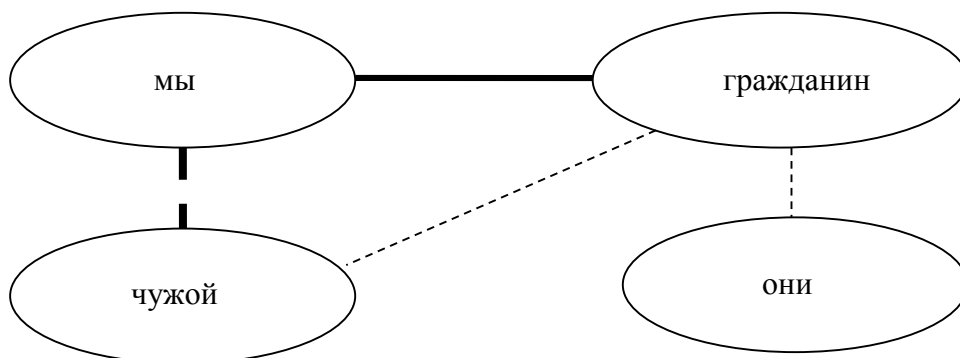

Рис. 4. Корреляционные плеяды, отражающие отношения категорий, ассоциируемых студентами, **проживающими на территории Китая**, выявленные с помощью психометрического теста С. Делингер

Об этом свидетельствуют корреляционная плеяда «Россия–[не]гражданин» (отрицательное значение достоверного коэффициента корреляции) (см. рис. 2) и «Мы–гражданин», «мы–[не]чужой» (отрицательное значение достоверного коэффициента корреляции), «чужой–[не]гражданин», «они–[не]гражданин» (отрицательные значения коэффициентов корреляции, приближающихся к статистически значимым).

Итак, Россия в восприятии китайцев и студентов, обучающихся на территории Китая и России, – преимущественно прямоугольник и зигзаг, т.е. чувствительна и неамбициозна, напряжена, эмоционально неустойчива, обладает низкой самооценкой и безрассудна (свойства прямоугольника), а также креативна, мечтательна, интуитивна, раскованна, неорганизована, разбросана, нелогична, непрактична (свойства зигзага).

Кроме того, мы видим, что Россия, как в территориальной, так и в гражданской категоризации, выступает для субъектов идентификаций непривлекательной группой, в которую респонденты себя не включают. По признаку дискриминации [15] можно определить Россию и российское гражданство как границы аутгруппы для студентов-участников исследования.

Подводя итоги эмпирического исследования, отметим, что большинство исследователей утверждают, что, являясь центральным компонентом Я-концепции личности, гражданская идентичность объясняет успешность или неуспешность различных общественных

групп. Разрушение гражданской идентичности (утрата ею определенности) и ее негативная валентность губительно и для группы как для целостного субъекта, и для индивида как личности, т.к. приводит к коллективной демотивации, пассивности, отчуждению от общественной жизни, утрате долговременной перспективы [9]. Позитивная же валентность гражданской идентичности способствует переживанию чувства национальной гордости и самоуважения, желанию развивать свою страну, повышает эффективность социального взаимодействия и обеспечивает процветание государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вилкова, И. В. К вопросу об определении сущности понятия «гражданская идентичность» / И. В. Вилкова // Научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». URL: <http://human.snauka.ru/publish-fee>
2. Водолажская, Т. Идентичность гражданская / Т. Водолажская // Образовательная политика. – 2010. – № 5-6. – С. 140-142.
3. Григорьев, Д. В. Формирование гражданской идентичности современного школьника [Электронный ресурс] // Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования». URL: <http://proektpatriot2.jimdo.com/гражданская-идентичность/> октябрь 2013.
4. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская [и др.]; под ред. А. Г. Асмолова. – М.: Просвещение, 2008. – 151 с.
5. Ниязходжаева, С. С. Взаимосвязь создания гражданского общества и формирования правового мышления / С. С. Ниязходжаева // Наука и мир. – 2014. – № 2. – Т. 3. – С. 88-90.
6. Санина, А. Г. Государственная идентичность: издержки виртуализации / А. Г. Санина // Социс. – 2012. – № 3. – С. 77-87.
7. Селищев, А. С. Китайская экономика в XXI веке / А. С. Селищев, Н. А. Селищев. – СПб.: Питер, 2004. – 240 с.
8. Сушков, И. Р. Социально-психологическая теория Джона Тернера / И. Р. Сушков // Психология он-лайн: URL: <http://www.psychological.ru/default.aspx?s=0&p=27&0a1=695&0o1=1&0s1=1>
9. Татарко, А. Н. Социальный капитал: теория и психологические исследования / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева. URL: <http://finance-finance.com/book-kapital/sotsialnyiy-kapital-teoriya-psihologicheskie.html>, 2009.
10. Тэджфел, Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения / Г. Тэджфел, Г. Фрезер. – М., 1982.
11. Федеральные государственные стандарты высшего профессионального образования: законодательно-нормативная база проектирования и реализации: учебно-информационное издание. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2009. – 100 с.
12. Федеральный государственный стандарт основного общего образования: URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=2588>
13. Шикова, Р. Ю. Гражданская идентичность молодежи в современной России / Р. Ю. Шикова // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики: сб. науч. ст. – Краснодар: КубГУ, 2010. – С. 91-97.
14. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон; пер. с англ. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
15. Turner, J. Self-categorization theory and social influence / J. Turner, P. Oakes // The Psychology of Group Influence, 2nd edn. / Ed. P. Paulus. Hillsdale, N. Y.: Erlbaum, 1989.
16. 自我意识是主体对其自身的意识, 是主体知到自身存在的心理历程。自我意识是衡量个性成熟水平的标志, 是整合、一个个性各个部分的核心力量, 也是推动个性发展的内部因素。[Ху Ли. Народный самосознание. Издательство восточно-педагогического университета. – 2005. – С. 12-128].
17. 测人生的最好方法创造人生, 做只有你才能完成的工作, 了解自己是谁, 认清自我同一性, 并遵循思想, 追求美好的人生, 学会勾勒未来的美好, 从而找到战胜人生困境的方法。[Лю, Шу Янь. Взгляд изнутри: создание самоидентификации, построить успешный проход. Издательство китайского научно-технического университета. – 2002. – С. 23-145].

Смыковская Т. Е.
T. E. Smykovskaya

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ БАМЛАГА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

FICTION, POETRY AND OPINION JOURNALISM IN THE “BAMLAG” CORRECTIVE LABOUR CAMPS AS MANIFESTATIONS OF THE SOVIET IDEOLOGICAL PARADIGM OF THE 1930's

Смыковская Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск). E-mail: tarkatova@yahoo.com.

Ms. Tatyana Ye. Smykovskaya – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Literature, city of Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk). E-mail: tarkatova@yahoo.com.

Аннотация. Статья посвящена литературе БАМлага – подразделения ГУЛАГа, существовавшего на территории Амурской области с 1932 по 1946 годы с управлением в городе Свободном. В статье рассматриваются основные художественно-публицистические издания БАМлага: сборник стихов и песен лагерных корреспондентов «Путеармейцы» и книги из серии «Библиотека “Строителя БАМа”». На их примере анализируются ключевые образы и мотивы произведений поэтов и прозаиков БАМлага, представлявших самый обширный пласт литературной жизни свободненского лагеря – официальное творчество, рождавшееся по заказу и идеологическим установкам лагерного начальства.

Summary. The paper deals with literature published in the BAMLAG – a subdivision of the GULAG system of soviet correction labour camps that existed in the Amur region from 1932 till 1946 with the central administration located in the town of Svobodnyi. I examine the key publications of the BAMLAG: a collection of poetry and songs by camps’ prisoners “Putearmeitsy”, and books from the literary series “The Library of Baikal-Amur Mainline Builders”. Taking these as examples, I analyze the prevailing imagery and motifs of the poetry and prose. These works represent the most significant sphere of literary life of the “Svobodnyi” camp. They can be defined as “officially sanctioned” as they came to being as a result of ideological expectations and orders of the camp’s authorities.

Ключевые слова: БАМлаг, литература БАМлага, газета, художественное издание, заключённый, стихотворение, поэзия, лагерь, лагерный текст.

Key words: BAMLAG, BAMLAG literature, newspaper, editions of fiction, prisoner, poem, poetry, corrective labour camp, corrective labour camp literature.

УДК 8Р2

БАМлаг, образованный в 1932 году, являлся одним из основных и самых масштабных подразделений ГУЛАГа, отвечал за создание «вторых путей» – Байкало-Амурской магистрали. Лагерное управление находилось в г. Свободном Дальневосточного края (ныне Амурская область). Во время существования БАМлага в нём кипела не только трудовая, строительная деятельность, но и культурная жизнь, её важнейшей составляющей была литература, отличающаяся разнородностью. Литература БАМлага – явление почти не изученное. Прежде всего это связано с труднодоступностью и рассеянностью по разным архивам поэтических и прозаических материалов, выпускавшихся в свободненском лагере. Кроме того, во многих случаях отсутствуют достоверные биографические и иные сведения о бамлаговских авторах, отсутствуют их личные архивы.

Попытка представить официальную литературу БАМлага в контексте советской истории была предпринята О. П. Еланцевой. В своей монографии она обозначила контуры судеб некоторых поэтов-бамлаговцев, частично проанализировала тематику стихотворений и попыталась раскрыть мотивы обращения к творчеству в условиях заключения. Книга при всей её ценности оказалась несвободна от односторонности, поскольку автор убеждён: большинство лагерных произведений были искренними и отражали «изменение основы, стержня общественного сознания в СССР – переход от разрушения к активному созиданию во всех областях» [1, 67]. В реальности всё было намного сложнее.

Литераторов БАМлага условно можно разделить на несколько групп. Первую составляют писатели, подобные А. И. Цветаевой, никогда не участвовавшие в лагерных литобъединениях и не печатавшие свои произведения в тюремных изданиях. Написанное ими скрывалось, а при возможности передавалось на волю и в большинстве своём только спустя десятилетия восстанавливалось по памяти. Вторую группу представляли авторы, мировоззрение которых не расходилось (по крайней мере, на уровне деклараций) с идеологическими и эстетическими установками культурно-воспитательного отдела (КВО) – органа, неусыпно следившего за выполнением предписаний лагерного начальства, которое старалось не уклоняться от общегосударственного «социального заказа». Такие авторы (Г. Воловик, С. Кремков, С. Полтавский, С. Федотов и др.) активно печатались в литературной периодике БАМлага, воспевали СССР, пропагандировали его идеалы, романтизировали тюремную действительность. Третья, промежуточная группа – литераторы, пытавшиеся приспособиться к лагерной системе, но в силу разных причин сделать это не сумевшие. Творчество многих из них восходило к традициям Серебряного века: А. Альвинг, Г. Анфилов, Е. Геркен-Баратынский, Д. Малышев-Морской и др. Имея опыт литературной работы, они трудились лагерными корреспондентами, редакторами, литературными консультантами, вели творческие секции и кружки. Их произведения лишь изредка появлялись на страницах изданий БАМлага.

Заказные произведения главным образом печатались в центральной бамлаговской газете «Строитель БАМа», в специализированной периодике (газета «Литература и искусство БАМлага»), немалое значение придавалось и выпуску отдельных художественно-публицистических книг, включающих произведения поэтов и прозаиков БАМлага. Самый известный среди них – сборник стихов и песен лагерных корреспондентов (лагкоргов) «Путеармейцы» (путеармейцами именовали заключённых БАМлага – строителей железнодорожной магистрали), вышедший в свободненском лагере в 1935 году.

Ответственным редактором «Путеармейцев» являлся Б. Н. Кузнецов – зам. начальника строительства Байкало-Амурской железной дороги и одновременно начальника Управления Байкало-Амурского ИТЛ ОГПУ-НКВД Н. А. Френкеля. Составил и отредактировал сборник Арсений Альвинг – поэт, заключённый. Техническим и художественным оформлением книги занимался В. Полежаев. «Путеармейцы», как и все литературные издания БАМлага, имели гриф: «Не подлежит распространению за пределами лагеря».

Сборник включает предисловие и три тематических раздела, разбитых на несколько подразделов. В предисловии говорится, что в книге опубликованы стихи как профессиональных поэтов, так и тех, кто «только на трассе почувствовал в себе поэтический дар» [6, 1]. Центральные темы сборника – труд, «основа великого строительства», и перековка заключённого, возможная лишь в лагерных условиях, поскольку именно лагерь «открывает смысл здорового, целеустремлённого труда», «даёт квалификацию», «перестраивает психику». Цель «Путеармейцев», отмечает автор предисловия, не только в том, чтобы познакомить с произведениями поэтов, «созданных стройкой», но и «призвать к творческой деятельности тех лучших ударников трассы, которые могли бы пополнить число участников следующих сборников» [6, 4]. К предисловию примыкает стихотворение Вс. Зуммера «Берите перья», призывающее воспеть строителей «вторых путей»:

Нет! Берите перья, опишите
Труд, организацию и быт,
И героев наших помяните, –
Пусть никто не будет позабыт.
И узнают все, как через скалы,
В срок, какому равных не найти,
На Востоке Дальнем, за Байкалом
Мы вторые строили пути [6, 2].

Первая часть «Путеармейцев» получила название «Производство», она состоит из пяти подразделов. Начальный – «Мы строим здесь под небом ДВК» – содержит стихотворения как известных в БАМлаге поэтов (Г. Воловика, Е. Геркена, С. Федотова, Л. Дмитриева), так и начинающих (С. Богатырёва, А. Холщевникова, Б. Пурецкого и др.). Ключевой мотив, пронизывающий почти все стихотворения подраздела, – покорение тайги:

Над тайгой шумят метели,
Льдом окована вода.
Помнят, помнят эти ели
Стародавние года, –
Как таёжную границу
Сторожили песни вьюг,
Чернобурые лисицы,
Полосатый бурундук.
А теперь, единой грудью,
У тайги отняв покой,
До зари приходят люди
С ломом, тачкой и киркой [6, 20-21].

Среди таёжных «завоевателей» во втором подразделе («Трасса») особо отмечены жители посёлка Сковородино. Амурскому населённому пункту посвящено и стихотворение Б. Пурецкого «Сковородино». Третий подраздел – «Женщина на трассе» – включает стихотворения В. Белозёрова, С. Кремкова и Л. Дмитриева. Женщин авторы призывают не только активно строить «вторые пути», но и руководить:

Работницы! На трассе, на местах –
Уверенно берите руководство.
В фаланги! На передовых постах
Осваивайте быт и производство [6, 47].

Женский труд «настойчив», «напорист» и «жарок». Поэт уверен, что труженицы «навек сохранят печать тех дней, которые прошли на БАМе» [6, 49]. Подраздел «Путеармейский песенник» содержит песни, звучавшие на строительстве магистрали. Песням в лагере отводили особую роль, КВО нередко устраивал музыкально-песенные конкурсы. В таких произведениях, как «Песня о вторых» и «Песня ударника» С. Федотова, «Песня БАМовцев» И. Мосолова, «Песня краснознаменцев» С. Полтавского идеализируется и мифологизируется путеармеец, воспевается его неустанный труд на благо родины. Центральным произведением заключительного раздела первой части («Героика») является поэма Д. Загула «Семнадцать», повествующая о спасении фалангой № 17 моста на реке Ундурга. Произведение посвящено заключённым Толстому и Глухову, которые «сумели по-боевому организовать работу и проявили личный трудовой героизм» [6, 61]. Произведение вобрало многие темы, свойственные официальной лагерной поэзии. Традиционным является мотив победы над природной стихией, «злой» Ундурге противопоставлены строители «вторых путей», пытающиеся сохранить

мост любой ценой. Устоявшейся предстаёт и тема «перековки», «облагораживающего» влияния коллективного лагерного труда: «Разгорелся лютый спор / Меж рекой и мной... / Наплевать на твой укор. / Да, я был Васютка-вор, / Но сейчас герой!» [6, 69]. Поэма, в отличие от многих других БАМлаговских поэтических текстов, не лишена художественных достоинств, её пронизывают выразительные сравнения, аллитерационные цепочки; яркая особенность произведения – чеканный ритм, передающий согласованность трудовых действий строителей, их уверенность в правильности выбранного пути.

Две последующие части сборника – «Лагерная общественность» и «Перековка» – хотя и освещают иные темы, по-прежнему наполнены жизнерадостным пафосом и картинами «грандиозного» строительства. Вторая часть «Путеармейцев» – «Лагерная общественность», состоящая из подразделов «Организация», «Слёты», «Великие даты», – заканчивается стихотворением Л. Дмитриева «Лагерь», которое, с одной стороны, как бы собирает воедино образы и мотивы предшествующих частей, с другой – служит прологом к завершающей части – «Перековке». Подлинное перевоспитание, согласно идеологическим установкам, могло свершиться лишь в лагере.

Заключительная часть сборника делится на подразделы «Лагерный быт», «Тяжесть прошлого», «Перелом» и «Путь к свободе». Помимо уже названных поэтов, тут опубликовали свои стихи А. Альвинг, А. Балашов, В. Гинстлинг, А. Косников, С. Матушевский, Л. Ржечицкий и др. Здесь представлены многие традиционные образы лагерной поэзии: отказчик, беспризорник, «тридцатипятник» (осуждённый за уголовные преступления по ст. 35), ударник, освободившийся лагерник.

«Путеармейцы» – это книга, где не только воплотился в концентрированной форме мотивно-образный строй БАМлаговской поэзии, но и отразилась идея лагерного государства, использующего рабский труд и прикрывающегося бодрыми фразами. Стихотворения, входящие в сборник, во многом «самодеятельны», кустарны, вероятно, созданы либо по заказу, либо в надежде заслужить досрочное освобождение. Однако, несмотря на общую соцреалистическую патетику, некоторым поэтам «Путеармейцев» всё же удавалось приоткрывать трагические стороны эпохи:

Ты шалью кутала лицо,
К груди прижавши сына.
И шелестела над крыльцом
Унылая рябина.

Потом – решетчатый вагон...
Ругался кто-то сбоку...
И загремел наш эшелон
По Дальнему Востоку [6, 144].

Не меньшей популярностью на строительстве «вторых путей» пользовались книги из серии «Библиотека “Строителя БАМа”». Они начали выходить в 1935 году, ответственным редактором большинства выпусков был Б. Н. Кузнецов, отдельные выпуски готовил О. В. Шедвид. Серия иллюстрировалась Н. Николенко, В. Полежаевым и Ф. Тихомировым, книги печатались тиражом 5000 экземпляров в типолитографии БАМлага НКВД в г. Свободном, имели гриф «Не подлежит распространению за пределами лагеря».

В серии обычно публиковались авторы, которые регулярно печатались в «Строителе БАМа»: В. Ажаев, Г. Воловик, Л. Дмитриев, П. Жагир, С. Полтавский, С. Федотов и др. Сбором материала занимались лагкоры И. Агафонов, В. Ажаев, Ф. Баканов, И. Гусев, Л. Лисенко, Н. Тимченко, И. Штуссер, литературной обработкой – В. Ажаев и Л. Лисенко. Цель издания, как сказано в одном из выпусков, – «знакомство каждого путеармейца-лагерника с достойнейшими своими товарищами и замечательными их делами» [5, 4].

Библиотека «Строителя БАМа» формировалась по тематическому принципу. Выпуск мог быть целиком посвящён одному человеку. Так, например, 6-й номер – «Маевский» (1935) – о бывшем воре и отказнике, «перековавшемся» на лагерной стройке в передовика производства. Книгу составили произведения разных литературных родов и жанров: очерк «Маевский» В. Гинстлинга, «Песня о Маевском» Г. Воловика, рассказ «Мужество» и пьеса «У Маевского» С. Федотова. Все эти тексты воспевают бесстрашие «стахановца вторых путей». Сборник дополнен биографическими сведениями о М. П. Маевском: в прошлом беспризорник и урка, имевший 11 судимостей, организовал в 7-м отделении БАМлага бригаду из отказников, которая в течение «8 месяцев систематически перевыполняла плановые задания, давая выработку отдельных путеармейцев свыше 200 %» [2, 4]. За трудовой подвиг заключённый был досрочно освобождён, награждён книжкой ударника, грамотой штаба «О» и значком лучшего ударника БАМлага. Книга включает также воспоминания самого Маевского, его письмо к руководству строительства вторых путей, обращение ко всем «тридцатипятиникам» и бывшим рецидивистам БАМлага НКВД.

Шестнадцатый выпуск – «Стахановцы вторых путей» (1936) – содержит рассказы самих «перековавшихся» строителей магистрали, которые от первого лица рассказывают истории своего трудового перевоспитания: «Честь» М. Корженевской, «Очень просто» А. Вахрушева, «Моё единоличное знамя» И. Сухорукова, «Что значит рекорд?» А. Любимова, «Водитель первого паровоза» И. Калиновского, «Год жизни пятидесятый» А. Иванова и др.

Большинство выпусков – это сборники рассказов и очерков, объединённых общей темой: «Простые рассказы о подвигах» (1935), «Победа» (1936) и др. «Простые рассказы...» включают 12 произведений («Ночь в выемке» Т. Ричика, «Бессонная ночь бригадира Вишневской» В. Гинстлинга, «Водолазы» Л. Дмитриева и др.), каждое из которых повествует о героическом поступке путеармейца. О том, например, как заключённый Магомет Умара спас поезд от каменного обстрела («Как Умара Магомет потерял свою шапку» В. Ажаева), как уголовник Дыбулин, рискуя жизнью, произвёл взрывные работы, чтобы фаланга выполнила дневной план («Мой смертельный случай» А. Штуссера), как «тридцатипятницы» Мешкова и Костюченко предотвратили аварию на путях и спасли от неминуемой гибели 500 человек («Большое спасибо» В. Ажаева), как Александр Довгаль остановил вагонный состав («Воспитатель Александр Довгаль» В. Гросса).

Сборник «Победа» включает 6 произведений (М. Шедвид «Освобождение», М. Гольдберг «Семён Мартынович принял знамя», Юсуф Зия Ширвани «Яраш Рузиев и его Шерик» и др.), повествующих о преодолении путеармейцами собственных слабостей и природной стихии. Книга открывается очерком А. Русанова «Победа», рассказывающим о строительстве моста через «непокоримую» реку Бутунду; новелла А. Часовникова «Колька и Петька» – история о лагерном исправлении и вознаграждении свободой; очерк П. Жагира «Я и чекисты» – о правоте чекистов, которые «берут за шиворот, а выводят за руку» [3, 25]. Почти все произведения нравоучительны и заканчиваются однотипной лагерной моралью, сводящейся к мысли о том, что «исправительно-трудовой политикой лагерей можно вернуть к жизни тысячи бывших правонарушителей, дать стране честных, стойких и сознательных тружеников» [3, 23].

В серии выходили и книги, представлявшие одно произведение: С. Федотов «Поэма о песне», В. Ажаев «Предисловие к жизни» и др. Таким стал 1-й выпуск, включивший документальную повесть С. Полтавского «Мост» (1935). Произведение основано на излюбленном лагерными литераторами сюжете спасения фалангой № 17 моста через реку Усть-Ундурга. Это событие произошло 18-19 августа 1934 года. Автор подробно останавливается на истории перевоспитания начальником И. П. Толстым фаланги отъявленных рецидивистов и отказников, работавших исключительно под конвоем. Кульминацией «перековки» становится борьба за мост, которая показала, что героическая победа ударников 17-й фаланги – это «победа, возвышающаяся над обыденной героикой стройки, вызывающая восторг и гордость

по отношению к победителям, доказавшим, что они умеют жить одной жизнью с героической родиной» [4, 23].

В целом, книги из серии «Библиотека «Строителя БАМа»» развивали и углубляли темы, которые поднимались на страницах центральной бамлаговской газеты «Строитель БАМа» – классического образца политической пропаганды периода массовых репрессий и культа личности, призванного завуалировать сущность тоталитарной лагерной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еланцева, О. П. БАМлаг в контексте истории и литературы: из фондов дальневосточных библиотек / О. П. Еланцева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 232 с.
2. Маевский. – Свободный: Издание КВО БАМлага НКВД, 1935. – Сер. Библиотека «Строителя БАМа». – Вып. 6. – 28 с.
3. Победа. – Свободный: Сектор печати КВО БАМлага НКВД, 1936. – Сер. Библиотека «Строителя БАМа». – 39 с.
4. Полтавский, С. Мост / С. Полтавский. – Свободный: Издание КВО управления БАМлага НКВД, 1935. – Сер. Библиотека «Строителя БАМа». – Вып. 1. – 23 с.
5. Простые рассказы о подвигах. – Издание КВО БАМлага НКВД, 1935. – Сер. Библиотека «Строителя БАМа». – Вып. 7. – 48 с.
6. Путьармейцы: стихи и песни лагжоров. – Свободный: Сектор печати КВО БАМлага НКВД, 1935. – 149 с.

Гулидова Д. Н.
D. N. Gulidova

**АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В АРАБСКОЙ
ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАКТАТА ИБН ЙА'ИША
«ŠARḤ AL-MUFAṢṢAL»)**

**CERTAIN ASPECTS OF DESCRIBING PROPER NOUNS IN THE ARABIC LINGUISTIC
TRADITION (BASED ON IBN YA'ĪŠ'S TREATISE «ŠARḤ AL-MUFAṢṢAL»)**

Гулидова Дарья Николаевна – аспирант кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва). E-mail: dariagulidova@mail.ru.

Ms. Daria N. Gulidova – PhD student, Department of Arabic Philology, Institute of Asian and African Studies, Moscow State Lomonosov University (Russia, Moscow). E-mail: dariagulidova@mail.ru.

Аннотация. Имя собственное как объект лингвистического анализа в арабской языковедческой традиции рассматривается в статье на материале труда арабского грамматиста Ибн Йа'иша «Šarḥ al-Mufaṣṣal» (XIII в.). Выбранный объект оказывается благоприятным для исследования логико-семантических (референция), ономаσιологических (номинация), морфологических, словообразовательных и синтаксических аспектов теории арабского языка.

Summary. In the paper I examine the proper noun as the object of linguistic analysis in the Arabic linguistic tradition on the basis of Arab grammarian Ibn Ya'īš's treatise «Šarḥ al-Mufaṣṣal» (XIII century A.D.). The object of analysis in question is perfectly appropriate for the study of logical and semantic (reference), onomasiological (nomination), morphological, derivational and syntactic aspects of the Arabic grammatical theory.

Ключевые слова: имя собственное, номинация, Ибн Йа'иш, трактат «Šarḥ al-Mufaṣṣal», морфологическая структура, полная парадигма словоизменения, дефектная парадигма словоизменения.

Key words: proper noun, nomination, Ibn Ya'īš, «Šarḥ al-Mufaṣṣal» treatise, morphological structure, complete inflectional paradigm, defective inflectional paradigm.

УДК 811

Имя собственное как объект лингвистического анализа в арабской языковедческой традиции рассматривается нами на материале труда арабского грамматиста Ибн Йа'иша «Šarḥ al-Mufaṣṣal» (XIII в.), представляющего собой развернутый комментарий на трактат языковеда аз-Замахшари «al-Mufaṣṣal» («Разбитый на главы») (XII в.). «Šarḥ al-Mufaṣṣal» принадлежит классическому периоду в истории автохтонной арабской лингвистической традиции (VIII – XV вв.) и отражает тот этап её развития, когда усилия грамматистов были направлены «главным образом на комментирование ранних филологических трактатов и более доступное изложение языковых норм в соответствии с возрастающими масштабами обучения арабскому литературному языку» [1, 40]. Труд Ибн Йа'иша представляет особый интерес, являясь одним из трактатов, которые до сих пор используются в качестве нормативных учебников по традиционной грамматике в университетах арабских и мусульманских стран и «содержат наиболее всестороннее и точное описание языка, имеющееся на сегодняшний день» [4, 129].

Обращение к первоисточнику и его изучение в лингвистическом аспекте представляется особенно значимым в свете актуальных теоретических вопросов современной арабистики (см. прим. 1) и диктуется «давно назревшей необходимостью анализа ... материала,

содержащего обилие важных нетривиальных идей, оригинальных методов трактовки многих языковых вопросов» [4, 12].

Структура трактата «*Šarḥ al-Mufaṣṣal*», состоящего из 10 томов, задается композицией комментируемого сочинения аз-Замахшари, в котором выделяется четыре раздела:

- 1) имя;
- 2) глагол;
- 3) частица;

4) общие вопросы, касающиеся трёх или двух из упомянутых разрядов слов в арабском языке.

Место имени собственного в трактате. Имени собственному посвящена специальная глава первого тома. Эта глава следует непосредственно после главы об имени нарицательном. Такая последовательность позволяет ввести оппозицию: имя нарицательное (*'ism al-jins*) – имя собственное (*'ism al-'alam*). Противопоставление указанных понятий задается в определении, которое приводит аз-Замахшари, и эксплицируется в пояснении Ибн Йа'иша. Аз-Замахшари определяет имя нарицательное как «то, что связано с какой-либо вещью (см. прим. 2) и всем, что ей подобно» [6, 25]. Имя собственное – это «то, что связано с какой-то определенной вещью и не включает в себя то, что ей подобно» [6, 27]. Ибн Йа'иш развивает эту мысль, утверждая, что имя нарицательное «указывает на некоторую сущность и множество субстанций», оно «указывает на много вещей ... и является обозначением того признака (букв.: факта), по которому обнаруживается сходство» этих вещей [6, 26]. Что касается имени собственного, это «индивидуализирующее» имя, «оно даётся называемому [объекту], чтобы лишить его «нарицательности» ..., так чтобы отличать его от множества других [объектов], называемых [этим именем] ... имена собственные не сообщают значения» [6, 27] (см. прим. 3).

Таким образом, оппозиция «имя нарицательное – имя собственное» устанавливается в трактате на уровне предметной отнесенности слова. В этой связи уместно вспомнить про «семантический треугольник», используемый при описании процесса и структуры актов номинации: «реалия – понятие – имя» (см. прим. 4). Компоненты этого трехчленного отношения оказываются имплицитно заданными в рассуждениях Ибн Йа'иша.

Типы имен собственных с точки зрения морфологической структуры. С точки зрения морфологической структуры выделяются следующие типы имен собственных: простое (*al-mufrad*) и составное (*al-murakkab*). Ибн Йа'иш отмечает иерархически привилегированный статус простого имени: оно рассматривается как первичное, исходное (например, *zayd*, *'amr*), тогда как составное имя относится к числу вторичных, производных явлений. Оно подразделяется на три вида:

1) имя-предложение, т.е. предикативная конструкция, которая после транспозиции в имя собственное характеризуется идиоматичностью и функционирует как «простая» единица (*ḍarrā ḥabban*, букв. «Он сеял зерно», *ta'abbaṭa šarran*, букв. «Он нес под мышкой зло»);

2) сложное слово, образованное в результате сращения:

а) двух слов, ставших единым целым (*ḥaḍramawt*, букв. «пришла смерть», *ba'labakk*, букв. «город Баала (Ваала)» (см. прим. 5));

б) имени и звукового сегмента иностранного происхождения (*sībawayh*, *'amrawayh*);

3) имя-генитивная конструкция (идафа), по принципу которой строится:

а) имя-кунья, т.е. имя по сыну (*'abū ja'far*, букв. «отец Джа'фара»);

б) имя-не кунья (*'abdullāh*, букв. «раб Аллаха»).

Поскольку составные имена собственные представляет собой номинативные единицы, они выступают в качестве одного члена предложения: *jā'a ta'abbaṭa šarran* – «Пришел Тааб-башарран», *ḥaḍramawtu ṭayyiba* – «Хадрамаут хорош». При этом имя-предложение субстантивируется и превращается в «застывшую форму», в которой показатель падежа не может быть выражен: *ta'abbaṭa šarran*. Сложные имена типа *ḥaḍramawt* уподобляются про-

стым именам собственным, обозначающим лиц мужского пола и имеющим в исходе морфему -ah (-at) (например, ṭalḥah): второй компонент сложного имени (-mawt) соотносится с морфемой -ah (-at) имени ṭalḥah, т.е. имеет место морфологизация исходно автономной языковой единицы (см. прим. 6). Вследствие структурной эквивалентности -mawt и морфемы -ah (-at) имя получает неполную парадигму словоизменения: ḥaḍramawt-u – в номинативе, ḥaḍramawt-a – в аккумулятиве и генитиве. В имени-генитивной конструкции морфологизации не происходит. При этом по падежам изменяется первый компонент (НОМ 'abd-u-llāhi, АКК 'abd-a-llāhi, ГЕН 'abd-i-llāhi), тогда как второй всегда стоит в генитиве. Сложные слова типа sībawayhi относятся к классу неизменяемых на гласный -i: их статус в системе имен собственных «понижается» в силу наличия в них сегмента иностранного происхождения (wayh).

Типы имен собственных с точки зрения способов номинации. Что касается способов номинации, то Ибн Йа'иш говорит о «переносе», или транспозиции (an-naql) и «импровизации», или изобретении (al-'irtijāl). При этом, как отмечает автор трактата, большинство имен собственных возникло путем переноса [6, 29]. Перенос означает, что имя, обозначающее некоторую «общую» сущность (т.е. класс объектов), переносится на другую, «частную» сущность (т.е. конкретный объект), для именованной которой оно исходно не предназначено [6, 29]. Что касается импровизированного имени собственного, Ибн Йа'иш подробно описывает процесс создания такого имени, отмечая, что оно изобретается «на ходу», а не транспонируется.

Среди единиц, подвергшихся транспозиции (al-manqūl), Ибн Йа'иш выделяет следующие классы слов:

- 1) перенесенное от имени конкретного ('asad, букв. «лев») либо отвлечённого (faḍl, букв. «достоинство»). В свою очередь, конкретное имя собственное может быть именованием признака (ṭawr, букв. «бык») либо именем-признаком (mālik, букв. «владеющий»);
- 2) перенесенное от глагола прошедшего времени (ṣammar, букв. «(он) приподнял (одежду), т.е. подпоясался»), настоящего времени (yazīd, букв. «(он) добавляет»), в императиве ('iṣmiṭ, букв. «замолчи»);
- 3) перенесенное от звукоподражания (babba).

Следует отметить, что к числу транспозитов относятся и все рассмотренные выше виды составного имени собственного (al-murakkab), которые представляют собой транспозицию предложения или словосочетания.

Наряду с онимизацией (переход имени нарицательного в собственное) в трактате рассматривается и противоположное явление – апеллятивизация. В частности, Ибн Йа'иш отмечает различие в плане предметной отнесенности имен домашних и диких животных. Что касается одомашненных животных (лошадей, верблюдов, овец, собак и др.), то в силу необходимости «различать особей одного рода, им дали собственные имена ... как и людям» [6, 34]. Как отмечает А. В. Суперанская, «...в действительности получают имена лишь те предметы (одушевленные и неодушевленные), которые представляют особый интерес для человека и нуждаются в персональном подходе» [5, 103]. При именовании диких животных нет необходимости выделять конкретных особей. Следовательно, в этом случае имя собственное относится не к конкретному индивиду, а ко всему роду в целом и к любой особи данного рода ('usāma «лев», ṭu'āla «лиса»), т.е. по сути переходит в разряд имен нарицательных.

Ибн Йа'иш упоминает и такой тип переноса, который можно условно охарактеризовать как «транспозиция ситуации в имя собственное», когда случай, произошедший с человеком, становится поводом для того, чтобы дать ему прозвище, непосредственно связанное с событием. Данное явление иллюстрируется следующим примером: некий Хувайлид бен Нуфайл бен Амр бен Килаб однажды принимал пищу в Тихаме (см. прим. 7), внезапно подул ветер, пыль попала в его блюдо, Хувайлид выругался, и тут его насмерть поразила молния. После этого Хувайлида прозвали aṣ-ṣa'iq («пораженный молнией»). Такое имя, как отмечает Ибн Йа'иш, на самом деле не является собственным в силу сохранения в нем семантики

апеллятива, от которого оно образовано, тогда как имя собственное – это всякое имя, которое дается какому-либо объекту по соглашению и «не указывает на наличие значения этого имени (см. прим. 8) в называемом им [объекте]» [6, 40]. По всей вероятности, автор трактата не склонен относить к именам собственным слова, имеющие «прозрачную внутреннюю форму» и сохраняющие мотивировку (см. прим. 9).

Что касается импровизированных (*al-murtajal*) имен собственных, то среди них выделяются правильные (*al-qiyāsiyyu*), т.е. соответствующие используемым в речи ритмическим моделям, и аномальные (*aš-šādḍ*), т.е. противопоставленные правильным как не имеющие аналога в речи арабов. К правильным относятся имена типа *ḥamdān* и *faq'as*, поскольку их формы «изобретены» по аналогии с существующими словами *ṣafwān* («гладкий камень») и *salḥab* («высокий») соответственно. Аномальными именами считаются, например, *maḥbab* и *ḥaywa*, так как они должны были бы иметь вид *maḥabb* (по аналогии с *maqarḡ* – «местонахождение») и *ḥaywa* (по аналогии с *sayyid* – «господин»). Речь идет о действии в рамках модели слова определенных морфонологических правил, связанных с наличием в слове добавочных (помимо корневых) и так называемых «слабых» ('*alif*, *wāw*, *yā'*) харфов (см. прим. 10).

Полная и дефектная парадигмы словоизменения. Содержащийся в трактате анализ падежных форм имен собственных эксплицирует методы традиционной арабской грамматической теории, используемые при обосновании в именном слове полной (*al-munṣarif*) или неполной («дефектной») (*ḡayḡ al-munṣarif*) парадигмы словоизменения. Дело в том, что полная или дефектная парадигма имени определяется с учётом его ритмической модели (*al-wazn*), его статуса с точки зрения значения определённости/неопределённости (*at-ta'tif/at-tankīr*), наличия/отсутствия в нём значения признака (*aṣ-ṣifa/ḡayḡ aṣ-ṣifa*) и некоторых других факторов.

Имя с дефектной парадигмой характеризуется у Ибн Йа'иша наличием двух из потенциально возможных «дефектов» ('*illa*): значение определённости, глагольная модель, значение признака, формальный показатель женского рода (морфема *-at*), добавление сегмента *alif-nūn* и др. В этом отношении имена собственные являются весьма показательными, поскольку исходно характеризуются значением определённости. Следовательно, для отнесения их к группе слов с дефектной парадигмой достаточно наличия ещё одного из упомянутых «дефектов».

В качестве такого фактора, предопределяющего выбор дефектной парадигмы, в именах типа *'aḥmadu* выступает глагольная модель *'af'alu*, в именах типа *ṭalḥatu* и *fāṭimatu* – морфема *-at*, в именах типа *ḥamdānu* и *'imrānu* – добавление сегмента *alif-nūn*. С точки зрения морфологической структуры, указанные имена объединяет отсутствие танвина (нунации последнего харфа, фонетически [n]), которое свидетельствует о невозможности реализации полного набора гласных для трех падежей (-u – для номинатива, -a – для аккузатива, -i – для генитива). Гласный -i отсутствует в парадигме словоизменения, его заместителем выступает гласный -a. Что касается имен собственных типа *zaydun*, *ḥasanun*, то в них имеется всего один «дефект» – значение определенности, вследствие чего они обладают полной словоизменительной парадигмой. На это указывает наличие в этих именах танвина. Таким образом, имена собственные наглядно демонстрируют первичную, «семиотическую» функцию танвина, который «своим наличием или отсутствием не несет никакой информации, кроме информации о возможности словоизменительного харфа быть реализованным со всеми гласными списка *a*, *u* и *i* или только с двумя из них» [3, 157].

В то же время, как отмечает Ибн Йа'иш, в ряде случаев имя собственное может утрачивать значение определённости, в частности, когда речь идёт о нескольких индивидах, имеющих одно и то же имя, например: *zaydāni* («два Зайда»). Определённость таких имен достигается присоединением определённого артикля *al-* (*az-zaydāni*) либо постановкой имени в генитивную конструкцию (*zaydā-ka*, букв. «два твоих Зайда»). В силу данной особенности

имя собственное занимает четвертое место в иерархии имен со значением определенности (см. прим. 11), следуя после личного местоимения, имени указательного и имени относительного (обладающих неотчуждаемым значением определенности) и предшествуя имени, определяемому посредством артикля al- (у которого «значение определенности свободно приобретается и свободно отчуждается» [2, 27]).

Таким образом, имя собственное оказывается объектом, благоприятным для исследования арабского языка на разных уровнях, в том числе при описании логико-семантических (референция), ономастиологических (номинация), морфологических, словообразовательных и синтаксических аспектов его теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габучан, Г. М. Арабская языковедческая традиция / Г. М. Габучан // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 39-41.
2. Лебедев, В. В. О дифференциации определенности в литературном арабском языке / В. В. Лебедев // Тезисы научной конференции «Ковалевские чтения-2». – М. : Гуманитарий, 2007. – С. 24-28.
3. Лебедев, В. В. Признак и время в системе литературного арабского языка / В. В. Лебедев // Арабская филология. Вып. 3. Сборник статей, посвященный 50-летию Института восточных языков – Института стран Азии и Африки. – М. : Ключ-С, 2008. – С.151-168.
4. Рыбалкин, В. С. Классическое арабское языкознание / В. С. Рыбалкин. – К. : Стилос, 2003. – 406 с.
5. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 367 с.
6. Ibn Ya‘īš. Šarḥ al-Mufaṣṣal. – Каир. – Т. 1. – С.16-48.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом: Габучан, Г. М. Арабистика / Г. М. Габучан, В. В. Лебедев // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 39.
2. Слово «вещь» в данном контексте следует понимать как любой именуемый объект.
3. Эти рассуждения Ибн Йа‘иша вполне согласуются с положениями, разработанными в ономастической теории: имя нарицательное «дается классу объектов, имеющих общую отличительную черту, позволяющую именовать все входящие в класс объекты одним и тем же словом...» [5, 134], имя собственное «дается одному, специально выделяемому объекту, входящему в известный класс, для его идентификации в ряду однородных и отличия от прочих объектов того же и других рядов» [Суперанская, А. В. Эволюция теории имени собственного в Европе / А. В. Суперанская // Вопросы филологии. – 2002. – № 3 (12). – С. 8]. Утверждение Ибн Йа‘иша о том, что имена собственные не сообщают значения, означает, что имена собственные не предназначены для передачи значения тех единиц (слов, словосочетаний и т.д.), от которых они образованы.
4. См. об этом: Телия, В. Н. Номинация / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 336.
5. Ваал (Баал) – библейское название бога языческих семитов Палестины, Финикии и Сирии [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1891. – Т. 2а. – С. 587].
6. Морфологизация языковой единицы – это «утрата произвольной единицей изначально свойственной ей линейно-синтагматической автономности и превращение ее в связанный компонент словоформы» [Плунгян, В. А. Общая морфология: Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М. : 2003. – С. 34].
7. Тихама – прибрежная область на западе Аравийского полуострова.
8. Т.е. имени нарицательного, от которого образовано данное имя собственное.
9. Вместе с тем у некоторых разрядов онимов «внутренняя форма является обязательным компонентом семантической структуры ... при этом «семантическая прозрачность», сохранение мотивационных связей не делает данные разряды собственных имен менее ономастичными, ... чем другие группы собственных имен» [Карпенко, Ю. А. Специфика ономастики / Ю. А. Карпенко // Русская ономастика. Сб. науч. тр. – Одесса, 1984. – С. 10].
10. Харф – минимальная единица морфологического членения арабского слова.
11. См. об этом: Лебедев, В. В. О дифференциации определенности в литературном арабском языке / В. В. Лебедев // Тезисы научной конференции «Ковалевские чтения-2». – М. : 2007. – С. 27.

Гирвиц Г. И.
G. I. Girwits

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО ВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ МИРА В НАРОДНОМ ОРНАМЕНТЕ

REPRESENTATIONS OF SPATIAL-TEMPORAL WORLD MODELS IN THE FOLK ART ORNAMENTS

Гирвиц Галина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Смоленского государственного университета (Россия, Смоленск); 214016, г. Смоленск, ул. Соболева, 53; 8(910)7864535. E-mail: girwits@yandex.ru.

Ms. Galina I. Girwits - PhD in Philosophy, Assistant Professor, Department of Theory and Methodology of Elementary Education, Smolensk State University (Russia, Smolensk); 214016, city of Smolensk, 53, Sobolev Str.; +7 (910) 7864535. E-mail: girwits@yandex.ru.

Аннотация. В статье орнамент рассматривается как определенное культурно-историческое явление, вызванное к жизни стремлением человека запечатлеть свои знания о мире и жизнедеятельности с помощью знаковых композиций.

Summary. The paper considers folk art patterns as a cultural and historical phenomenon brought to life by a human desire to capture the knowledge about the world and life in symbolic forms and compositions.

Ключевые слова: народный орнамент, орнаментальная композиция, знак, символ, модели мира.

Key words: folk art ornament, ornamental composition, sign, symbol, world model.

УДК 7.031

Специфика орнаментального искусства изучается многими науками и является междисциплинарной проблемой искусствоведения, философии, этнографии, археологии, культурологии, этнологии и других наук. Философское исследование знаковых систем народного орнамента весьма перспективно в плане изучения образного отражения действительности посредством символа и знака. Гносеологический анализ природы народного орнамента позволяет рассматривать его как специфический образ действительности, выраженный посредством универсального символического языка.

Являясь своеобразной знаковой системой, народный орнамент несет информацию о познавательном отношении человека к миру. Знаковость и символизм выступают специфическими особенностями орнамента. Комбинаторика знаков и символов позволяет воссоздать когнитивно-смысловое отношение к миру. Эта система аккумулирует знания о традициях, социально-психологических установках, связанных с глубинным постижением окружающего мира.

Большой объем знаний об орнаментальном искусстве в целом, о знаковой структуре, символической форме отражения знаний о мире содержится в трудах отечественных ученых различных наук: В.В. Стасова, В.А. Городцова, А.К. Амброза, А.Б. Бакушинского, Л.С. Динцес, В.С. Воронова, В.М. Василенко, И.Я. Богуславской, Г.С. Масловой, М.А. Некрасовой, Б.А. Рыбакова, А. А. Формазова, А.П. Окладникова, Е.А. Окладниковой и др.

Особое внимание в исследованиях ученых привлекают выводы о том, что построение орнамента основано на сложном взаимодействии и взаимопроникновении чувственно-

наглядных представлений человека и результатов интеллектуально-интуитивного постижения глубинных связей и отношений окружающего мира. Знак и символ являются одним из способов освоения человеком действительности и одним из специфических вариантов социокультурного трансформационного процесса многопланового обобщения человеческого опыта.

Анализ древних орнаментов, в частности, орнаментов Смоленской области, позволил рассматривать ряд орнаментальных композиций как один из древнейших способов отражения пространственно-временных моделей мира. Построение композиций, отображающих пространственно-временные модели мира в орнаментах народов различных культур связано с проникновением мысли в глубь явлений, с открытием тонких и скрытых от непосредственного чувственного восприятия сторон действительности. В человеческом сознании формируются особые интегральные образы предметов действительности, которые возникают в результате взаимодействия и взаимопроникновения чувственных представлений и соответствующих понятий. Такие образы являются не первосигнальными визуальными схемами внешнего облика объектов, а мысленными образованиями, в которых чувственные и рациональные компоненты синтезируются в некий единый «сплав». Такие мысленные образования условно можно обозначить, по терминологии А.В. Славина, «информационными системами» [3, 265].

Сравнительный анализ орнаментальных композиций различных этнических общностей дает возможность выявить наибольшее число «базисных» знаков, составляющих основные структурные элементы орнаментального образа [1, 48-69]. Орнамент с различными комбинациями знаков есть не что иное, как информационный текст, содержащий сведения о различных проявлениях человеческой жизнедеятельности. Процесс формирования образного строя орнамента во многом обусловлен природой символа как неизменного средства синтеза конкретного и абстрактного, единичного и общего, материального и идеального. В народном орнаменте символ выступает в роли системы, аккумулирующей в себе познавательные, социально-психологические и ценностные установки, образующие мироощущение и миропонимание человека определенной эпохи.

Рассмотрение орнаментальных композиции как определенных моделей мира, дает возможность выявления значения знака в композиционном построении. Хорошо знакомые знаки, которые чаще трактуются как солярные, знаки добра, благоденствия и т.д., могут выступать символами, выражающими пространственно-временные представления древнего человека [2, с. 11-13].

Символический язык орнаментальных композиций позволяет связывать в единый синтетический образ различные структуры бытия: природу, социум, субъектные и объектные пласты реальности. Речь, разумеется, идет о теоретико-познавательном аспекте репрезентации реального мира в контексте архаической объясняющей схемы, основанной на антропоморфизации сущности природных и социальных явлений. Основываясь на теории К. Юнга «о коллективном бессознательном», где коллективное бессознательное рассматривается как итог жизни коллективов, передаваемый по наследству, и над которым надстраивается индивидуальная психика, можно представить процесс трансляции знаний, выраженных посредством символического языка орнамента от одного поколения к другому [4, 85, 98, 133, 282]. В данном случае символ представляется важным механизмом, способным переносить сюжеты, схемы, модели от одного поколения к другому. В этом плане орнамент рассматривается как один из механизмов сохранения, трансляции, активизации социально-значимого опыта, выполняющего функцию регуляции и регламентации основных форм человеческой деятельности.

Символы, выработанные мифопоэтическим сознанием, сохранились практически во всех слоях культуры. В орнаментике такие символы выглядят графическими начертаниями. Эти построения хотя и подчиняются общим закономерностям творчества, но имеют свою специфику, позволяющую раскрывать внутренние взаимосвязи действительности с помощью

знаковых моделей. Философско-концептуальный анализ орнаментальных композиций позволяет рассматривать их в качестве одного из вариантов социокультурного трансформационного процесса смыслового изменения и порождения новых знаний, обобщения многовекового человеческого опыта.

Орнамент является уникальным знаковым построением и может рассматриваться как определенное культурно-историческое явление, вызванное к жизни стремлением человека запечатлеть свои знания о мире и жизнедеятельности. Такой интегральный образ мог возникнуть как результат обобщения социально-исторического опыта человечества. Древняя символика орнамента, сохранившаяся в вещественных памятниках, дает нам уникальную возможность познакомиться со способами выражения мысли, чувства, мировоззренческих представлений человека далекого прошлого. Для древних орнаментальных композиций характерна повышенная степень обобщения и синтезирования образа, основывающегося на многозначности символа, особенностей композиционного расположения знака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гирвиц, Г. И. Модели мира в орнаментах народного искусства / Г. И. Гирвиц // Народный костюм Смоленской губернии: сб. материалов науч.-практ. конф. (25-26 ноября 2005 г.). – Смоленск: ГУК «Смол обл. центр народного творчества», 2006. – С. 48-69.
2. Гирвиц, Г. Орнамент как знаковая система / Г. И. Гирвиц // Закон и право. – 2009. – № 3. – С. 11-13.
3. Славин, А. В. Наглядный образ в структуре познания / А. В. Славин. – М.: Политиздат, 1971. – 271 с.
4. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991.

Завалишин А. Ю.
A. Y. Zavalishin

ЭТНИЧНОСТЬ КАК МОРАЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ

ETHNICITY AS A MORAL IMPERATIVE

Завалишин Андрей Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск). E-mail: native59@rambler.ru.

Mr. Andrey Yu. Zavalishin – Doctor of Social Studies, Associate Professor, Head of the Department of Social and Human Studies, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk). E-mail: native59@rambler.ru.

Аннотация. В статье представлена авторская концепция этничности, которая рассматривается с позиции общественной морали как непреложное требование выбора индивидом этнической идентичности и следования нормам поведения данного этноса. Сделан вывод о том, что в условиях глобализирующегося сообщества морализация этничности становится дополнительным фактором, несущим угрозу современному миропорядку.

Summary. The paper presents the author's concept of ethnicity which is viewed from the perspective of social morality as an indisputable requirement related to choosing ethnic-identity by an individual and following the rules of behavior in a given ethnic group. A conclusion is made that in a globalized community, moralization of ethnicity becomes an additional factor that carries a threat to the existing world order.

Ключевые слова: этнос, этничность, мораль, идентичность, поведение, принуждение.

Key words: ethnos, ethnicity, morality, identity, behaviour, coercion.

УДК 316.7

«Наша истинная национальность – это человечество»

Г. Дж. Уэллс

В начале XXI века этничность превратилась в Дамоклов меч, нависший над всем современным миропорядком. Закалившись в середине прошлого столетия в горниле национально-освободительных движений колониальных народов за выход из-под политико-экономического и социокультурного гнета метрополий, к концу века она превратилась в страшную силу, пробующую на разрыв некогда единые национальные государства. Под ее натиском пали СССР, СФРЮ, Чехословакия, трещит по всем швам Республика Украина. Она привела в движение огромные народные массы, стремящиеся к этническому возрождению, воссоединению или сецессии, экономической экспансии или политическому сепаратизму. Если в середине XX века это явление с некоторой долей патетики называли «этническим парадоксом современности», то сегодня есть все основания считать ее «джинном, вырвавшимся на свободу».

Что же такое этничность? Самым общим ответом на этот вопрос будет осознание индивидом своей принадлежности к тому или иному этносу. Для подавляющего большинства людей это осознание (или этническая самоидентификация) не представляет какой-либо проблемы, однако, никак не объясняет природы все тех этнических процессов, которые с разной степенью интенсивности охватили сегодня практически всю планету. И это выглядит тем более парадоксальным, что этносы и этничность существуют столько, сколько существует человечество – с незапамятных времен.

Как представляется, специфической особенностью современного состояния мирового сообщества (в отличие от прежних исторических эпох) является то, что этничность теперь возникает не на границах распространения этнокультурных ареалов, выступая инструментом поддержания целостности этноса в условиях фронтальных кроссэтнических взаимодействий, а приобретает транснациональный (или экстерриториальный) характер, отрицая сами эти границы как таковые. Отсутствие этнических границ, пространственно разделявших некогда этносы, создает качественно новое состояние, воспринимающееся все большим количеством людей как прямая угроза не только их этнической социокультурной целостности, но и непосредственному физическому бытию (в форме депортаций, этноцида, холокоста и т.п.).

Существующие в отечественной этнологии и этносоциологии подходы к определению этничности, к сожалению, мало проясняют суть этого явления и страдают либо примитивным примордиализмом, либо конструктивизмом и/или инструментализмом в разном их сочетании. Как пример можно привести определение известного российского этнолога В. А. Тишкова: «Этничность можно представить как форму социальной организации культурных различий, состоящей из тех характеристик, которые сами члены этнической общности считают для себя значимыми, и которые лежат в основе их самосознания» [7].

В последние годы предпринимается все больше усилий уйти от традиционного понимания этноса и этничности как его онтологической характеристики с очевидной целью дойти до сути, раскрыть тайные движущие силы и по возможности «приручить» их (хотя последнее мне представляется вряд ли возможным). Плодотворную попытку в этом плане предпринял известный американский социолог Роджерс Брубейкер в монографии «Этничность без групп» [2]. Подход, который он последовательно проводит в этой работе, можно отнести к когнитивной социологии.

В качестве исходного пункта своих рассуждений ученый отталкивается от мнения М. Вебера, которое в его перифразе выглядит следующим образом: «...точный и дифференцированный анализ безусловно полностью отклонил бы всеохватывающий термин „этнический“, поскольку он совершенно непригоден для любого по-настоящему строгого исследования». И далее поясняет эту мысль: «„Этничность“ может оказаться лишь удобной, но в некоторых отношениях вводящей в заблуждение рубрикой, позволяющей сгруппировать явления, которые, с одной стороны, совершенно несопоставимы, а с другой – имеют много общего с явлениями, обычно не подводимыми под рубрику „этничность“» [2, 60].

Экспликация данной категории с позиций когнитивной социологии привела Р. Брубейкера к кардинальному переосмыслению «этничности»: будучи, по его мнению, такой же реальной как раса [2, 30], она может одновременно рассматриваться и как переменная («можно говорить о конвертации категории «этнос» в этничность и изменении уровня этничности группы» [2, 35]), и как результат фреймирования и кодирования в этнических терминах («насилие становится „этническим“ („расовым“, „националистическим“) благодаря значениям, которые придают ему преступники, жертвы, политики, чиновники, журналисты, исследователи, работники служб помощи и др. Такие акты фреймирования и нарративного кодирования не просто *интерпретируют* насилие – они *конституируют* его в качестве этнического» [2, 40]), и как, наконец, познание, выступающее когнитивным измерением этничности («этничность, раса и национальность являются по существу способами восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они – не вещи-в-мире, а точки зрения *на* мир. Они включают этнически окрашенные способы видения (и игнорирования), объяснения (и неверного объяснения), вывода (и ошибочного вывода), воспоминания (и забвения)» [2, 42]).

При всей оригинальности и полноте социологического анализа категории «этничность», скрупулезно выполненного Р. Брубейкером, за пределами его когниции (как, впрочем, и большинства других этнологов/этносоциологов) остается такая важная ее характеристика, как *моральность*. Мораль (в значении принятых в данном обществе представлений о должном поведении) зачастую выступает в качестве императива, который

не просто предлагает, но требует от индивида определенного нравственного выбора. Если же говорить об этничности как моральном императиве, то она предполагает выбор в пользу того или иного этноса, зачастую, противопоставляя этнические интересы общественным, классовым, групповым и т.д. Морализация этничности превращает ее в непреодолимую силу, о чем в свое время убедительно заявлял И. Кант [5]. Как результат – превращение этничности из социокультурной характеристики индивида и группы в моральный императив (чем с успехом пользуются игроки на политическом поле) подчиняет волю человека и заставляет поступать зачастую вопреки здравому смыслу. Именно отсюда берут начало холистские представления о «хороших» и «плохих» этносах, этноцентризм и бытовой расизм (стремление защищать «братьев по крови», оценивать человека не по его личным качествам, а этнической принадлежности) и т.п.

В современном мультикультурном обществе (российском, в том числе) происходит последовательная конвертация категоризации этничности из онтологической плоскости в этическую, следствием чего становится преобладание морального разделения людей на «своих» и «чужих» над социокультурным (прежде всего, по причине все ускоряющегося процесса конвергенции некогда обособленных этнокультурных практик в синкретическую городскую культуру: «Ситуация нового города, – утверждает в связи с этим дальневосточная ученая Н. Ю. Костюрина, – в котором... нарушались все связи (семейные, дружеские, этнические, в том числе и с малой родиной), обусловила необходимость быстрой адаптации к новым условиям, первым шагом которой была новая внеэтническая самоидентификация» [6, 108]). Говоря об этничности как моральном императиве, мы оставляем за скобками такие ее проявления, как различие добра и зла, честь, достоинство, любовь и пр., что является темой более широкого дискурса. В данном случае этничность нас интересует, прежде всего, как непреложное требование разделять людей по признаку этнической принадлежности на «своих» и «чужих», уважать и дорожить «своими», презирать и ненавидеть «чужих» (или в лучшем случае – быть толерантными к ним).

Из сказанного выше можно сделать ряд значимых выводов.

1. Этничность как моральный императив выражается в дорожении принадлежностью к данному этносу. Она по определению прескриптивна и императивна, то есть предписывает и указывает индивиду на должное поведение, не утруждаясь объяснением, почему оно таково. В этом смысле этничность становится одной из форм методологического холизма, инструментом реификации этнических мифов и стереотипов.

2. Следует различать этническую мораль, специфицирующую каждый этнос в этической плоскости, наиболее полным выражением которой является этос – совокупность моральных принципов и этических практик группы (этноса, народа, сословия, общества), и этничность как моральный императив, пронизывающую все этносы современного общества и ставшую одним из значимых элементов культуры эпохи постмодернизма. Если этническая мораль включает в себя как общие для всех (или значительной части) народов, так и эксклюзивные требования к социальному поведению, то этничность в любом случае ориентирует индивида на утверждение партикулярности этих требований и обязательности для него, как представителя данного этноса. Это приводит к тому, что в групповом сознании этнической общности складывается расширительное и одновременно заведомо искаженное представление о своей («истинной») и чужой («ложной») морали, которое выражается в максиме: «Только мы живем “правильно”, а другие народы – нет. Вот если бы все жили по нашим законам, тогда мы признали бы их своими».

3. Этничность как моральный императив не просто разделяет людей по этническому признаку на «своих» (соплеменников) и «чужих» (инородцев), но и манифестирует двойной моральный стандарт: она требует поступать в соответствии с кодексом данного этоса, постулируя принцип – что допускается для «своих», то неприемлемо для «чужих». На эту особенность в свое время обратила внимание исследовательница из Великобритании Селия Грин, которая обнаружила разделение морали на два вида – территориальную и племенную.

Если первая требует от людей следования моральным принципам, сложившимся на данной территории и в какой-то степени опосредованным ее спецификой (аспект территориальности социального поведения обстоятельно рассмотрен нами в [3]), независимо от их этнической принадлежности, и в целом характеризуется ученой как разрешительная, то вторая по определению селективна, поскольку требует от каждого человека следования нормам того этноса, к которому он принадлежит [9].

4. На политическом уровне разделению морали на территориальную и племенную в специфическом, снятом виде соответствует дихотомия «патриотизм – национализм». В общественном сознании эта дихотомия разворачивается в систему ортогональных координат «патриотизм – космополитизм» и «национализм – интернационализм», которые в разных социальных системах встречаются в разном сочетании, но неизбежно включают в себя феномен этничности, навязывающей человеку моральный выбор: быть, например, патриотом-националистом или космополитом-интернационалистом (что ни в коей мере не отрицает возможности и принципиально иного – быть патриотом-интернационалистом или космополитом-националистом; все зависит от исторического контекста, в который погружено данное общество). При этом конвертация этничности в патриотизм неизбежно приводит к великодержавности, а конвертация в национализм – к этноцентризму, в случае же, если это происходит одновременно – к великодержавному шовинизму, как мы это увидели на примере России весны 2014 г. Призывы к «победоносной и беспощадной войне с “западными”», которыми были переполнены интернет-комментарии пользователей сети к материалам о событиях в Украине в феврале – марте 2014 г. – вот яркое тому подтверждение. Военная истерия с выраженным этническим компонентом («защитим русских (русскоговорящих) от нерусских») являет собой нередкий, к сожалению, пример конвергенции моральности и бездуховности, плодом которой является этическое оправдание войны в сугубо макиавеллистском стиле.

5. Этничность одновременно рациональна и иррациональна. Рациональность этничности состоит в том, что она повышает уровень сплоченности этнической группы и этим способствует ее самосохранению в агрессивной (природной и социальной) среде. Однако в условиях мультикультурного общества, основанного на принципах гуманизма и толерантности, это же ее качество становится иррациональным, порождая искусственные границы между этносами и тем самым способствуя возникновению и обострению между ними конфликтов, часто не имеющих под собой никаких объективных оснований.

6. Этничность в ее крайних проявлениях (этноцентризм, национализм, шовинизм) – это моральный рудимент прошлых эпох, который объективно препятствует включению этносов в современное гражданское общество. Однако, будучи глубоко укорененной в коллективном сознании на уровне архетипа, она успешно эксплуатируется политическими элитами многих стран, в том числе, и России, для перенаправления недовольства масс с властных институтов и структур на те или иные этнические и субэтнические группы.

Как представляется, в современном мире акцент на этничности становится все более иррациональным, а потому социально опасной и личностно нецелесообразной этической максимой, на что указывают многие исследователи. Так, Араш Абизаде, канадский ученый иранского происхождения, утверждает, что этничности как моральному принципу противостоит моральный принцип всечеловечности. «Принцип единства человечества, – утверждает он, – это не только основание для признания достоинства *индивида* как человеческого существа. Это также основание для рассмотрения этого достоинства в контексте того, что объединяет каждого человека с его братьями. *Духовное* понимание единства человечества не останавливается, например, на формальном признании прав человека за каждым индивидом (подкрепленным силовым воздействием институтов государственного аппарата); оно дополняет защиту прав приверженностью к культивированию таких достоинств, как независимость, любовь и жертвенность, которым тоже надлежит найти место в человеческих отношениях. Эти свойства не подлежат формальной кодификации и институционализации

(например, в виде серии законодательных актов), им надлежит войти в социальные практики иначе, больше зависеть от осознанного индивидуального выбора и индивидуальной воли» [1, 32], т.е., добавим, стать основанием для нравственного выбора человека.

Российский ученый молдавского происхождения Сергей Эрлих еще более категоричен в своей оценке этничности как морали. Свои рассуждения он строит на примере Республики Молдовы: «Понадобилось пару лет приснопамятной “перестройки”, чтобы “коренные” преподаватели научного коммунизма Кишиневского государственного университета имени Ленина перешли от заклинаний о пролетарском интернационализме к осторожным разговорам о любви к “своему” народу и его культуре и, чуть погодя, к категорическому императиву: “Нация – превыше всего!”» Как следствие – «животная архаика этничности до сих пор блокирует мыслительные способности большинства сограждан [Молдовы. – А. З.]. Третье десятилетие прозябания никак не влияет на приверженность зоологическим взглядам на мир. Неудачи объясняются происками России или Румынии-Евросоюза-Америки и их “пятых колонн” внутри страны. Спасение видится под лозунгом: “Больше этнократии!”. Реализация этого призыва в нынешних молдавских условиях может означать только одно – установление откровенной фашистской диктатуры» [8].

Не то ли ожидает и нынешнюю Россию? С начала XXI века этничность как моральный императив все более активно используется российскими политическими акторами самого разного толка, причем, прежде всего, в отношении русского этноса, что эксплицитно преподносится как борьба за его фундаментальные социокультурные ценности, а имплицитно подрывает базовые основы некогда единой российской нации (в национально-государственном ее значении). И эти «зерна» падают на плодородную почву. Проведенное нами весной 2013 г. социологическое исследование мнений студентов Хабаровского края об этносах и этничности, в целом, подтвердило такое предположение: около 20 % опрошенных продемонстрировали приверженность экстремистским действиям в отношении «чужих» этносов и их представителей, 45 % заявили о своей интернационалистской позиции и 35 % – о «безразличии» к этнической проблематике как таковой [4, 92]. Налицо парадокс – чем больше в российском обществе говорят о необходимости преодоления этнических стереотипов и межэтнических конфликтов, тем в большей мере репродуцируют первые и вторые. Но это тема для отдельного разговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abizadeh A. Ethnicity, race, and a possible humanity // World Order. 2001. №1(33). P. 23 – 34; Абизаде А. Этничность, раса и человечество, возможное в будущем // Неприкосновенный запас. 2010. № 1 // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/69/aa10.html>.
2. Брубейкер, Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2012.
3. Завалишин А. Ю. Территориальное поведение россиян как фактор капиталистической трансформации России в конце XIX – начале XX в.: историко-социологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Социология». – 2007. – № 3. – С. 67-79.
4. Завалишин, А. Ю. Студенческая молодежь Дальнего Востока: между этнической толерантностью и экстремизмом / А. Ю. Завалишин, Н. Ю. Костюрина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 83-93.
5. Кант, И. Критика практического разума /И. Кант // URL: <http://www.iakovlev.org/zip/kant2.pdf>.
6. Костюрина, Н. Ю. Новый город как модель советской культуры (на материале г. Комсомольска-на-Амуре 1930-1950-х гг.) / Н. Ю. Костюрина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – 189 с.
7. Тишков В. А. Этничность // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2000 – 2001.
8. Эрлих С. Число зверя. Этничность, как человеческая форма животного состояния // URL: <http://enews.md/articles/view/4007/>.
9. Green C. Letters from Exile: Observations on a Culture in Decline. – Oxford: Oxford Forum, 2004.

Ильина Е. В.

E. V. Ilyina

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА МОСКОВСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

THE MOSCOW SCHOOL OF ARCHITECTURE: CULTURAL AND HISTORICAL CHARACTERISTICS (SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY)

Ильина Елена Валерьевна – соискатель кафедры «Культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 8(924)305-9155. E-mail: Ilyinae@bk.ru.

Ms. Elena V. Ilyina – PhD Applicant, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur.); +7 (924) 305-9155. E-mail: Ilyinae@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования Московской школы подготовки архитекторских кадров во второй половине XIX века. Обозначены художественные идеи московских архитекторов. Исследуются формы реализации художественных идей в архитектурном процессе эпохи.

Summary. The paper considers the establishment and forming of the Moscow school of architecture in the second half of the nineteenth century. I specify the artistic ideas of Moscow architects and examine the forms of implementation of these artistic ideas as part of the history of architecture of that period.

Ключевые слова: архитектор, школа, профессиональные кадры, традиции русского зодчества, градостроитель, академия художеств, архитектурный ансамбль, городской ансамбль.

Key words: architect, school, traditions of Russian architecture, professional personnel, town-planner, Academy of Arts, architectural ensemble, urban architectural ensemble.

УДК 72.03

В статье рассматривается процесс формирования Московской школы подготовки архитекторских кадров в России. Особый интерес вызывает гипотеза об общности творческих идей представителей данной школы и специфике выражения данной идейной направленности в архитектурно-строительном процессе второй половины XIX века. Цель данной статьи: обозначить характерные особенности исторического развития Московской школы подготовки профессиональных кадров как школы, сохраняющей и развивающей традиции русского зодчества.

В ранее опубликованной статье [2] нами было сформулировано рабочее определение школы: «Архитектурная школа – явление культуры, складывающееся в определённый исторический период, характеризующееся значимостью художественной идеи и общностью художественной парадигмы представителей школы. Важнейшим аспектом архитектурной школы является трансляция и сохранение традиций в архитектуре».

С начала XIX века Москва становится одним из двух важнейших центров профессиональной подготовки русских архитекторов. К этому периоду традиции архитектурного образования в России прошли путь эволюционного формирования длиной почти в 100 лет. Деятельность архитекторских команд под руководством Д. В. Ухтомского (1749-1764), В. И. Ба-

женова (1768-1775), М. Ф. Казакова (1786-1803) привела к осознанию необходимости организовать в Москве постоянно действующую школу подготовки профессиональных кадров в области архитектуры и строительства, поэтому в 1804 году было открыто Кремлёвское архитектурное училище. Функционирование этого заведения инициировалось и контролировалось Министерством императорского двора.

Главный управляющий Кремлёвской экспедиции, действительный тайный советник, сенатор П. С. Валуев следил за организацией процесса подготовки профессиональных архитекторов. Уже на начальном этапе в училище была учреждена специальная «чертёжная», сформирована хорошая библиотека.

Процесс становления московской школы подготовки профессиональных архитекторов во многом был обусловлен механизмами в области регулирования строительных производств в столице и в стране в целом. Существовала потребность в узких специалистах: конструкторах, инженерах по водоснабжению, мостостроителях, электриках. Все они должны были хорошо знать физику, математику, строительную технологию, законы архитектуры и её основные принципы. На эту ситуацию указывает и историк архитектуры М. В. Нащокина: «По мере развития строительных правил и норм на протяжении XVIII - начала XIX века появилось несколько основных направлений законодательной деятельности, постоянно пополнявшихся новыми указами: 1. Противопожарная безопасность. 2. Конструктивная прочность строений и другие технические требования. 3. Промышленное строительство. Эпоха классицизма с её ориентацией на нормативную эстетику ввела в законодательство ещё один вид строительных регламентаций, которые можно было бы назвать "художественными". К ним можно отнести единые высотные параметры застройки, ограничение её цветовой гаммы и необходимость придерживаться образцовых проектов, столь широко распространившихся в первой трети-середине XIX в.» [4].

Таким образом, идея открыть в Москве школу подготовки профессиональных архитекторов уже в основе своей должна была решить ряд задач:

- обеспечить достаточное количество архитектурских кадров не только для Москвы, но и для ближайших губерний;
- выпускать архитекторов с активной гражданской позицией, желающих развивать и укреплять традиции русской национальной архитектуры;
- заложить основы фундаментальных знаний для дальнейшего профессионального роста выпускников школы.

Первой особенностью созданного в 1804 году Кремлевского архитектурного училища является полифоничность традиций, привнесенных не одним мастером-архитектором, а несколькими профессиональными командами-предшественниками: архитектурской командой Д. В. Ухтомского, сподвижниками В. И. Баженова, а также последователями и учениками М. Ф. Казакова. Однако, несмотря на своеобразие творческого метода каждого из этих мастеров, общей чертой в понимании потребностей архитектуры для "столичного" города, как-им значилась Москва на протяжении долгого исторического периода, являлось желание создавать архитектурные формы, выражающие идеи русской национальной культуры.

Среди историков архитектуры, обращавшихся к теме Московской архитектурной школы, можно отметить В. А. Гамбурцева, А. Ф. Гартвиг, П. В. Соболева, В. Г. Лисовского, В. Г. Залесова, Е. И. Кириченко, С. А. Прохорова, Л. И. Иванову-Вэен, А. Е. Гриц, Д. Г. Борис. Все исследователи обращают внимание на эволюционный путь становления школы подготовки архитектурно-строительных кадров в Москве. Это проявлялось в том, что лучшие преподавательские методики брались за основу организации учебного процесса, но уже на новом культурно-историческом этапе. Так, Д. Г. Борис пишет: «Особое внимание уделялось художественному развитию и теоретической подготовке, а также детальному изучению макетного проектирования на основе создания знаменитой деревянной модели Кремлевского дворца, где ученики получали навыки совместного творчества с резчиками, скульпторами и живописцами.» [1].

Архитекторское училище состояло из двух отделений: низшего – "архитекторской школы" и высшего – "чертёжной школы". Именно таким образом сформировалась оригинальная система обучения, которая предписывала ученикам различные статусы: либо ученика, либо архитекторского помощника, в зависимости от стадии обучения. При обучении на низшем отделении ученик посещал предметные классы: русский язык, математику, рисунок, живопись, перспективу, правила канонических сечений, гражданскую архитектуру. На высшем отделении продолжалось изучение гражданской архитектуры, т.е. непосредственно "как делать архитектуру", и правил оформления чертежей.

Еще одной отличительной чертой Московской архитектурной школы является значительно более тесная, чем в петербургской Академии Художеств, связь учебного процесса с архитектурной практикой. Эта традиция отразилась и в содержании некоторых дисциплин в училище. Во второй половине XIX века в училище существует четыре отделения теоретического курса и одно практическое. Практическое отделение в свою очередь состояло из трёх классов. В практику проектирования вводятся обязательные землемерные съемки, нивелировка и изучение строительных материалов. Чтобы ученики могли по окончании обучения получить полный аттестат, в училище вводится так называемая "конференция для испытаний", но при этом двухступенчатость обучения (ученик и помощник архитектора) сохраняется.

Одним из механизмов формирования мировоззрения будущих зодчих - обязательное глубокое изучение истории мировой архитектуры, представление о месте русской архитектуры в этом процессе. Это потребовало существенно обогатить библиотеку училища. В библиотеке помимо специальных архитектурных изданий находились и образцовые чертежи для копирования. Ежегодно на покупку книг выделялось 6000 рублей. Ученики училища были знакомы с трудами историков и теоретиков архитектуры: Дюрана, Гитторфа, Вибекинга, Ш. Персье и Л. Фонтена, К. Шинкеля, Лео фон Кленце, Картмера де Кенси и других. Более того, книги в библиотеку поступали из Рима, Мюнхена, из Парижа и Берлина. А также ученики училища могли ознакомиться с европейскими периодическими изданиями: "Обозрение архитектуры" и др.

Таким образом, можно утверждать, что Московская архитектурная школа во второй половине XIX века сформировала уникальную систему подготовки архитектурских кадров. Эта система отвечала условиям нового градостроительного процесса.

Кроме того, тогда же обозначилась идейная направленность выпускников на сохранение и трансляцию традиций древнерусского зодчества. А обязательное практическое участие в архитектурно-строительном процессе Москвы позволило выпускникам реализовать эти идеи в высокохудожественных архитектурных формах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борис, Д. Г. Кремлевское архитектурное училище. Дворцовое архитектурное училище: 1804-1866 / Д. Г. Борис, Л. И. Иванова-Веэн // Архитектурные школы Москвы: Исторические данные. 1749-1995: сб. 1. – М.: МОЛ СЛ России, 1995. – С. 24-32.
2. Ильина, Е. В. Предпосылки возможного определения понятия «архитектурная школа» / Е. В. Ильина // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2013. – № 3(10) ч. 2. – С. 123-126.
3. Градостроительство России середины XIX века - начала XX века. Кн. 3 / Под общ. ред. Е. И. Кириченко. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 616 с.
4. Нащокина, М. В. Развитие градостроительного законодательства в России во второй половине XIX – начале XX века / М. В. Нащокина // Градостроительство России середины XIX - начала XX века. – М., 2001. – С. 248.

Шурухнова Д. Н.
D. N. Shurukhnova

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ СЛУЖЕБНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

LEGAL GROUNDS FOR RESTRICTION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES'S OFFICERS WHO PERFORM THEIR DUTIES IN SPECIAL WORKING CONDITIONS

Шурухнова Диана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент Московского университета МВД России (Россия, Москва); 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ms. Diana N. Shurukhnova – PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Russia, Moscow); 117437, Moscow, Akademika Volgina Av., 12.

Аннотация. Рассматриваются правовые основания ограничения конституционных прав сотрудников органов внутренних дел, проходящих службу в особых условиях

Summary. The paper considers the legal foundations for the restriction of the constitutional rights of law enforcement officers serving in special conditions.

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел; основные права и свободы человека и гражданина; чрезвычайное положение; особые условия; правовые ограничения; дополнительные ограничения, применяемые к сотрудникам органов внутренних дел, проходящим службу в особых условиях.

Key words: law enforcement officer, fundamental rights and freedoms of man and citizen, emergency situation, special conditions, legal restrictions, additional limitations that apply to the employees of law enforcement agencies who serve in special conditions.

УДК 34.07:342

Провозглашая и закрепляя основные права и свободы человека и гражданина, Конституция Российской Федерации, в статье 55, предусматривает возможность ограничения прав и свобод, которые допускаются федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений. Устанавливая ограничение, законодатель не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существование того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры [1].

В связи с этим можно констатировать, что Конституция Российской Федерации, закрепляя принципы, цели и юридическую форму ограничений, тем самым защищает человека и его права от произвольных действий со стороны государства и его органов, поскольку ограничивает государственную власть в возможности посягать на права и свободы личности,

на сферу ее свободы. В дальнейшем, по нашему мнению, общие условия реализации ограничений, установленные в Конституции Российской Федерации, находят свое развитие и конкретизацию в законодательных актах.

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина по правилам, установленным Конституцией Российской Федерации, исключает любое ограничение прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст.19). Ограничение прав и свобод допускается только по основаниям и в случаях, предусмотренных законом.

Наши исследования показали, что при классификации правовых ограничений существуют различные подходы. Они подразделяются в зависимости от расположения в структуре нормы права: на юридический факт - ограничение, запрет, обязанность, меры юридической ответственности (наказания); по отраслевой принадлежности - конституционные административные, уголовные и т.д.; в зависимости от сферы реализации - межгосударственные и внутригосударственные; в зависимости от субъекта, на которого они распространяются, - на общие, индивидуальные и специальные (государство в целом, должностные лица, судьи, прокуроры и т.д.); в зависимости от места в системе права - частноправовые (ограничения прав и свобод личности) и публично-правовые (ограничение государства); материальные и процессуальные; в зависимости от содержания - материально-правовые (штраф); морально-правовые (требования справедливости); организационно-правовые (разделение властей). В зависимости от субъекта, налагающего ограничения, - государственные, негосударственные (исходящие от институтов гражданского общества, муниципальных органов публичной власти). В зависимости от функций права – регулятивные (обязанность, запрет, ограничение) и охранительные (меры юридической ответственности).

Одними из особенностей правового статуса государственного служащего (в том числе сотрудника органов внутренних дел) являются ограничения и запреты, связанные со службой. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно подчеркивал, что специфика государственной службы в Российской Федерации как профессиональной служебной деятельности граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий органов государственной власти предопределяет особый правовой статус государственных служащих, который включает в себя, в частности, обусловленные характером соответствующей деятельности права и обязанности государственных служащих, налагаемые на них ограничения, связанные с государственной службой, а также предоставляемые гарантии [2].

Существование в рамках правового статуса государственного служащего правовых ограничений и запретов предопределено самой природой государственной службы. В федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации» подчеркивается, что современная государственная служба должна быть ориентирована на обеспечение прав и законных интересов граждан, создание механизмов взаимодействия институтов гражданского общества и государственной службы, противодействие коррупции на государственной службе, повышение престижа государственной службы и авторитета государственных служащих [3]. Реализация стоящих перед институтом государственной службы задач на современном этапе решается путем установления особых требований к государственному служащему, закрепления дополнительных ограничений и запретов, возложения специфических обязанностей.

Глава 3 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ [4], закрепляющая правовое положение (статус) сотрудника органов внутренних дел, определяет его права, основные обязанности, требования к служебному поведению, ответственность сотрудника, а также ограничения, обязанности и запреты, связанные со служебной в органах внутренних дел. Причем, по общему правилу на сотрудника органов внутренних дел распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от

27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Однако наши исследования показали, что на сотрудника полиции не распространяются ограничения, запреты и обязанности, препятствующие осуществлению сотрудником полиции оперативно-розыскной деятельности. Такие ограничения, запреты и обязанности, а также сотрудники полиции, на которых они не распространяются, в каждом отдельном случае определяются в порядке, устанавливаемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел. Следовательно, система ограничений и запретов, установленная российским законодательством для государственных служащих, по общему правилу является единой и применяется во всех видах государственной службы.

В рамках правового статуса сотрудников органов внутренних дел представляется возможным выделить еще одну группу ограничений, возникающую при выполнении служебных обязанностей в особых условиях.

Особые условия представляют собой обстановку, вызванную чрезвычайными природными и социально-биологическими явлениями, влекущую установление специального правового режима, характеризующуюся введением в действие мероприятий, усиливающих полномочия органов государственной власти в целях восстановления и поддержания должного порядка общественной жизни, защиты населения и его здоровья, охраны собственности, оказания помощи пострадавшим и обеспечения перехода к нормальному функционированию государственных органов и общественных организаций.

Анализ статьи 35 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дает основания полагать, что деятельность органов внутренних дел в особых условиях осуществляется:

- в период действия военного положения;
- в период действия чрезвычайного положения;
- в период проведения контртеррористической операции;
- в условиях вооруженного конфликта;
- при ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера;
- в других чрезвычайных ситуациях, которые подразделяются на чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, под которыми понимается обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [5].

В особых условиях допускается на срок не более шести месяцев в течение календарного года изменение режима служебного времени сотрудника органов внутренних дел, возложение на него дополнительных обязанностей, командирование его в другую местность, временный перевод его в другое подразделение без изменения характера службы в органах внутренних дел и установление иных особых условий и дополнительных ограничений без согласия сотрудника.

При этом отказ сотрудника органов внутренних дел без уважительных причин от прохождения службы в органах внутренних дел в особых условиях является основанием для освобождения его от замещаемой должности в органах внутренних дел, расторжения контракта и увольнения со службы в органах внутренних дел.

К дополнительным ограничениям, применяемым к сотрудникам органов внутренних дел, проходящим службу в особых условиях, относятся:

- изменение режима служебного времени;
- возложение на сотрудника обязанности уведомлять непосредственного руководителя о своем местонахождении в свободное от выполнения служебных обязанностей время, а

также иных дополнительных обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации;

- командирование сотрудника в другую местность;
- временный перевод сотрудника в другое подразделение без изменения характера службы в органах внутренних дел Российской Федерации;
- перенос отпуска сотруднику;
- отзыв из отпуска;
- приостановление предоставления дней отдыха за выполнение обязанностей сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени, а также в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни и выплаты денежной компенсации взамен дополнительных дней отдыха;
- ограничение выезда в свободное от выполнения служебных обязанностей время [6].

Наличие ряда ограничений, применяемых к сотрудникам ОВД в особых условиях, а также содержание статьи 56 Конституции Российской Федерации дают основание классифицировать правовые ограничения в зависимости от условий, в которых они применяются. По данному основанию они подразделяются на правовые ограничения, применяемые в обычных условиях, а также правовые ограничения, применяемые в особых, экстраординарных условиях. К последней группе относятся правовые ограничения, применяемые в условиях военного и чрезвычайного положения, а также ограничения, применяемые к сотрудникам органов внутренних дел при выполнении служебных обязанностей в особых условиях.

Таким образом, особенности правового статуса сотрудников органов внутренних дел как государственных служащих предопределены Конституцией Российской Федерации, установлены федеральными законами в зависимости от выполнения служебных обязанностей в особых условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова".
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2012 № 31-П "По делу о проверке конституционности пункта 4 части 1 статьи 33 и подпункта "а" пункта 3 части 1 статьи 37 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки Л.А. Пугиевой"; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1275-О "По жалобе гражданки Терехиной Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью 4 статьи 31, пунктом 6 части 1 статьи 33 и статьей 37 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации".
3. О федеральной программе "Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы) [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 10.03.2009 № 261 (ред. от 10.08.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 02.07.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс]: федер. закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 02.07.2013). Ст. 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О некоторых вопросах прохождения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации службы в особых условиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 06.06.2012 № 562. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Степаненко Р. А.
R. A. Stepanenko

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ПРАКТИКУ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

HOW JUDGEMENTS OF THE EUROPEAN COURT ON HUMAN RIGHTS IMPACT THE PRACTICE OF INVESTIGATING CORRUPTION CRIMES

Степаненко Роман Алексеевич – помощник судьи 4-го судебного состава Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа, Советник юстиции 3-го класса (Россия, Иркутск); 664000, г. Иркутск, ул. Поленова, д. 11а, кв. 66; 8 (902) 1-711-449. E-mail: ordoman1@gmail.com

Mr. Roman A. Stepanenko - Assistant Judge of the 4th bench of the Federal Arbitration Court of the East-Siberian Region, Judicial Councillor 3rd Class (Russia, Irkutsk); 664000, Irkutsk, 11A, Polenov Street, Ap. 66; + 7 (902) 1711449. E-mail: ordoman1@gmail.com

Аннотация. В статье констатируется, что в ряде решений Европейского суда по правам человека и Верховного суда Российской Федерации рассматриваются не только перспективы изменений в законодательстве о борьбе с коррупционными преступлениями, но и предлагаются рекомендации по проведению тактических операций, направленных на изобличение взяточников.

Summary. The paper asserts that a number of judgments by the European Court on Human Rights and by the Supreme Court of the Russian Federation not only consider future legislation against corruption crimes but also suggest recommendations for tactical investigative operations aimed at establishing the guilt of alleged bribe takers.

Ключевые слова: взяточничество, коррупционные преступления, оперативный эксперимент, подстрекательство, провокация, Европейский суд по правам человека, тактическая операция.

Key word: bribery, corruption crimes, sting operation, instigation, provocation, European Court on Human Rights, tactical operation.

УДК 341:339.9

Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ [2] Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней (далее - Конвенция) [1]. Таким образом, наша страна взяла обязательство, кроме прочего, исполнять постановления Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, ЕСПЧ), вынесенные по делам, по которым наше государство участвовало в качестве стороны.

Трудно переоценить влияние данных обязательств на правоприменительную практику. Так, Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 27 июня 2013 г. № 21 "О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней" вновь, уже в который раз подчеркнул роль и значение правовых позиций Европейского Суда для российской судебной, а соответственно и для следственной практики. Так, в п. 2 данного постановления сказано, что правовые позиции ЕСПЧ, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов. С целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции. При этом правовая позиция учитывается судом,

если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда».

Далее в этом же постановлении (п. 11) Пленум Верховного суда РФ отметил: «Обратить внимание судов на то, что решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, в том числе дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, государственного или муниципального служащего, должны соответствовать не только законодательству Российской Федерации, но и общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, включая Конвенцию и Протоколы к ней в толковании Европейского Суда (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, часть 2 статьи 1 и часть 4 статьи 11 ГПК РФ, часть 3 статьи 1 УПК РФ, часть 2 статьи 1.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации).

Думается, что изложенное означает, что, например, доказательства по делу являются недопустимыми как в случае их получения в нарушение положений УПК РФ, так и в случае их получения с нарушением Конвенции или Протоколов к ней, как это понимает в своих актах толкования Европейский суд.

Правовые позиции Европейского суда неоднократно излагались по делам против России, где ее граждане привлекались к уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотиков (дела: Ваньяна, Худобина, Веселова и других). Очевидно, что обстоятельства проведения по таким делам проверочных закупок с признаками провокации преступлений, ставшие предметом рассмотрения Европейского суда, полностью аналогичны обстоятельствам проведения оперативного эксперимента по изобличению взяточничества и иных коррупционных преступлений с признаками аналогичной провокации.

Одним из последних и наиболее информативных решений такого рода является дело "Веселов и другие (Veselov and others) против Российской Федерации" [3]. Так, в п. 90 этого решения Европейский суд отметил, что в делах, в которых основное доказательство получено за счет негласной операции (например, в рамках оперативного эксперимента или проверочной закупки. Отмечено мной – Р. С.), власти должны доказать, что они имели достаточные основания для организации негласного мероприятия. В частности, они должны располагать конкретными и объективными доказательствами, свидетельствующими о том, что имеют место приготовления для совершения действий, составляющих преступление, за которое заявитель в дальнейшем преследуется (см. Решение Европейского Суда по делу "Секейра против Португалии" (Sequeira v. Portugal), жалоба N 73557/01, ECHR 2003-VI, Решение Европейского Суда по делу "Юрофинаком" против Франции" (Eurofinacom v. France), жалоба N 58753/00, ECHR 2004-VII, Решение Европейского Суда по делу "Шэннон против Соединенного Королевства" (Shannon v. United Kingdom), жалоба N 67537/01, ECHR 2004-IV, Постановление Большой Палаты по делу "Раманаускас против Литвы", § 63 и 64, Постановление Европейского Суда по делу "Малининас против Литвы", § 36).

Европейский суд, отмечая, что не в первый раз сталкивается в своей практике с подобными нарушениями, подверг жесткой критике не только и не столько российскую судебную практику, но и всю систему законодательства, обеспечивающую борьбу с коррупционными преступлениями и незаконным оборотом наркотиков: "... российская система, в которой проверочные закупки и оперативные эксперименты всецело относятся к компетенции органов оперативно-розыскной деятельности, расходится с практикой, принятой большинством государств-участников. Европейский Суд полагает, что этот недостаток отражает структурное уклонение от обеспечения гарантий против милицейской провокации" [3, п. 106].

Думается, что во многом под влиянием этих разъяснений ЕСПЧ Пленум Верховного суда Российской Федерации в своем постановлении от 09.07.2013 № 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях", помимо

вопроса об уголовной ответственности за провокацию взятки либо коммерческого подкупа, запрещенного статьей 304 УК РФ (п. 32 постановления), впервые в опубликованной судебной практике разъяснил судам (п. 34) сущность **подстрекательских действий** (выделено мной – Р. С.) сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа. Как отметил Пленум, указанные действия совершаются в нарушение требований статьи 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Далее в этом же пункте Верховный суд РФ разъясняет, что принятие должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (пункт 2 части 1 статьи 24 УПК РФ).

Нужно дополнить, что Европейский суд в названном постановлении по делу Веселова и других фактически предлагает оперативно-розыскным и следственным подразделениям частнометодические криминалистические и оперативно-розыскные рекомендации. В следственных ситуациях, связанных с оперативными экспериментами и проверочными закупками, ЕСПЧ требует: «проведения расследования в основном пассивным способом», предлагая четкие критерии того, что он имеет в виду под этим словосочетанием. Как указано в п. 92 решения по делу Веселова и других: «... Это, в частности, исключает любое поведение, которое может расцениваться как давление, оказанное на заявителя¹ с целью совершения им преступления, такое как инициативный контакт с заявителем, повторное предложение после первоначального отказа, настоятельные требования, повышение цены по сравнению с обычной... (см., в частности, Постановление Большой Палаты по делу "Раманаускас против Литвы", § 67, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ваньян против Российской Федерации", § 11 и 49, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Малинина против Литвы", § 37)».

Анализ указанных взаимосвязанных между собой разъяснений Верховного суда РФ и Европейского суда позволяет сделать вывод о том, что оперативные подразделения не вправе допускать описанные выше подстрекательские действия² не только в отношении взяткополучателей, взяткодателей, но и в отношении предполагаемых посредников (ст. 291.1 УК РФ), поскольку последние изобличаются в рамках оперативных экспериментов, аналогичных тем, что проводят в отношении субъектов преступлений, предусмотренных статьями 204, 290 и 291 УК РФ.

¹ Под заявителем в данном контексте понимается гражданин Веселов и другие лица, обратившиеся в Европейский суд. Отмечено мной – Р. С.

² О недопустимости не только провокаций, но и шире – подстрекательских действий уже упоминалось в литературе. См., например: Гармаев Ю. П., Обухов А. А. Квалификация и расследование взяточничества: учеб.-практ. пособие. М.: Изд-во «Норма», 2009. С. 125-132.

В широко распространенной тактике проведения этих ОРМ, открыто освещаемой в научной литературе³ и даже в публицистике, оперативные сотрудники часто проводят двойной, двухэтапный эксперимент: сначала взятка под контролем передается посреднику, а затем он, будучи избалованным, привлекается к дальнейшей передаче взятки должностному лицу. Безусловно, подстрекательские действия недопустимы и влекут незаконность действий оперативных подразделений как на первом, так и на втором этапе оперативного эксперимента.

Это означает, что вновь создаваемые, а также модернизируемые криминалистические методики расследования взяточничества и иных коррупционных преступлений в обязательном порядке должны содержать рекомендации не только по поводу избежания провокаций, но и по поводу недопустимости впервые упоминаемых Пленумом Верховного суда РФ подстрекательских действий со стороны оперативных сотрудников и содействующих им лиц.

Необходимо отметить, что эти обстоятельства существенным образом осложняют практику борьбы с коррупционными преступлениями и могут повлиять на и без того невысокую ее эффективность. В данных условиях, как нам представляется, необходимы более конкретные, не допускающие противоречивых толкований, разъяснения:

1) на уровне законодательства об оперативно-розыскной деятельности – о разграничении правомерного проведения оперативного эксперимента (а также проверочной закупки) с провокацией преступлений и описанными подстрекательскими действиями;

2) на уровне криминалистических методик – об организации и тактике реализации соответствующих тактических операций, обеспечивающих недопустимость этих провокаций и подстрекательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.): с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант» / НПП «Гарант-Сервис». – Последнее обновление 20.09.2013.

2. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант» / НПП «Гарант-Сервис». – Дата обращения 20.11.2013.

3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 2.10.2012: дело "Веселов и другие (Veselov a№d others) против Российской Федерации" (Жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10) (Первая Секция). Страсбург, 2 октября 2012 года [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Дата обращения 21.11.2013.

³ См., например: Гармаев Ю.П., Фалилеев В.А. Оперативный эксперимент по делам о получении взятки: правила проведения, исключаящие провокацию // Проблемы совершенствования прокурорского надзора: сборник статей. Вып. 2. Иркутск: Изд-во ИИПК ПР ГП РФ, 2006. С. 86-97.

Ким С. С.
S. S. Kim

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В СТАДИИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ КАК ОСОБОЕ СРЕДСТВО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

IN-SITU VERIFICATION OF WITNESS STATEMENTS DURING JUDICIAL EXAMINATION AS A SPECIAL FORM OF OBTAINING CRIMINAL PROCEDURE-BASED KNOWLEDGE

Ким Сергей Сенгевич – аспирант Дальневосточного государственного университета путей сообщения, судья Хабаровского краевого суда (Россия, Хабаровск). E-mail: kimss74@mail.ru.

Mr. Sergey S. Kim – PhD student, Department of Criminal and Legal Studies, the Far Eastern State Transportation University; District Court Justice (Russia, Khabarovsk). E-mail: kimss74@mail.ru.

Аннотация. В статье на основе исследования некоторых психологических и процессуальных аспектов проверки показаний на месте в суде определены признаки, подтверждающие, что данное судебное действие является особым способом уголовно-процессуального познания.

Summary. The paper - proceeding from the results of a study of certain psychological and procedural aspects of in-situ verification of witness statements – identifies a range of attributes which confirm that this judicial action is essentially a special method of getting criminal procedure-based knowledge.

Ключевые слова: познание, уголовно-процессуальное доказывание, проверка показаний на месте, психологические аспекты при формировании показаний.

Key words: knowledge, criminal procedure and evidence, proof, in-situ verification of witness statements, psychological aspects of interrogation.

УДК 343.1

Уголовно-процессуальное доказывание является одним из видов специального социального познания и ему присущи те же закономерности, что и любой познавательной деятельности.

Познание как философская категория «требует для своего понимания чего-то принципиально и субстанциально иного – «реальности», «объекта», «материи»; с другой же (стороны) – познание может быть понято как самостоятельная идеальная реальность, обладающая внутренней динамикой и источниками развития. Однако, будучи самостоятельной реальностью, познание вместе с тем пронизывает все аспекты человеческого мира и лишь в абстракции может быть выделено из него» (см. прим. 1).

В отличие от познания, целью которого является получение новых знаний и истинных представлений о предмете, понятии, явлении, процесс уголовно-процессуального доказывания представляет собой особого вида познание. Гносеологической сущностью доказывания в уголовном судопроизводстве является, во-первых, специальный объект – обстоятельства совершенного общественно опасного деяния, и то лишь те, которые представляют уголовно-правовой и процессуальный интерес. Во-вторых, уголовно-процессуальным познанием может заниматься не любой исследователь, а лишь лицо, наделенное законом специальным статусом с определенными обязанностями и полно-

мочиями. В-третьих, уголовно-процессуальное познание допускается лишь через информацию, полученную и закреплённую специальными способами – доказательствами.

Таким образом, процесс доказывания — это производимые в установленном законом порядке собиране, проверка и оценка доказательств с целью достоверного установления обстоятельств уголовного дела [3].

Доказательства как сведения, составляющие основу процессуального познания, строго определены законом, как по видам, так и по тактическим приёмам их получения. Такая ограниченность обусловлена несколькими причинами. Во-первых, в судебном познании кроме исследователя (судьи), в уголовно-процессуальной истинности должно быть уверено ещё и государство, от имени которого судья признает подсудимого виновным или не виновным в совершении преступления. Именно поэтому, для того, чтобы обеспечить возможность контроля правильности принятого решения закон регламентирует процедуру обнаружения, фиксирования, исследования и оценки имеющейся информации, которая будет являться доказательствами. Во-вторых, ограничение способов и методов уголовно-процессуального познания связано с необходимостью строгого соблюдения принципа уголовного процесса об исключении возможности осуждения невиновного. Правовая регламентация методов уголовно-процессуального познания не позволяет исследователю (правоприменителю) произвольно устанавливать объективную истину, в частности, при восстановлении обстоятельств совершенного преступления. По нашему мнению, именно ограниченность средств познания позволяет разделить понятия истины объективной и истины процессуальной. Понятия истинности и достоверности знаний, полученных в результате познания, не всегда совпадают. В равной степени правильно отражая действительность, «истинность характеризует отношение нашего знания к отражаемому объекту, их соответствие друг другу, а достоверность, кроме того, обоснованность нашего знания и сознание этой обоснованности. Догадка, предположение, гипотеза могут быть истинны, т.е. соответствовать действительности, но лишь будучи обоснованы, доказаны, они превратятся в достоверное знание» [1]. Уголовное судопроизводство требует от информации как средств познания не только истинности, но и достоверности о предмете судебного разбирательства. Достоверность знания получают именно в результате доказывания. «Не только столкновение интересов и точек зрения (в суде), но и сама возможность такого столкновения вызывает потребность в доказывании» [Там же].

Следует отметить, что уголовный процесс, являясь одним из важных и эффективных элементов политической системы, имеет несколько исторических типов, основным отличием которых является соотношение объема процессуальных прав у стороны обвинения и стороны защиты. Так, на примере инквизиционного типа, в котором допускается членовредительство при проведении дознания, едва ли можно утверждать о постоянном соответствии объективной истине сведений, полученных в ходе такого дознания.

Согласно доктрине, существующей в настоящее время в России, уголовно-процессуальный закон провозглашает равноправие обвинения и защиты в суде (ст. 15 УПК РФ). При этом следует отметить, что в досудебных стадиях вплоть до окончания предварительного расследования сторона обвинения представляет защите добытые доказательства лишь в том объеме, в котором посчитает необходимым, а в некоторых случаях закон напрямую запрещает в данной стадии уголовного процесса сообщать сведения, добытые правоохранительными органами (ст. 310 УК РФ).

В связи с тем, что «полноправной» сторона защиты становится только в стадии судебного разбирательства, особое значение имеют процессуальные действия, проводимые в суде.

Одним из судебных действий, направленных на проверку и получение новых доказательств, является проверка показаний в суде. Данное процессуальное действие, несмотря на отсутствие нормативной регламентации, эффективно применяется в судебной практике (см. прим. 2). Отсутствие правового регулирования данного судебного действия

делает похожей проверку показаний в суде с проверкой показаний в стадии предварительного расследования, которая лишь через несколько десятилетий научных дискуссий нашла отражение в УПК России 2001 года (ст. 194 УПК РФ). В настоящее время ученые-процессуалисты, исследуя вопрос необходимости самостоятельной процессуальной регламентации, приходят к выводу о самобытности данного судебного действия. Так, по мнению Н.Е. Мерецкого, уникальность проверки и уточнения показаний в суде состоит в особом характере комплексного исследования обстановки и обстоятельств преступления, а также в том, что, являясь формой реализации прав и интересов участников процесса, данный способ установления объективной истины, всегда обладает свойством допустимости [4].

Мы также разделяем мнение о том, что в стадии судебного разбирательства проверка показаний на месте имеет особенности, которые свидетельствуют о своеобразии и самостоятельности данного судебного действия.

Проверка показаний в суде имеет особое значение как способ уголовно-процессуального познания (установления истины), поскольку позволяет соотнести информацию субъективного характера (показания конкретного участника дела) с объективной реальностью (внешняя обстановка происшествия). Характер проверяемых информационных потоков позволяет максимально приблизиться к объективной истине. Данное утверждение в равной степени относится как к ложным показаниям, так и правдивым показаниям.

Как известно, правда, являясь категорией экзистенциальной, не гарантирует её соответствие истине. Не всегда показания, данные участником процесса добровольно и искренне, отвечают требованию объективности. На субъективное искажение восприятия, запоминания и воспроизведения информации влияет множество факторов. Так, в стадии восприятия человек осознает, уясняет и осмысливает информацию через процессы ощущения и воображения. Понимание характера происходящих событий позволяет полнее воспринять информацию. Скорость и глубина восприятия происходящего напрямую зависят от уровня осознания и осмысленности восприятия, которое, в свою очередь, зависит от интеллектуальных способностей лица, чьи показания проверяются. Чем выше у этого лица способность к анализу, тем более точным и полным будет его восприятие. Зависимость восприятия от опыта, знаний, интересов и установок личности называется апперцепцией. Как отмечает М.И. Еникеев, "в зависимости от прошлого опыта, знаний, профессиональной направленности человек избирательно воспринимает различные их стороны" [2].

Полнота восприятия напрямую зависит от интереса и внимания к воспринимаемой информации, полученной в ходе проверки показаний на месте. Интерес и целенаправленность внимания, в свою очередь, зависят от потребностей лица, в том числе, профессиональных и досуговых, а также и от наличия у этого лица специальных знаний, умений и навыков. Например, художнику-портретисту профессиональные навыки и знания позволяют быстро детализировать внешность человека и, как следствие, полнее их запомнить, а затем и воспроизвести при составлении портрета субъекта, совершившего преступление.

Одним из факторов, нарушающих познавательные процессы при формировании показаний, являются эмоции. Негативные эмоции являются естественной реакцией человека, призванной мобилизовать организм для его же сохранения, но при этом эмоции тормозят процессы восприятия, ощущений, памяти, мышления и воли. Так, на объективность восприятия происходящего влияет физическая боль. Судебная практика показывает, что боль в совокупности с негативными эмоциями, такими как страх и испуг, может значительно исказить реальную информацию, воспринимаемую во время преступления (см. прим. 3).

Другой причиной деформации восприятия и запоминания является опьянение участника процесса, чьи показания проверяются. Наркотическое и алкогольное воздействие ухудшает внимание, память, снижает остроту зрения, слуха, осязания, влияет на восприятие цвета и температуры, понижает возможность пространственной и временной оценки,

сдерживает мыслительно-познавательные процессы, искажает восприятие последовательности событий и правильность понимания ситуации.

На полноту восприятия влияют различные пороки рецепторов воспринимающего. Недостатки слуха, зрения, осязания, обоняния и вкуса могут значительно влиять на правильность воспринимаемой информации.

Все указанные обстоятельства следует учитывать при проведении проверки показаний на месте в суде, в том числе в ситуациях, когда проверяемое лицо, добросовестно заблуждаясь, несмотря на очевидность существования на момент происшествия какого-либо обстоятельства, явления, предмета, продолжает утверждать обратное.

Воспроизведение информации также в значительной степени зависит от психологических особенностей субъекта, показания которого проверяются. Выделяют различные механизмы "воссоздания" информации в памяти. Первое – это воспоминание, для которого необходимо наличие достаточно яркого запечатления в памяти наблюдавшегося ранее явления. Второе – припоминание, которое характеризуется неуверенностью в правильности отражения памяти. Третье – узнавание – механизм, основанный на сравнении с предлагаемым специально объектом, при этом результаты узнавания будут точнее результатов припоминания или воспоминания (см. прим. 4).

Очевидно, что указанные выше особенности подтверждают высокую эффективность проверки показаний на месте события, где внешняя обстановка способствует процессам воспоминания, припоминания и узнавания. Получение более полной и правильной информации связано с тем, что, оказавшись на месте происшествия, у допрашиваемого активизируются не только процессы воспоминания и припоминания, но прежде всего процесс узнавания.

Положительным свойством проверки показаний на месте является и то, что данное судебное действие максимально нейтрализует влияние мотивации на ложность показаний участника процесса. Так, в зависимости от побуждения процессуальной активности субъекта, преследуемых им целей при даче показаний, объективность и полнота данных показаний может сильно отличаться. Например, очевидец, желая оправдать свое бездействие и трусость в момент совершаемого преступления, может явно преувеличить характер и степень опасности этих преступных действий. При проверке же показаний на месте допрашиваемый должен соотнести свои показания с элементами реальной обстановки, что существенно ограничивает его возможность осознанного искажения воспроизводимой информации.

В некоторых случаях показания допрашиваемого лица искажаются неосознанно. В психологии данное свойство психики определяется как конфабуляция. При конфабуляции лицо дает ложные показания, измененные не в силу сознательного мотивационного искажения, а потому что допрашиваемый искренне полагает, что излагаемая им информация истинна. Механизм изменений воспоминаний в результате конфабуляции многофакторный, сложный и его исследование и изучение находятся за рамками настоящей статьи. Однако следует учитывать данное свойство психики при проведении судебных и следственных действий, в том числе при производстве проверки показаний на месте.

Эмоции влияют на полноту формирования показаний не только на стадии восприятия и запоминания, но и на стадии воспроизведения. Так, проверка показаний на месте в стадии судебного разбирательства отличается особой обязательной формой, поскольку она проводится в ходе судебного заседания, требующей обязательного участия всех участников процесса, а не только того лица, чьи показания проверяются. В состав лиц, участвующих в суде, входят подсудимый, его защитник, потерпевший, его представитель, свидетель, секретарь судебного заседания и другие субъекты процесса. При этом следует учитывать, что в уголовном деле могут быть несколько потерпевших, подсудимых, защитников, свидетелей. Кроме того, присутствовать по разрешению судьи при проверке показаний на

месте в судебном заседании вправе любой желающий в случае рассмотрения уголовного дела в открытом судебном заседании. В такой ситуации у допрашиваемого усиливается осознание важности и значимости его показаний и неизбежно, как и у любого человека, повышаются волнение и напряжение. Кроме того, привычный эмоциональный фон субъекта изменяется и в связи с воспроизводимыми воспоминаниями, поскольку, вспоминая, припоминая и узнавая, допрашиваемое лицо не может не испытывать, хотя бы и частично, те негативные эмоции, которые сопровождали его при совершении преступления. Нежелание испытывать повторные негативные эмоции может препятствовать, а в некоторых случаях полностью блокировать получение в суде объективных и полных показаний.

Необходимо отметить, что на правильность оценки судьей при построении целостной картины произошедшего события влияют психологические факторы, воздействующие не только на допрашиваемого, но и на самого судью. Судья подвержен тем же психологическим процессам, что и всякий иной человек. Однако существует ряд специфических условий и обстоятельств, которые оказывают дополнительное влияние на восприятие информации судьей в судебном заседании.

Так, при воспроизведении и при восприятии важное значение имеет смысловое значение слов и предложений, через которые допрашиваемый сообщает информацию. Чрезвычайно важно, чтобы допрашиваемое лицо и иные участники процесса, участвующие в судебном действии, одинаково понимали смысл слов, используемых допрашиваемым. Практика показывает, что одной из распространенных ошибок подобного рода является эквивокация, заключающаяся в использовании одного и того же слова в разных значениях в одном рассуждении. Её причиной может быть как сознательное допущение допрашиваемым ошибки в качестве логической уловки с целью исказить смысл сказанного им с минимальными процессуальными потерями за ложные показания, так и непонимание иными участниками процесса смысла сказанного в силу недостаточной осведомленности о содержании и значении использованных слов и оборотов. Такими примерами могут служить: использование жаргонных выражений, созвучных со словами, имеющими общий оборот, но несущие в себе иной смысл; использование специальных терминов при допросе экспертов и специалистов, либо, напротив, использование термина неспециалистом, но вкладывающим в слово свой, неправильный смысл; использование географического и игрового сленга и др. Данную особенность следует учитывать как при допросе, так и при проверке показаний на месте.

Эквивокация в стадии судебного следствия имеет особое значение, поскольку показания допрашиваемого воспроизводятся в присутствии множества участников, установленных уголовно-процессуальным законом, и при производстве судебных действий необходимо стремиться к единому смысловому пониманию всеми участвующими. Из изложенного следует, что, как при допросе лица в суде, так и при проверке судом показаний на месте, важное тактическое значение имеет уточнение смысла высказывания допрашиваемого, при этом стороны и суд не вправе своими уточняющими вопросами подталкивать его к требуемому ответу.

Необходимо отметить, что для устранения смысловой неразберихи между проверяемыми показаниями и предметами объективной реальности при проведении проверки показаний на месте в суде может быть привлечен к участию специалист.

Приведенные нами особенности проверки показаний на месте в судебном заседании подтверждают то, что данное судебное действие обладает исключительными возможностями проверки уже имеющихся показаний, а также получения новых доказательств. Одновременно с этим при подготовке и проведении проверки показаний на месте следует учитывать субъективные особенности участников действия, которые в сильной степени влияют на объективность информации, полученной в результате судебного действия. Являясь одним из специальных способов процессуального познания, проверка показаний на

месте в судебном разбирательстве позволяет получить новые достоверные сведения, максимально приближенные к объективно истинным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, В. Я. Дорохов [и др.] / под ред. Н. В. Жогина [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.
2. Еникеев, М. И. Общая и социальная психология / М. И. Еникеев. – М.: Проспект, 2010. – 448 с.
3. Кобликова, А. С. Уголовный процесс: учеб. для вузов / А. С. Кобликова. — М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1999. – 384 с.
4. Мерецкий, Н. Е. Особенности проверки и уточнения показаний на месте в судебном следствии // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной и экономической направленности: сб. матер. 52 криминалистических чтений: в 2 ч. – М.: Академия управления МВД России, 2011. – Ч.1. – С. 288-292.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Институт философии Российской Академии Наук. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2352.html>.
2. Уголовное дело № 2-09\11: Приговор Хабаровского краевого суда от 05.04.2011 по обвинению В. В. Басова // Архив Хабаровского краевого суда. – 2011.
3. Уголовное дело № 1-1412\08: Приговор Центрального районного суда г.Комсомольска-на-Амуре по обвинению В. В. Новикова от 30.12.2008 // Архив Центрального районного суда г.Комсомольска-на-Амуре. – 2008.
4. Большая медицинская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bigmeden.ru/article/Память>.

Третьякова С. Н.
S. N. Tretyakova

ВЛИЯНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ НА ДЕНЕЖНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

GEORGAPHICAL DISPROPORSIONS IN THE BANKING SYSTEM AND THE CASH CAPACITY OF RUSSIA'S REGIONS

Третьякова Светлана Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (Россия, Хабаровск). E-mail: kir-tret@mail.ru

Tretyakova Svetlana N. – PhD. Economics, assistant professor of finance and credit of the Far-Eastern Institute of Management – Branch «Russian Academy of National Economy and Public Service by the President of the Russian Federation» (Russia, Khabarovsk). E-mail: kir-tret@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы оценки финансового потенциала региона на основе денежного подхода, проведен критический анализ существующих подходов к оценке денежного потенциала региона и предложен авторский подход. В статье сформулирован вывод о приоритетном значении анализа объемов кредитования для оценки денежной массы и денежного потенциала региона. Проведен анализ основных показателей российской банковской системы в разрезе федеральных округов. Выявлены диспропорции в концентрации активов, объемах привлеченных ресурсов и выданных кредитов, обеспеченности собственной ресурсной базой и обеспеченности банковскими услугами. Показана значимость государственных банков в российской банковской системе. Сформулирован вывод о более низком уровне денежного потенциала российских регионов по сравнению с ЦФО и предложены рекомендации, основанные на поддержке региональных банков.

Summary. The paper considers the issue of estimating the financial capacity of a region from the perspective of the monetary approach; a review and analysis are provided of the existing approaches to the cash capacity valuation of a region, and the author's own approach is suggested. The paper concludes that the analysis of lending volumes in order to assess the money supply and cash potential of a region is of the first priority if compared to other methods. I analyze the key indicators of Russia's banking sector by federal district. I reveal and identify existing disparities in the concentration of assets, in the volume of attracted resources and loans, in the availability of the local resource base and of banking services. I specify the role of government-owned banks in the Russian banking system. I make a conclusion that currently we observe a noticeably lower level of cash capacity in Russia's regions in comparison with the Central Federal District, and suggest certain recommendations involving provision of support to regional banks.

Ключевые слова: финансовый потенциал региона, денежный потенциал региона, коммерческий банк, денежная масса, кредитный канал денежной эмиссии, диспропорции банковской системы.

Key words: financial potential of a region, monetary potential of a region, commercial bank, money supply, credit channel of currency issue, banking system imbalance.

УДК 332.14:336.71:336.74

В настоящее время возрастает роль региональных аспектов развития экономики России. Актуальными становятся вопросы оценки финансового потенциала региона. Именно эта экономическая категория позволяет количественно и качественно оценить наличие и использование финансовых ресурсов, которыми регион располагает и которые может аккумулировать в будущем.

Вместе с тем в настоящее время единства в подходах к определению сущности и состава финансового потенциала региона не существует. В экономическом словаре «потенциал» – это «источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть приведены в действие, использованы для решения определенной цели, возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [4]. Часто, при исследовании финансового потенциала, экономисты опираются на структурный подход и рассматривают финансовый потенциал региона через его составные части: бюджетный, налоговый, фондовый, кредитный и т.д.

Следует отметить, что все финансовые отношения являются денежными, а следовательно, все структурные элементы финансового потенциала и сама его сущность в качестве базовой основы имеют денежные отношения. Подход к рассмотрению финансового потенциала именно через призму денежных отношений позволяет решить одну из методологических проблем, а именно количественное определение потенциала конкретного региона. Если опираться на структурный подход в расчетах, то велика вероятность двойного счета при попытке сложить составные части. Так, например, налоговый потенциал является частью бюджетного, а свободные финансовые ресурсы предприятий на расчетных счетах в банках одновременно выступают в качестве кредитного и инвестиционного потенциала.

Денежный подход к исследованию финансового потенциала региона позволяет сформулировать и использовать термин «денежный потенциал». Представляется интересным, хотя и не бесспорным, взгляд на содержание и структуру денежного потенциала региона авторов коллективной монографии «Формирование денежного потенциала региона» [1]. Они вывели формулу для расчета, схематично представленную нами на рис. 1.

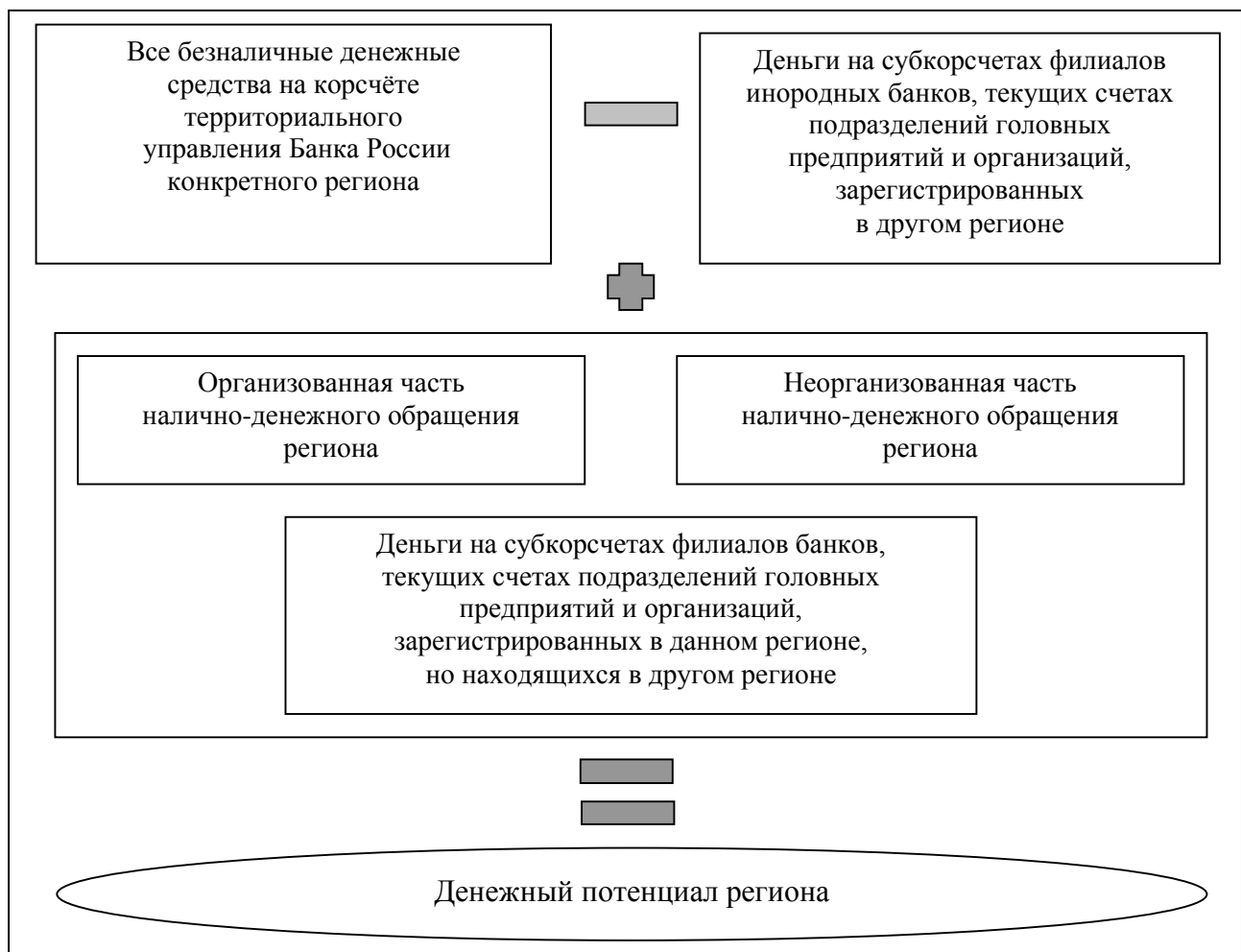

Рис. 1. Схема расчета денежного потенциала региона
(авторы П. Г. Бойчук, О. А. Гришанова, Ю. В. Рожков, И. П. Чёрная)

На наш взгляд, имеется ряд недостатков описанного подхода к расчету денежного потенциала. Во-первых, деньги, находящиеся на счетах предприятий и организаций, учитываются дважды, так как поступления на расчетный счет предприятия в банке одновременно отразятся и по корсчету этого банка. Во-вторых, что, на наш взгляд, наиболее важно, в результате этого расчета мы увидим уже реализованный потенциал как некий «запас». При этом нет оценки потенциала как «возможности».

Несмотря на выявленные недостатки, мы разделяем сам подход авторов монографии к оценке денежного потенциала региона посредством анализа денежных потоков через региональную банковскую систему и анализа денежной массы региона. Мы считаем, что для выявления денежного потенциала как «возможности» необходимо проанализировать ключевые факторы, определяющие рост денежной массы в регионе.

В этой связи нужно учесть, что банковская система предоставляет свои услуги и продукты в ответ на потребности хозяйствующих субъектов и населения. В этом случае спрос определяет предложение. Рост экономики сопровождается и ростом потребностей в дополнительных финансовых ресурсах. Поэтому объемы кредитования являются интегрированной количественной оценкой состояний экономики региона. При этом именно банковское кредитование обуславливает прирост денежной массы. Кредитный канал эмиссии является основным.

В этой связи представляется целесообразным проанализировать не только динамику денежной массы в разрезе регионов, но и динамику выданных кредитов как фактора, определяющего прирост денежной массы, и таким образом денежный потенциал региона.

Российская банковская система характеризуется высоким уровнем концентрации банков (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура и динамика распределения кредитных организаций по федеральным округам, ед.

Наименование региона	01.01.2008	01.01.2009	01.01.2010	01.01.2011	01.01.2012	01.01.2013
Всего по РФ:	1136	1108	1058	1012	978	956
<i>удельный вес, %</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
Центральный ФО	632	621	598	585	572	564
<i>удельный вес, %</i>	<i>55,6</i>	<i>56,0</i>	<i>56,5</i>	<i>57,8</i>	<i>58,5</i>	<i>59,0</i>
Северо-Западный ФО	81	79	75	71	69	70
<i>удельный вес, %</i>	<i>7,1</i>	<i>7,1</i>	<i>7,1</i>	<i>7,0</i>	<i>7,1</i>	<i>7,3</i>
Южный ФО	118	115	113	47	45	46
<i>удельный вес, %</i>	<i>10,4</i>	<i>10,4</i>	<i>10,7</i>	<i>4,6</i>	<i>4,6</i>	<i>4,8</i>
Северо-Кавказский ФО	-	-	-	57	56	50
<i>удельный вес, %</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>5,6</i>	<i>5,7</i>	<i>5,2</i>
Приволжский ФО	134	131	125	118	111	106
<i>удельный вес, %</i>	<i>11,8</i>	<i>11,8</i>	<i>11,8</i>	<i>11,7</i>	<i>11,3</i>	<i>11,1</i>
Уральский ФО	63	58	54	51	45	44
<i>удельный вес, %</i>	<i>5,5</i>	<i>5,2</i>	<i>5,1</i>	<i>5,0</i>	<i>4,6</i>	<i>4,6</i>
Сибирский ФО	68	68	62	56	54	53
<i>удельный вес, %</i>	<i>6,0</i>	<i>6,1</i>	<i>5,9</i>	<i>5,5</i>	<i>5,5</i>	<i>5,5</i>
Дальневосточный ФО	40	36	31	27	26	23
<i>удельный вес, %</i>	<i>3,5</i>	<i>3,2</i>	<i>2,9</i>	<i>2,7</i>	<i>2,7</i>	<i>2,4</i>
в том числе Хабаровский край	5	5	4	4	4	3
<i>удельный вес, %</i>	<i>0,4</i>	<i>0,5</i>	<i>0,4</i>	<i>0,4</i>	<i>0,4</i>	<i>0,3</i>
<i>Источник:</i> Рассчитано автором по данным Банка России: http://www.cbr.ru						

На 01.01.2013 в Центральном федеральном округе было сосредоточено 59 % действующих кредитных организаций. Наименьший удельный вес (2,4 %) приходится на Дальневосточный федеральный округ. При этом в Хабаровском крае действуют только 3 региональные кредитные организации.

Процесс концентрации усиливается. За период с 01.01.2008 г. доля банков, зарегистрированных в Центральном федеральном округе, увеличилась при снижении удельного веса банков остальных федеральных округов.

Анализ данных, представленных в табл. 2, показывает, что в Центральном федеральном округе на 59 % банков приходится 89,1 % всех банковских активов. Наименьшая концентрация активов наблюдается в Южном федеральном округе (0,5 %), Северо-Кавказском федеральном округе (0,2 %) и Дальневосточном федеральном округе (1,1 %).

Таблица 2

Концентрация активов действующих кредитных организаций
в территориальном разрезе, млн р.

Наименование региона	01.01.2008	01.01.2009	01.01.2010	01.01.2011	01.01.2012	01.01.2013
Всего по РФ:	20241056	28022329	29430025	33804628	41627520	49509647
<i>удельный вес, %</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
Центральный ФО	17392372	24606920	25486899	29403771	36924020	44116172
<i>удельный вес, %</i>	<i>85,9</i>	<i>87,8</i>	<i>86,6</i>	<i>87,0</i>	<i>88,7</i>	<i>89,1</i>
Северо-Западный ФО	875220	1144170	1232291	1389059	1241163	1388091
<i>удельный вес, %</i>	<i>4,3</i>	<i>4,1</i>	<i>4,2</i>	<i>4,1</i>	<i>3,0</i>	<i>2,8</i>
Южный ФО	183519	209490	229347	174009	206873	247463
<i>удельный вес, %</i>	<i>0,9</i>	<i>0,7</i>	<i>0,8</i>	<i>0,5</i>	<i>0,5</i>	<i>0,5</i>
Северо-Кавказский ФО	-	-	-	55747	73360	81374
<i>удельный вес, %</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>0,2</i>	<i>0,2</i>	<i>0,2</i>
Приволжский ФО	740324	912794	991454	1116904	1303145	1453876
<i>удельный вес, %</i>	<i>3,7</i>	<i>3,3</i>	<i>3,4</i>	<i>3,3</i>	<i>3,1</i>	<i>2,9</i>
Уральский ФО	544396	590220	657184	759933	879119	1065291
<i>удельный вес, %</i>	<i>2,7</i>	<i>2,1</i>	<i>2,2</i>	<i>2,2</i>	<i>2,1</i>	<i>2,2</i>
Сибирский ФО	339617	393929	621278	596354	602356	636801
<i>удельный вес, %</i>	<i>1,7</i>	<i>1,4</i>	<i>2,1</i>	<i>1,8</i>	<i>1,4</i>	<i>1,3</i>
Дальневосточный ФО	165608	164806	211572	308851	397484	520580
<i>удельный вес, %</i>	<i>0,8</i>	<i>0,6</i>	<i>0,7</i>	<i>0,9</i>	<i>1,0</i>	<i>1,1</i>

Источник: Рассчитано автором по данным Банка России: <http://www.cbr.ru>

В какой степени регионы обеспечены собственной ресурсной базой для осуществления кредитования организаций и населения можно оценить по данным табл. 3 и 4.

Только по Центральному федеральному округу (ЦФО) наблюдается превышение привлеченных средств над кредитными вложениями. Это превышение наблюдается как на 01.01.2011, так и на 01.01.2013.

В Южном и Сибирском федеральных округах объем кредитных вложений существенно превышает объем привлеченных средств от юридических и физических лиц. Именно в этих регионах агрессивную кредитную политику проводят банки других регионов (прежде всего ЦФО). По Дальневосточному федеральному округу превышение кредитов над привлеченными ресурсами составляло на 01.01.2011 42,2 % и на 01.01.2013 г. снизилось до 32 %.

Таблица 3

Обеспеченность собственной ресурсной базой федеральных округов
на 01.01.2011 г., млн р.

Наименование региона	Привлеченные средства юридических и физических лиц		Кредиты юридическим и физическим лицам		Привлеченные средства – Кредиты	
	млн р.	%	млн р.	%	млн р.	%
Всего по РФ:	21289247	100,0	24711621	100,0	-3422374	16,1
Центральный ФО	13398234	62,9	12015552	48,6	1382682	10,4
Северо-Западный ФО	1975897	9,3	2524606	10,2	-548709	27,8
Южный ФО	764037	3,6	1532974	6,2	-768937	100,7
Северо-Кавказский ФО	222561	1,0	317869	1,3	-95308	42,9
Приволжский ФО	2125407	10,0	3472369	14,1	-1346962	63,4
Уральский ФО	1189328	5,6	1934193	7,8	-744865	62,7
Сибирский ФО	1054245	5,0	2118829	8,6	-1064584	101
Дальневосточный ФО	559538	2,6	795229	3,2	-235691	42,2

Источник: Рассчитано автором по данным Банка России: <http://www.cbr.ru>

Таблица 4

Обеспеченность собственной ресурсной базой федеральных округов
на 01.01.2013 г., млн р.

Наименование региона	Привлеченные средства юридических и физических лиц		Кредиты юридическим и физическим лицам		Привлеченные средства – Кредиты	
	млн р.	%	млн р.	%	млн р.	%
Всего по РФ:	30507842	100	37481467	100	-6973625	-18,6
Центральный ФО	19586770	64,2	18996224	50,7	590546	3,1
Северо-Западный ФО	2677093	8,8	4081680	10,9	-1404587	-34,4
Южный ФО	1100830	3,6	2203086	5,9	-1102256	-50,0
Северо-Кавказский ФО	327167	1,1	440814	1,2	-113647	-25,8
Приволжский ФО	2896788	9,5	4668136	12,5	-1771348	-37,9
Уральский ФО	1630820	5,3	2755744	7,4	-1124924	-40,8
Сибирский ФО	1496408	4,9	3169130	8,5	-1672722	-52,8
Дальневосточный ФО	791966	2,6	1166653	3,1	-374687	-32,1

Источник: Рассчитано автором по данным Банка России: <http://www.cbr.ru>

С точки зрения оценки денежного потенциала региона, характеризующегося существенным превышением кредитов над привлеченными ресурсами, можно сформулировать ряд выводов. Во-первых, такой регион (в том числе ДФО) является привлекательным для банковского кредитования и у него есть потребности для привлечения дополнительных финансовых ресурсов. Во-вторых, денежные средства через систему внутрикorporативных каналов «уходят» в банки ЦФО. Значит, региональные банки кредитуют организации, головные структуры которых располагаются в других регионах (ЦФО), а полученная прибыль этих хозяйствующих субъектов не является денежным потенциалом региона, а расширяет возможности ЦФО.

Банк России рассчитывает показатель обеспеченности каждого региона банковскими услугами. Этот показатель учитывает соотношение между основными совокупными показателями деятельности кредитных организаций в экономическом районе (число кредитных ор-

ганизаций, объем активов, кредитов реальному сектору экономики, депозитов физических лиц) и социально-экономическими показателями региона (объем регионального продукта, численность населения и доходы на душу населения). Данные, характеризующие обеспеченность регионов банковскими услугами на 01.01.2011 и 01.01.2012 гг., представлены в табл. 5.

Таблица 5

Обеспеченность регионов России банковскими услугами

Наименование региона	Институциональная насыщенность (по численности населения)		Финансовая насыщенность (по объему кредитов)		Индекс развития сберегательного дела (вклады на душу населения к доходам)		Совокупный индекс	
	01.01.11	01.01.12	01.01.11	01.01.12	01.01.11	01.01.12	01.01.11	01.01.12
Всего по РФ:	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Центральный ФО	1,11	0,9	1,29	1,05	0,44	0,78	1,41	0,9
Северо-Западный ФО	1,2	1,18	1,05	1,1	1,11	1,11	1,0	1,13
Южный ФО	0,66	1,08	1,0	1,09	0,42	0,72	0,61	0,95
Северо-Кавказский ФО	0,58	0,53	0,66	0,71	0,37	0,32	0,48	0,5
Приволжский ФО	0,88	0,94	0,95	0,9	0,76	0,77	0,78	0,87
Уральский ФО	0,99	1,04	0,61	0,6	0,75	0,79	0,64	0,79
Сибирский ФО	0,95	0,96	0,86	0,86	0,67	0,69	0,7	0,83
Дальневосточный ФО	1,09	1,11	0,57	0,57	0,77	0,79	0,65	0,8

Источник: Рассчитано автором по данным Банка России: <http://www.cbr.ru>

К наименее обеспеченным банковскими услугами регионам относятся Северо-Кавказский, Южный, Уральский и Дальневосточный федеральные округа.

Таким образом, анализ показывает неоднородность российской банковской системы. Существенные отличия наблюдаются между банками Центрального федерального округа, где сосредоточены наиболее крупные кредитные организации (в том числе с государственным участием), и банками других регионов России.

Многие экономисты считают, что в России назрела необходимость реформирования структуры банковской системы. Опыт зарубежных стран показывает эффективность и целесообразность построения многоуровневой системы. Отечественные аналитики также считают, что по сути уже сформировались несколько банковских кластеров. Так, в отчетах Банка России «О развитии банковского сектора и банковского надзора» выделено шесть кластеров, в разрезе которых проанализирована структура активов (см. табл. 6).

Аналитики Банка России отмечают, что позиции банков, контролируемых государством, укрепляются по сравнению с остальными кластерами, их доля в активах на 01.01.11 составила 45,8 %, а на 01.01.13 – 50,4 %.

Региональные банки, напротив, теряют свои позиции, их доля снизилась с 2,7 % на 01.01.2011 г. до 2,4 % на 01.01.2013 г. За два года отозваны лицензии у 31 регионального банка. Это обуславливает снижение денежного потенциала российских регионов.

Структура банковских активов по кластерам

Группа кредитных организаций	Количество, ед.			Доля в совокупных банковских активах, %		
	01.01.11	01.01.12	01.01.13	01.01.11	01.01.12	01.01.13
Банки, контролируемые государством	27	26	25	45,8	50,2	50,4
Банки, контролируемые иностранным капиталом	108	108	112	18	16,9	17,8
Крупные частные банки	131	132	128	30,5	27,5	26,6
Средние и малые банки московского региона	317	301	291	2,6	2,5	2,4
Региональные средние и малые банки	372	355	341	2,7	2,5	2,4
Небанковские кредитные организации	57	56	59	0,4	0,4	0,3
Всего	1012	978	956	100	100	100

Источник: Рассчитано автором по данным Банка России: <http://www.cbr.ru>

Директор Центра экономических исследований МФПА, Ответственный секретарь Комиссии РСПП по банкам и банковской деятельности С. Р. Моисеев выделяет три группы кредитных организаций: Госбанки (55 % активов), дочерние иностранные банки (18 %) и частные банки (27 %) [3]. К Госбанкам он относит Сбербанк; группы Россельхозбанка, ВТБ, Газпрома, Москвы, Субъектов Федерации, Внешэкономбанка, Роснефти, банки АСВ. Эта ситуация также свидетельствует о недостаточном денежном потенциале регионов.

Конкурентные преимущества крупных, «государственных» банков целесообразно уравновесить и более высокими требованиями к организации их деятельности. В зарубежной практике, в том числе в рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору, в отношении различных групп кредитных организаций применяются разные методы регулирования и разные нормы требований. При этом к крупным, системообразующим банкам предъявляются более жесткие требования по обеспечению достаточности капитала, ликвидности и качеству риск-менеджмента.

Таким образом, решение проблемы роста финансового и денежного потенциала российского региона напрямую связано с развитием региональных банковских систем. Поддержка как со стороны органов государственной власти на федеральном и региональном уровне, так и со стороны Банка России именно региональных кредитных организаций в настоящее время необходима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойчук, П. Г. Формирование денежного потенциала региона / П. Г. Бойчук, О. А. Гришанова, Ю. В. Рожков [и др.]; под ред. И. П. Чёрной. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2008. – 180 с.
2. Материалы официального сайта Банка России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru>
3. Моисеев, С. Р. Реформа банковского сектора и операций кредитора последней инстанции [Электронный ресурс] / С. Р. Моисеев. – Официальный сайт экспертных групп по обновлению «Стратегии 2020». – Режим доступа: <http://www.strategy2020.rian.ru/load/366071440>
4. Российский энциклопедический словарь. – М.: Проспект, 2009. – 1358 с.

Яковлева Т. А.
T. A. Yakovleva

ПРОГНОЗНЫЙ БАЛАНС ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ НА ПРИМЕРЕ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

LABOUR MARKET DEMAND/OFFER FORECAST FOR ENGINEERING AND TECHNICAL PERSONNEL HAVING UNIVERSITY DEGREES, EXEMPLIFIED BY THE CITY OF KOMSOMOLSK-ON-AMUR

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, профессор кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Ms. Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economics, Professor, Department of Economic Theory, Komsomolsk-on-Amur Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме сбалансированности спроса и предложения на рынке труда. Автором с использованием некоторых допущений рассчитан прогнозный баланс инженерно-технических кадров с высшим образованием на примере города Комсомольск-на-Амуре.

Summary. The paper examines the issue of demand - offer balance on the labour market. The author offers, with certain assumptions, a balanced demand/offer forecast of engineering and technical personnel having university degrees, as exemplified by Komsomolsk-on-Amur.

Ключевые слова: баланс рабочей силы, перспективная потребность в инженерно-технических кадрах, прогнозирование кадрового обеспечения социально-экономического развития.

Key words: manpower balance, long-term demand for engineering and technical personnel, staffing forecast for social economic development.

УДК 331.5.024.52

Современная система профессионального образования призвана удовлетворять потребности, с одной стороны, личности в получении желаемых знаний, умений и навыков, а с другой стороны, – экономики в квалифицированных кадрах, обладающих необходимыми компетенциями. Сложившаяся структура российской системы высшего профессионального образования не в полной мере соответствует потребностям рынка труда из-за наличия структурного и уровневого дисбаланса в подготовке кадров. Одна из причин такой ситуации – низкая эффективность взаимодействия системы профессионального образования и потенциальных работодателей. Проблема повышения эффективности сотрудничества является предметом пристального внимания уже не одно десятилетие не только со стороны названных субъектов, но и со стороны научного сообщества и органов управления различного уровня.

Решение вопроса эффективного кадрового обеспечения осложняется тем, что подготовка специалиста длится в среднем пять лет. Следовательно, сформировать заказ в количественном и профессионально-квалификационном разрезе субъектам реального сектора экономики необходимо минимум за пять лет до возникновения предполагаемой потребности. В условиях неопределенности, свойственной рыночной экономике вообще, а тем более в нынешней экономической ситуации, сделать это сложно, а с высокой степенью точности – практически невозможно.

Государственный статус данной проблемы был подтвержден в поручении Президента РФ в адрес Правительства РФ [1], которое в свою очередь поручило Минобрнауки России, Минздравсоцразвития России, Минэкономразвития России и Российскому союзу промышленников и предпринимателей подготовить количественные оценки прогнозных потребностей экономики в выпускниках системы профессионального образования с учетом реальных запросов рынка труда и перспектив развития экономики, а также предложения по формированию заданий по подготовке специалистов.

Одним из исполнителей объявленного проекта является Центр бюджетного мониторинга (ЦБМ) Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), перед коллективом которого были поставлены и выполнены две основные задачи:

1) создание единой экспертно-аналитической системы прогнозирования оптимального выпуска учреждений профессионального образования и формирования контрольных цифр приема;

2) создание условий для прогнозирования оптимального выпуска учреждений профессионального образования и формирования контрольных цифр приема в Российской Федерации и в каждом из 83 субъектов РФ представителями федеральных и региональных органов управления образованием [2].

На базе разработанной методики прогнозирования авторским коллективом был сформирован научно обоснованный прогноз потребностей в специалистах на период до 2015 года (по объему и направлениям их подготовки) с учетом реальных запросов рынка труда и перспектив развития экономики на период до 2015 года. Разработанные значения прогнозной потребности экономики в кадрах, согласованные с Минэкономразвития России (письмо № 19300-АП/Д04 от 10 декабря 2007 года), Минздравсоцразвития России (письмо № 9379-ВС от 19 декабря 2007 года), Российским союзом промышленников и предпринимателей (письмо № 48/16-р от 25 декабря 2007 года) и органами исполнительной власти субъектов Федерации, были использованы Минобрнауки России при формировании контрольных цифр приема для всех уровней системы профессионального образования на 2008, 2009 и 2010 годы (решения Коллегии от 25 декабря 2007 года, от 24 декабря 2008 года, от 23 декабря 2009 года) [3].

Большой вклад в решение проблемы внесла также группа компаний IBS, которая по заказу Минобрнауки РФ выполнила проект «Апробация и ввод в эксплуатацию экспертно-аналитической системы прогнозирования потребностей в профессиональном кадровом обеспечении социально-экономического развития Российской Федерации в целях проведения экспертизы формирования контрольных цифр приема в учреждения профессионального образования Российской Федерации». Система прошла апробацию в процессе формирования контрольных цифр приема для 2012-2013 учебного года [4].

Многочисленные публикации о разработках этих коллективов в первую очередь послужили методологической базой для построения прогнозного баланса инженерно-технических кадров Комсомольска-на-Амуре. Кроме того, круг проблем и вопросов, касающихся возможного механизма достижения баланса на рынке труда региона, а именно Хабаровского края, неоднократно рассматривались в работах автора [5, 6].

В этом направлении продолжает исследование рабочая группа, созданная для выполнения НИОКР по теме «Разработка модели и технологии прогнозирования структуры и масштабов потребностей различных отраслей экономики региона в специалистах с разным уровнем профессионального образования» в рамках Стратегии ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (КНАГТУ).

Одним из методов, на котором базируется построение прогноза потребности в кадрах, является балансовый метод. Сущность последнего состоит во взаимной увязке потребности в рабочей силе со стороны хозяйствующего субъекта (организации, региона, национального хозяйства) и источников ее обеспечения (собственных – ресурсов самого субъекта, и внешних – ресурсов образовательных учреждений и вторичного рынка труда).

При составлении прогнозного баланса рабочей силы для города Комсомольска-на-Амуре были приняты некоторые допущения.

1. Комсомольск-на-Амуре рассматривается как относительно замкнутая система вследствие относительно незначительных размеров учебной и трудовой миграции, что позволяет выполнять прогнозные оценки на уровне города.

2. Учитывается перспективная потребность в кадрах с высшим профессиональным образованием различного уровня – бакалавриат, специалитет, магистратура.

3. Анализируется баланс перспективной потребности в кадрах и выпуска из университета только по инженерно-техническим направлениям подготовки и специальностям.

4. Предполагается, что удовлетворение перспективной потребности в инженерно-технических кадрах с высшим профессиональным образованием осуществляется за счет выпускников очной формы обучения.

Прогнозный баланс инженерно-технических кадров для города построен путем сопоставления перспективной потребности крупнейших предприятий Комсомольска-на-Амуре и прогноза выпуска ФГБОУ ВПО «КНАГТУ».

Данные о перспективной потребности предприятий города в инженерных кадрах предоставлены *отделом трудовых отношений и оплаты труда* Управления экономического развития Администрации г. Комсомольска-на-Амуре, в котором они аккумулируются согласно Постановлению Главы города Комсомольска-на-Амуре от 05.07.2012 №126 «Об обеспечении квалифицированными кадрами отраслей экономики муниципального образования городского округа «Город Комсомольск-на-Амуре» на 2012-2014 годы». Из 28 укрупненных групп специальностей (УГС) потребность в специалистах со стороны крупнейших предприятий города заявлена по 10 УГС (см. табл. 1).

Таблица 1

Потребность предприятий Комсомольска-на-Амуре, чел.

Наименование специальности по УГС	Код УГС	Потребность, чел.			
		2014	2015	2016	2017
1. Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	140000	14	18	14	14
2. Metallургия, машиностроение и материалобработка	150000	43	59	58	54
3. Авиационная, ракетно-космическая техника	160000	14	36	25	25
4. Морская техника	180000	10	10	10	10
5. Электронная техника, радиотехника, связь	210000	4	18	10	8
6. Автоматика и управление	220000	2	3	2	1
7. Информатика и вычислительная техника	230000	10	13	12	10
8. Химические и биотехнологии	240000	1	6	0	1
9. Строительство и архитектура	270000	22	20	10	10
10. Безопасность жизнедеятельности	280000	12	11	11	9
ВСЕГО:		132	194	152	142

Для составления прогнозного баланса инженерно-технических кадров необходимы данные о величине выпуска ФГБОУ ВПО «КНАГТУ» по указанным УГС на тот же период времени. Прогноз выпуска в 2014-2017 гг. составлен с учетом продолжительности обучения по образовательным программам различного уровня высшего профессионального образования. Так, выпуск бакалавров в году t обеспечивается набором в бакалавриат в году $t-4$, выпуск специалистов – набором в специалитет в году $t-5$, выпуск магистров – набором в магистратуру в году $t-2$. Соответственно, для расчета выпуска в 2014-2017 гг. необходимы дан-

ные о цифрах набора по интересующим УГС за период с 2009 по 2013 гг. Данные о наборе в ФГБОУ ВПО «КНАГТУ» представлены в табл. 2.

Таблица 2

Набор в ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», чел.

Год	Количество абитуриентов	Код УГС									
		140000	150000	160000	180000	210000	220000	230000	240000	270000	280000
2009	всего	53	102	40	76	30	31	39	30	17	10
	бакалавров	40	64	40	30	0	13	8	30	0	10
	специалистов	13	38	0	46	30	18	31	0	17	0
	магистров	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2010	всего	65	97	26	45	20	27	46	22	19	14
	бакалавров	52	71	26	22	0	11	10	22	0	14
	специалистов	13	26	0	23	20	16	36	0	19	0
	магистров	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2011	всего	40	92	26	21	0	17	42	30	14	13
	бакалавров	40	92	0	21	0	17	42	30	14	13
	специалистов	0	0	26	0	0	0	0	0	0	0
	магистров	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2012	всего	46	106	20	35	3	32	69	39	16	17
	бакалавров	38	86	0	29	0	27	49	39	11	17
	специалистов	0	0	20	0	0	0	0	0	0	0
	магистров	8	20	0	6	3	5	20	0	5	0
2013	всего	48	106	21	22	17	34	67	40	26	16
	бакалавров	40	84	0	22	12	29	51	40	16	16
	специалистов	0	0	21	0	0	0	0	0	0	0
	магистров	8	22	0	0	5	5	16	0	10	0

С учетом того, что средний уровень отсева студентов в процессе обучения в университете по инженерно-техническим направлениям и специальностям подготовки составляет примерно 25 %, составлен прогноз выпуска по интересующим УГС без разделения по уровням подготовки (см. табл. 3).

Таблица 3

Прогноз выпуска ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», чел.

Год	Код УГС										Всего
	140000	150000	160000	180000	210000	220000	230000	240000	270000	280000	
2014	55	16	20	20	25	26	46	17	17	11	334
2015	46	16	0	0	19	29	71	23	33	10	336
2016	29	0	20	20	0	21	37	30	9	13	244
2017	30	0	15	15	9	22	39	30	12	12	247

Сравнение выпуска из «КНАГТУ» по дневной форме обучения и перспективной потребности крупнейших предприятий Комсомольска-на-Амуре в специалистах по укрупненным группам технических специальностей показывает, что среднегодовое превышение выпуска по сравнению с потребностью в соответствующем году составляет 1,8 раза (см. рис. 1).

Напомним, что при построении прогнозного баланса был принят ряд допущений, отсутствие которых на практике дает возможность некоторого маневра как для университета, так и для работодателей. Например, в выпуске по таким УГС, как морская техника, автоматика и управление, авиационная, ракетно-космическая техника удельный вес ФГБОУ ВПО

«КНАГТУ» среди вузов Хабаровского края составляет соответственно 88, 77,4 и 73,6 %. Следовательно, к спросу на специалистов по этим направлениям со стороны предприятий города добавится спрос со стороны «загородных» хозяйствующих субъектов.

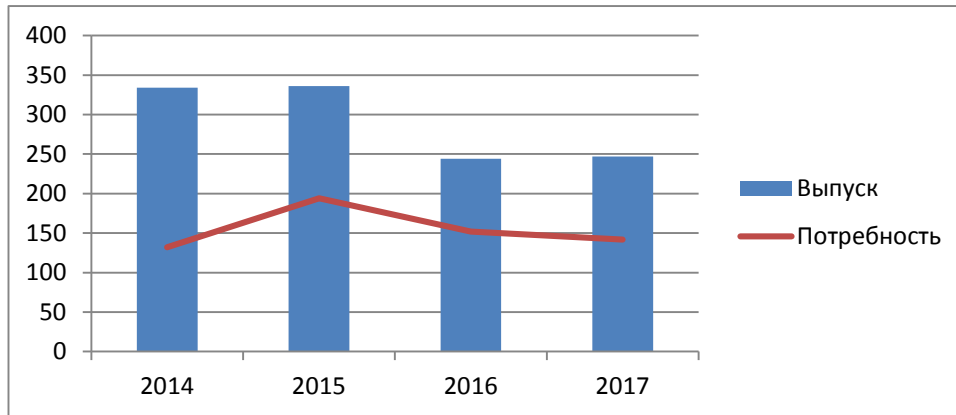

Рис. 1. Динамика выпуска и динамика потребности, чел.

Важной мерой по снижению напряженности в вопросе кадрового обеспечения предприятий и организаций города является расчет реальной перспективной потребности в кадрах, в частности инженерных направлений и специальностей подготовки.

Обоснованный прогноз потребности в кадрах и планирование объемов подготовки на перспективу лежат в основе деятельности по совершенствованию структуры профессиональной подготовки, в том числе на уровне университета. Таким образом, университет не сможет улучшить свою деятельность без тесного взаимодействия с потенциальными работодателями, а они, в свою очередь, не смогут получить нужных по качеству и количеству специалистов.

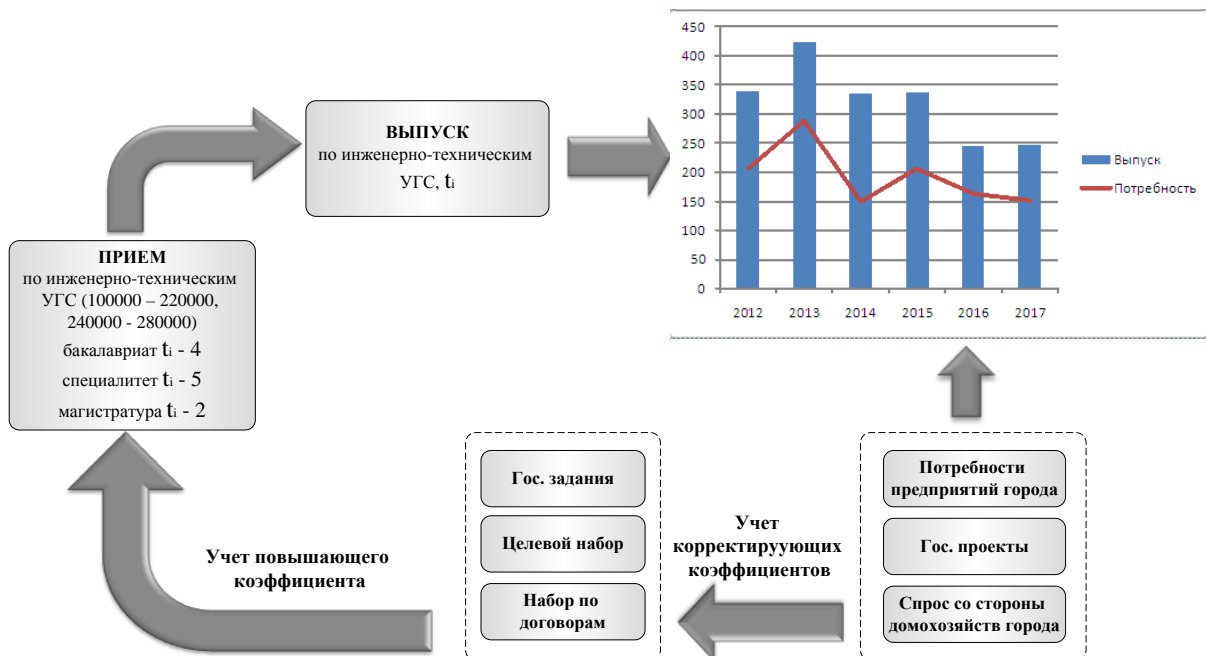

Рис. 2. Схема формирования контрольных цифр приема на основе потребностей экономики

Схема взаимодействия университета и предприятий Комсомольска-на-Амуре с целью формирования обоснованного набора по инженерно-техническим УГС на основе потребности экономики в соответствующих кадрах представлена на рис. 2. При построении дан-

ной схемы за основу была взята идея, предложенная коллективом вышеупомянутого Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета [7].

Субъектами формирования потребности в инженерно-технических кадрах с высшим образованием в Комсомольске-на-Амуре выступают крупные предприятия города, такие как ОАО «Амурский судостроительный завод», филиал ОАО «Компании «Сухой» «КнААЗ им Ю.А. Гагарина», ООО «РН – Комсомольский НПЗ»; государственные учреждения и организации; организации малого среднего бизнеса; исполнители проектов, реализуемых за пределами города; домашние хозяйства. При этом удовлетворение кадровой потребности первых двух групп субъектов может полностью либо частично финансироваться государством и составлять основу контрольных цифр приема в университет. Реализация запросов остальных субъектов осуществляется, как правило, за счет их собственных средств. Конечно, на практике возможно применение различных вариантов смешанного механизма финансирования профессиональной подготовки.

Корректирующие коэффициенты на схеме (см. рис. 2) предполагают учет ситуации на городском и региональном рынках труда, изменение миграционного и пенсионного законодательства, чрезвычайные обстоятельства и т.д. Эти коэффициенты могут иметь как понижающее, так и повышающее значение.

Для того чтобы численность выпуска соответствовала заявленной перспективной потребности, нужно учесть уровень отсева студентов в процессе обучения. С этой целью имеет смысл применять повышающий коэффициент.

Регламент взаимодействия образовательного учреждения и субъектов реального сектора экономики по вопросу достижения количественной сбалансированности спроса и предложения на специалистов инженерного направления подготовки (см. рис. 2) должен быть составлен с участием всех заинтересованных сторон и содержать их пошаговые действия, определенные во времени и пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поручение Президента Российской Федерации от 10 декабря 2005 г. № Пр-2065 (п. 1) в адрес Правительства РФ по разработке прогнозной потребности в специалистах (по объему и направлениям их подготовки) с учетом реальных запросов рынка труда и перспектив развития экономики с предложениями по формированию заданий по подготовке специалистов.
2. Серова, Л. М. Система согласования прогнозных показателей с использованием технологий удаленного доступа / Л. М. Серова, Е. А. Питухин, В. А. Гуртов // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Информационная среда вуза XXI века» (15–18 сентября 2008 г.). – Петрозаводск, 2008. – С. 130–132.
3. Режим свободного доступа: <http://www.labourmarket.ru/Pages/metodika/02.php>
4. Аналитическая система для прогноза потребностей в кадрах. Режим свободного доступа: <http://www.bytemag.ru/articles/detail.php?ID=22930>
5. Куделько, А. Р. Экономико-математическая модель оценки сбалансированности рынка труда региона / А. Р. Куделько, Т. А. Яковлева, М. Г. Некрасова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Планирование подготовки специалистов в условиях уровневого высшего образования» – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – С. 27-29.
6. Система кадрового обеспечения территории в современных экономических условиях: моногр. / А. Р. Куделько, В. П. Котляров, Т. А. Яковлева, М. Г. Некрасова. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 159 с.
7. Гуртов, В. А. Модели в кадрах с профессиональным образованием / В. А. Гуртов, Е. А. Питухин, Л. М. Серова // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 2. – С. 84-97.

Статья подготовлена по результатам НИОКР по теме «Разработка модели и технологии прогнозирования структуры и масштабов потребностей различных отраслей экономики региона в специалистах с разным уровнем профессионального образования», выполняемой в рамках Стратегии ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (КнАГТУ)

Олиферова О. С.
O. S. Oliferova

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС: ДЕТЕРМИНАНТЫ НЕУСТОЙЧИВОСТИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

REGIONAL INDUSTRIAL COMPLEXES: THE DETERMINANTS OF WORLD ORDER INSTABILITY

Олиферова Ольга Сергеевна – старший преподаватель кафедры экономической теории Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: bucja@mail.ru

Ms. Olga S. Oliferova – Senior Lecturer, Department of Economic Theory, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St. E-mail: bucja@mail.ru.

Аннотация. Основной целью научно-исследовательской работы является определение совокупности факторов мегауровня, оказывающих решающее воздействие на развитие регионального промышленного комплекса, а также выявление среди них тех, которые данному развитию препятствуют (детерминанты неустойчивости). Предложенный в статье перечень факторов не является исчерпывающим, но отражает существенное воздействие процессов мирового порядка на хозяйственную деятельность отдельного региона.

Summary. The main goal of this study is to determine the set of mega-level factors that have a decisive influence on the development of regional industrial complexes, as well as to identify those among them that hamper this development (determinants of instability). I suggest a list of factors which is not exhaustive; nevertheless it reflects a significant impact upon the processes of the world order made by economic activities in an individual region.

Ключевые слова: региональный промышленный комплекс, детерминанты неустойчивости, глобализация, мировой экономический кризис, структура экономики, мировая экономика.

Key words: regional industrial complex, determinants of instability, globalization, global economic crisis, structure of the economy, global economy.

УДК 332.133.6

Развитие системы любого уровня сложности происходит под воздействием ряда факторов, которые по отношению к данной системе являются либо экзогенными, либо эндогенными. Чем сложнее система, тем шире перечень факторов и более неоднозначно влияние каждого из них в отдельности. На наш взгляд, внешние факторы в большей степени, чем внутренние, придают развитию системы элемент нестабильности или неустойчивости, что требует их детального изучения.

Отрасли народного хозяйства, бесспорно, представляют собой сложные системы. Ключевой отраслью материального производства является промышленность, которая характеризуется как сфера деятельности, оказывающая решающее воздействие на уровень развития производительных сил, благосостояние населения и степень экономического развития государства в целом.

Если рассматривать промышленность на уровне отдельного региона, то можно использовать понятие «промышленный комплекс»: совокупность предприятий, отраслей или видов деятельности, расположенных и функционирующих на определенной территории.

Также определяющими характеристиками промышленного комплекса являются опора на общую ресурсную базу, наличие тесных межпроизводственных и других связей, а также получение определенного экономического эффекта, возникающего от территориального сопряжения отдельных производств.

Начиная с 2003 г., в России согласно общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД) к промышленному производству относят «Добычу полезных ископаемых» (раздел *C*), «Обрабатывающие производства» (раздел *D*) и «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» (раздел *E*).

Доля промышленного производства в валовом региональном продукте (ВРП) Хабаровского края за период с 2004 по 2011 гг. сократилась с 28,1 до 19,3 %. При этом вклад перечисленных выше видов деятельности изменялся следующим образом: сокращение доли валовой добавленной стоимости в ВРП по разделам *C* и *E* составило 5,3 и 3,9 % соответственно, а доля обрабатывающих производств уменьшилась на 48 %. Обратим также внимание на то, что на протяжении всего рассматриваемого периода ВРП стабильно увеличивался и вырос в 2011 г. по сравнению с 2004 г. в два раза: с 133 330,5 до 401 456,4 млн р. в основных ценах [8].

Сокращение доли обрабатывающей промышленности в ВРП создает угрозу экономической безопасности региона, так как данный вид деятельности обеспечивает конкурентоспособность народного хозяйства в целом и региона в частности на мировом уровне, определяет воспроизводственные процессы в других отраслях экономики, а также создает материальную основу для удовлетворения потребностей населения. С позиции концепции экономической безопасности, предложенной С. Ю. Глазьевым, доля обрабатывающей промышленности в промышленном производстве должна составлять не менее 70 %.

Для Хабаровского края данный показатель в период с 2004 по 2008 гг. колебался возле значения 60 % (с отклонением 2 – 3 % в ту или иную сторону), а с 2009 по 2011 гг. сократился до 48 – 50 %.

Такое существенное сокращение доли обрабатывающих производств также объясняет и низкий уровень инновационной активности в регионе, так как именно обрабатывающая промышленность является основным продуцентом и потребителем технологических инноваций.

Если рассматривать изменение доли промышленного производства в валовой добавленной стоимости на общероссийском уровне, то можно отметить схожие тенденции, но выраженные не столь ярко. Так, доля обрабатывающих производств в ВВП за рассматриваемый период сократилась с 20,4 до 18 %, а доля промышленного производства – с 35,9 до 33,8 % [8].

Сокращение доли промышленного производства характерно и для многих развитых стран, но позиции ключевых видов обрабатывающих производств в валовом выпуске продолжают оставаться высокими. Например, доля производства машин и оборудования (включая производство электрооборудования и транспортных средств) в структуре обрабатывающих производств в США и Японии составляла 32,1 и 44,4 % соответственно (2007 г.), в Германии – 42,8 % (2008 г.), в КНР – 33,6 % (2009 г.). В России доля данного вида деятельности с 2007 по 2009 гг. снизилась с 20,8 до 19,1 % [8].

Развитие российской промышленности в целом и промышленного комплекса Хабаровского края в частности происходит под влиянием ряда детерминант (факторов), которые *по уровню воздействия* можно разделить на факторы мирового, макроэкономического, мезоэкономического и регионального уровней.

Рассмотрим более подробно детерминанты мирового уровня, которые носят объективный характер и не поддаются регулированию со стороны органов государственной власти отдельного государства, но должны исследоваться и учитываться при принятии экономических решений в силу своего общесистемного воздействия.

Во-первых, к данной группе детерминант можно отнести глобализационные процессы, проявляющиеся в таком усилении степени взаимозависимости субъектов мирового хозяйства, что действия одного из них становятся значимыми для других участников мировой

экономики. Фискальные проблемы США, замедление темпов роста КНР, кризисные процессы в Евросоюзе оказывают дестабилизирующее влияние на российскую экономику в первую очередь на реальный сектор. Изменение спроса со стороны крупнейших мировых потребителей воздействует на динамику мировых цен на сырьевые товары (наиболее существенно – на нефть, газ, металлы), что неизбежно отражается на положении российских компаний и состоянии нефтегазозависимого федерального бюджета [7, 23].

В докладе «Комплексная оценка воздействия мирового финансового кризиса на экономику Хабаровского края», подготовленном специалистами Института экономических исследований ДВО РАН, отмечается, что падение мировых цен на основные товары регионального экспорта (металлопродукция, нефтепродукты, морепродукты) в конце 2008 – начале 2009 гг. резко сократило выручку экспортеров [4, 24-25]. Существенно уменьшился и внешнеторговый оборот края: его величина в 2009 г. по сравнению с 2008 г. снизилась на 49 % [8]. Данные изменения, в свою очередь, были вызваны снижением деловой активности в странах – основных торговых партнерах Хабаровского края (КНР, Япония, Республика Корея).

В контексте глобализационной детерминанты следует отметить и неоднозначность оценок экспертов относительно вступления России в ВТО. Членство в данной организации создает как определенные преимущества, так и существенные угрозы для национальных производителей. Так, неизбежно усилится конкурентное давление со стороны китайских производителей на пищевую и легкую промышленность Хабаровского края. Обострится ситуация на региональном рынке труда в связи с притоком иностранной рабочей силы. Не будет реализована задача изменения структуры производства лесного комплекса в сторону увеличения выпуска и экспортных поставок продукции с высокой долей добавленной стоимости (от высоких экспортных пошлин на круглый лес придется отказаться¹) и т.д.

Под воздействием глобализации изменяется географическая структура размещения обрабатывающих производств: ряд российских компаний готовы выносить основное производство и коммерческую деятельность за рубеж с целью расширения бизнеса (например, Лукойл, Газпром, Северсталь и другие владеют миллиардными зарубежными активами). Так, определенную опасность для авиационного объединения «КнААЗ им. Ю. А. Гагарина», расположенного в г. Комсомольске-на-Амуре, создает меморандум о закупке 100 самолетов SSJ-100, подписанный 22 марта 2014 г. китайским региональным перевозчиком *Henan Oberoi* и ГСС. Опасность заключается в возможности организации сборочного производства в Китае в срок до 2018 г. (что отражено в протоколе о намерениях). Возникает вопрос: не будет ли свернуто комсомольское производство или сведено к минимуму, так как уже сегодня идет речь о нехватке производственных мощностей в России [6]?

Кроме того, либерализация хозяйственной деятельности, являющаяся ключевым условием глобализации, создала для российской экономики неразрешимую на данный момент проблему – отток капитала. После распада Советского Союза с использованием различных схем с территории РФ по разным оценкам было вывезено от 400 млрд до 1 трлн долл.: средства, которые могли быть инвестированы, в том числе в российскую промышленность, концентрируются в оффшорных зонах, надежных зарубежных банках и иностранных ценных бумагах.

Найти прямые оценки величины регионального оттока капитала нам не удалось. Существует множество схем как вывода капитала за рубеж, так и его дальнейшей легализации. В силу того, что капитал, сконцентрированный в оффшорах, не имеет конкретной персонификации, можно предположить, что инвестиции, поступающие с данных территорий, в какой-то части являются той самой формой легализации ранее вывезенных средств. Так, ино-

---

¹ Так, начиная с сентября 2012 г., вывозные таможенные пошлины в рамках квот на некоторые породы древесины снижены в два – три раза: с 25 до 13 – 15 % (хвойные породы) и 5 – 7 % (осина, береза). См., например, «Экспортный рынок круглого леса продолжает снижаться» // Лес Онлайн: информационное агентство. 2013. 14 мая. Режим доступа: http://www.lesonline.ru/analitic/?cat_id=12&id=231108

странные инвестиции, поступающие в экономику Хабаровского края, в основном представляют собой средства, идущие из оффшорных зон: на долю Багамских и Виргинских островов, а также Кипра в 2010 г. пришлось 91 % всех иностранных инвестиций, а в 2011 г. – 60 %. Иностранные компании, зарегистрированные в оффшорах, выступают в роли полноправных владельцев или совладельцев крупных организаций в различных отраслях регионального хозяйства: нефтепровод и нефтеналивной терминал в п. Де-Кастри (оператор *Exxon Neftegas Limited*, Багамские острова), ОАО «Ванинский морской торговый порт» (совладельцы – *Opem Trade Limited*, *Sedmino Investments Limited*, *Travine Trading Limited*, Кипр), ОАО «Хабаровский НПЗ» и ОАО «Хабаровскнефтепродукт» (владелец – ОАО «НК «Альянс»»), принадлежащее, в свою очередь, *Alliance Oil Company Limited*, Бермудские острова), ОАО «Дальлеспром» и ОАО «Флора» (*RFP Holding (Cypress) Ltd.*, Кипр) и т.п. [9].

В качестве второй детерминанты мегауровня выделим изменение структуры мирового хозяйства, формирование так называемой «услугоемкой» экономики. Сфера материального производства, к которой относится промышленность, сжимается, уступая часть материальных, трудовых и финансовых ресурсов сфере услуг. По данным ЮНКТАД доля сектора услуг в валовом мировом продукте (ВМП) в 2010 г. составила 66,3 %. Для развитых и развивающихся стран показатель равен соответственно 74,4 и 51,4 %. Для сравнения – доля промышленности в ВМП в 2010 г. была равна 32 %.

Доля занятых в сфере услуг работников в 2011 г. достигла следующих значений: весь мир – 43,8 %; развитые страны – 74,1 %; развивающиеся страны – 37,3 %. Для сравнения – в мировой промышленности в 2011 г. было занято 22,1 % работников [3, 9]. За период с 1995 по 2005 гг. в странах ОЭСР количество рабочих мест в промышленном производстве сократилось на 25 млн, а промышленность КНР лишилась 15 млн работников [5]. Также стоит отметить, что в 1980 г. 1/2 занятых в промышленности приходилась на развитые страны, а в 2010 г. 2/3 занятых было сосредоточено в развивающихся странах [3, 2].

В Хабаровском крае на долю сферы услуг приходится около 60 % созданной валовой добавленной стоимости. При этом в кризисные 2008 – 2009 гг. данный показатель увеличился до значений 64 – 65 %, что, по мнению специалистов ИЭИ ДВО РАН, свидетельствует об амортизирующей роли сервисного сектора экономики региона в период экономического кризиса. Доля занятых в сфере услуг колеблется в пределах от 67 до 69 % от значения среднегодовой численности работников [8].

Следующим фактором мирового уровня, оказывающим влияние на региональный промышленный комплекс, является цикличность развития экономики. Мировой экономический кризис, создавший нестабильность и неопределенность во всех сферах национальной экономики, вызвал стагнацию производства, в том числе за счет сокращения внешнего спроса.

В Хабаровском крае к экспортному сектору экономики относятся такие виды деятельности, как лесное хозяйство и добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических, а также ряд направлений, относящихся к обрабатывающим производствам (металлургическое производство, производство кокса и нефтепродуктов, производство транспортных средств и оборудования и т.п.). Именно они выступили в роли проводников шока внешнего спроса, ставшим первым кризисным шоком для региональной экономики [4, 10].

Также кризис обозначил основные диспропорции, нарастающие в мировой экономике, в первую очередь ускоренную деиндустриализацию национальных хозяйств развитых стран и опережающий рост финансового сектора по сравнению с реальным [2].

Стоит отметить и такой фактор, как высокие входные барьеры на ряд мировых рынков, носящие, в том числе, дискриминационный характер со стороны основных участников: в отношении таких товаров российского экспорта, как сталь, ядерное топливо, удобрения, текстиль, газетная бумага многими развитыми странами применяются антидемпинговые меры, вводятся высокие импортные пошлины и квоты. Достаточно сложно отечественным производителям войти и на внутренние рынки отдельных стран. Так, А. Востриков, президент дальневосточной торгово-промышленной палаты и российско-японского регионального де-

лового совета, отмечает, что для выстраивания полноценных деловых отношений с японскими фирмами необходимо учитывать широко используемую ими систему рекомендаций: «если ты пришел с улицы – ты мой враг, если ты пришел ко мне по рекомендации моего друга, то ты мой друг» [1]. Высокие требования японские партнеры предъявляют к качеству поставляемых товаров, срокам выполнения обязательств, наличию достаточно длительной истории успешного взаимодействия, т.е. к тем характеристикам, которые являются слабыми местами многих российских производителей.

В заключение отметим, что благодаря технологическим изменениям, являющихся результатом НТП, все больше развитых стран в настоящее время ориентируются на снижение степени зависимости своих национальных хозяйств от углеводородных источников энергии. Это неизбежно вызовет снижение внешнего спроса на традиционные товары российского экспорта в будущем: на долю топливно-энергетических товаров приходится до 70 % общего объема экспорта РФ. Хабаровский край экспортирует топливно-энергетических товаров существенно меньше² (12,7 % в 2010 г. и 10 % в 2011 г.), но это не означает, что данный фактор является незначимым для краевой экономики.

Рассмотренный выше перечень факторов не является исчерпывающим и бесспорным. Значимость подобных исследований заключается в возможности выработки рекомендаций органам государственной власти для принятия решений в вопросах развития отечественной промышленности на федеральном и региональном уровнях. Ряд факторов не поддаются регулируемому воздействию, следовательно, под них необходимо подстраиваться. Другая группа детерминант может быть усилена или ослаблена воздействием федерального центра или региональных властей. Наконец, определенный потенциал имеют и сами промышленные предприятия. Также стоит отметить, что изучение факторов развития промышленности может способствовать в выборе наиболее эффективных инструментов промышленной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бизнесмены Хабаровска продолжают активное наступление на рынок Японии. – Режим доступа: http://www.rigma.info/news/finansy/biznesmeny_khabarovska_prodolzhayut_aktivnoe_nastuplenie_na_rynok_yaponii/
2. Бойко, И. В. Диспропорции мирового развития и место России в новом международном разделении труда / И. В. Бойко. – Режим доступа: <http://www.ibl.ru/konf/031209/3.html>
3. Влияние торговли на занятость и борьбу с бедностью / Записка секретариата ЮНКТАД. – Женева, 2013. – 30 с.
4. Горюнов, А. П. Воздействие мирового финансового кризиса на экономику региона: Хабаровский край / А. П. Горюнов // *Пространственная экономика*. – 2011. – № 1. – С. 7-29.
5. Кондратьев, В. Б. Сфера услуг в постиндустриальной экономике / В. Б. Кондратьев // *Креативная экономика*. – 2011. – № 7(55). – С. 128-135.
6. Кузнецова, Е. SSJ осядет в Китае / Е. Кузнецова // *Коммерсантъ*. – 03.04.2014. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2438037>
7. Миронов, В. О новой промышленной политике / В. Миронов // *Прямые инвестиции*. – 2012. – № 12(128). – С. 23-25.
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbsd.gks.ru/>
9. Щербаков, В. Неявные острова / В. Щербаков. – Режим доступа: www.badget.ru/rabota/offshore-khv.html
10. Яковлева, Т. А. Эволюционный подход к развитию экономических систем: постановка вопроса / Т. А. Яковлева // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2011. – № 3. – Сер. Экономика. – С. 223-225.

---

² Такая незначительная доля топливно-энергетических продуктов объясняется, в том числе, особенностями таможенного учета товаров, перемещаемых через российскую границу: экспортная продукция двух нефтезаводов Хабаровского края идет в учет Приморскому краю, через таможенные пункты которого она покидает пределы РФ

Чибисова О. В.
O. V. Chibisova

**ПЕРШИНА Е. Ю. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ:
УЧЕБ. ПОСОБИЕ – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ»,
2014. – 103 С.**

**PERSHINA E. JU. ANGLIJSKIJ JAZYK V SFERE JURISPRUDENCIJ:
UCHEB. POSOBIE – KOMSOMOL'SK-NA-AMURE: FGBOU VPO «KNAGTU», 2014. –
103 S.**

Чибисова Ольга Владимировна – доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27, КНАГТУ, кор. 4, ауд. 322; +7 (4217) 27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru

Ms. Olga V. Chibisova – Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Str., building 4, apt. 332; +7 (4217) 27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru

Рецензируемое учебное пособие «Английский язык в сфере юриспруденции», выпущенное в 2014 году редакционно-издательским отделом ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», имеет своей целью организацию самостоятельной работы студентов-бакалавров направления подготовки 030900.62 «Юриспруденция». Оно является результатом длительной работы его автора – Елены Юрьевны Першиной в области изучения особенностей преподавания английского языка в неязыковом вузе в целом и в сфере формирования общекультурных компетенций студентов технических и гуманитарных специальностей в частности.

Учебное пособие начинается с обращения автора к студентам, в котором обозначены цели языковой политики государства в условиях межкультурного взаимодействия и описаны составляющие Общевропейской иноязычной коммуникативной компетенции, выделенные Советом Европы в Страсбурге в 1996 году. В нем также определена задача подготовки бакалавров – овладение языком как средством общения в рамках выбранной им специальности. Подобный подход к преподаванию дисциплины свидетельствует о том, что в этом процессе акценты с преподавательской деятельности смещены на деятельность обучаемого по изучению языков, вследствие чего у него формируется автономия как его личностная характеристика.

Прежде чем приступить к изучению материала, студентам предлагается обратиться к прилагаемым к учебному материалу дескрипторам умений, достигаемых изучающими язык на каждом уровне, и их реализаций для каждого вида речевой деятельности, начиная с уровня выживания (A-1) и заканчивая уровнем совершенного владения языком (C-2). Оценка собственного уровня владения языком позволит студентам поставить перед собой новые цели и задачи по совершенствованию знаний, умений и навыков, а также скорректировать личный план работы по изучению английского языка.

Учебное пособие содержит пять разделов для аудиторной работы под руководством преподавателя, в которые включены задания на отработку фонетических, грамматических и лексических навыков, являющихся основой любой речевой деятельности: письма, чтения, аудирования, перевода и говорения. В него также входит три раздела для внеаудиторной самоподготовки студентов с текстами для дополнительного чтения, способствующими формированию различных технологий извлечения необходимой информации из научной и научно-популярной литературы, а также литературы, профессионально-ориентированной на будущую профессию.

Пособие включает четыре раздела с контрольными работами для самоконтроля, в рамках выполнения которых студенты учатся самостоятельно преодолевать возникающие трудности, критически оценивать свои знания и намечать пути ликвидации пробелов в них. Выполнение домашних упражнений и тестов позволяет студентам провести самооценку полученных знаний и умений. Преподаватель знакомит обучаемых с требованиями, предъявляемыми к текущему контролю, и дает им рекомендации по подготовке к зачетам и экзамену, что необходимо для формирования индивидуальной стратегии подготовки и создания позитивного психологического настроя.

В помощь студентам в пособие включен словарь подлежащей усвоению лексики и грамматический справочник, позволяющие обеспечить изучение студентами английского языка в рамках требований ФГОС ВПО. Достижимый при этом уровень владения иностранным языком должен обеспечить возможность выпускнику вуза практически использовать его при непосредственном общении с носителем языка (говорение, аудирование) в элементарных стандартных ситуациях повседневной жизни и при опосредствованном общении (чтение, письмо) в профессиональной деятельности.

Е. Ю. Першина полагает, что в процессе обучения студенты могут использовать и дополнительный учебный материал, поэтому она приводит в пособии список рекомендуемой литературы, содержащий работы известных отечественных и зарубежных методистов как на русском, так и на английском языках.

Рецензируемое учебное пособие освещает курс «Иностранный (английский) язык в сфере юриспруденции» и соответствует содержанию профессиональной образовательной программы подготовки по указанному направлению. Оно может быть рекомендовано лингвистам-практикам, а также широкому кругу лиц, владеющих английским языком.

Костюрина Н. Ю.
N. Yu. Kostyurina

ГОРОД КАК ТЕКСТ: РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ЛЕЙБОВИЧА О. Л., КОРОЛЬКОВОЙ А. В. «ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА. ДЕВЯТЬ ЛЕКЦИЙ». – ПЕРМЬ: ИЗД-ВО ПЕРМ. ГОС. АКАД. ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ, 2013. – 230 С.

CITY AS A TEXT – A REVIEW OF: LEJBOVICH O. L., KOROL'KOVA A. V. «GORODSKAJA KUL'TURA. DEVJAT' LEKCIJ» – PERM, THE STATE ACADEMY OF ARTS AND CULTURE, 2013. - 230 P.

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kosturina – Ph.D. in Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Av. E-mail: kosturina@mail.ru.

Своеобразие современной культуры во многом опосредовано тем, что современная среда обитания человека – это преимущественно городская среда. Идеи урбанизма и анти/дезурбанизма оказываются важнейшими для осмысления форм и целей человеческого существования сегодня. Формирование комфортной, неагрессивной по отношению к человеку среды обитания – одна из задач глобального мира. В России эта проблема была осознана в 1960-х, но так и не нашла адекватного решения; более того, советские города представляются ряду исследователей лишенными собственно городской специфики. Кроме того, в России сегодня практически отсутствует системный градостроительный процесс, «до сих пор практически отсутствует результат градостроительной практики в городах нашей страны, а разработка и внедрение основополагающих градостроительных документов продвигается крайне вяло. За последние годы не был создан ни один полноценный генплан, а попытки внедрения практики мастерпланирования остались безуспешны», – считает проф. А. Высоковский, декан Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ.

Городская проблематика вновь в центре внимания и специалистов-архитекторов, и самих горожан; городская культура – тема курсов и спецкурсов в вузах.

Пособие О. Л. Лейбовича, А. В. Корольковой «Городская культура. Девять лекций» обещало стать любопытным чтением.

Во-первых, конечно, потому, что Пермь – уникальный эксперимент, попытка из умирающего промышленного города сделать культурную столицу; верилось, что жители его скажут что-то особенное о городской культуре, особенно проф. О. Л. Лейбович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой культурологии Пермского государственного технического университета, автор книги «В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40-50-х гг.».

А во-вторых, само оглавление заманчиво выглядело, включало в себя такие темы, как «Слухи, сплетни, фобии в городской культуре», «Культурное содержание отечественной урбанистики», «Жизненные миры современного российского горожанина»; кроме того, каждая тема предполагала методическое обеспечение, состоящее из трех разделов: «вопросов для понимания», списка для чтения и собственно «текстов для чтения и понимания».

Конечно, жанр пособия по умолчанию не предполагает особых открытий и откровений, но вот это настойчивое требование понимания настраивало на необходимость интеллектуального усилия, на интригу и, видимо, сформировало завышенные ожидания.

Насторожило «некоторое уточнение» во введении: «вместо лекций мы представим конспект лекций, [...] обозначим логику изучения проблемы, выделим основные понятия,

назовем имена гуманитариев» (с. 4). Зато тексты для чтения, «заимствованные из труднодоступных источников», частично были обещаны в переводе авторов пособия с английского, польского и немецкого.

Но по порядку. Пособие предназначено для бакалавров, магистров и аспирантов, изучающих культурологию.

Первая лекция выглядит вполне традиционно: «Предмет и метод изучения городской культуры». Раз изучаем городскую культуру, естественным образом ожидаем определений понятий «городская культура», «город»; интрига поддерживается парадоксальным утверждением: «город ... никакой культурой не обладает», «культура есть атрибут человека». Здесь, конечно, нет предмета для спора, однако огромное количество терминов (например, культура Древнего Египта, Средневековой Европы, Итальянского Возрождения и т.д.), используемых в науках о культуре, по умолчанию построено на представлении, что носителем/творцом/объектом-субъектом культуры является человек. Дальше недоумение мое усилилось, поскольку авторская исследовательская альтернатива выглядела следующим образом: либо «мы собираемся изучать городскую культурологию», либо «культуру городских сообществ, или даже проще, горожан». Причем, первый вариант оказывался «исключительно теорией», а второй – «применением этой теории к изучению разнообразных явлений городской жизни». В общем, первый абзац дался мне тяжело... Тем более, что далее на с. 8 авторы вполне последовательно утверждают: «Городская культурология нацелена на изучение поведения городских сообществ, вынужденных адаптироваться к их сложной урбанизированной среде». Но была надежда, что дальше будет легче.

И правда, дальше оказалось легко. Но странно. Речь пошла о том, что такое культура. Для культурологических специальностей, как кажется, не вполне своевременная информация; представляется, что в целом ряде профильных курсов: от «Введения в специальность», «Теории культуры», «Истории культурологии» до «Методов изучения культуры» – студенты и магистранты должны были получить некоторое представление о предмете культурологии...

Главный вывод первой лекции – культурологическое знание имеет практическую значимость.

Что еще есть в тексте лекции. Три рамки (видимо, самое важное для запоминания):

1. «Дюркгейм – французский *гуманитарий*, утверждавший, что социология изучает действительность, то, что существует независимо от исследователя: социальные факты» (к слову, работы Э. Дюркгейма не названы).

2. З. И. Файнбург, один из основателей антропологической концепции культуры, работал в Перми (работы, аналогично, не названы).

3. Культурный код – «на языке культурологии система символов, посредством которых люди распознают ситуацию».

Без всяких комментариев в первой лекции встречаются имена П. Лангера, Дж. Беста и цитата из ранней (1973 г.) работы З. Баумана: идея культуры есть «историческое изобретение, вызванное стремлением интеллектуально освоить бесспорный исторический опыт» с отсылкой к лондонскому изданию 1999 г. Список для чтения после первой главы мало прояснил ситуацию: Дж. Бест «Социальные проблемы», О. Лейбович «Социология города в исторической перспективе» (статья), Е. Турбина «Джунгли, базар, организм и машина» (статья). Тексты для чтения включали тезисы доклада (1 с.) О. Лейбовича «Отечественная культура на перепутье: между традицией и модернизацией», фрагменты работ Л. Уайта «Понятие культуры» и А. Радклиф-Брауна «Методы этнологии и социальной антропологии» из первого тома «Антологии исследований культуры» 1997 г. И это все; то есть это не мои придирки к отдельным тезисам, а *исчерпывающая* характеристика содержания главы.

Следующая глава – «Концепции городской культуры в гуманитарной традиции» – выглядела более уместной, вызывал недоумение только ее объем – 6 страниц; при таком формате отбор имен должен быть показательным. Итого: в рамках – Ф. Теннис, О. Шпенглер, Э. Говард; упомянуты в тексте И. Г. Гердер (есть ссылка на работу), А. Риль (работа

названа), Ш. Корбюзье (без ссылок на работы). Читаем по следам лекции: В. Бондаренко (о Корбюзье), В. Глазычев «Город-сад», О. Шпенглер «Закат Европы». Фрагменты работы П. Каня (о Говарде) и Афинской хартии.

Третья глава – «Концепции городской культуры в *современном* гуманитарном знании» – началась с имени Г. Зиммеля (*умер в 1918*); в рамках разместились Л. Вирт, «обнаруживший в городе особый образ жизни» (с. 27), М. Кастельс, К. Линч (работы не названы, ссылок нет), в тексте главы есть одна цитата из работы Х. П. Бардта 1961 г. Глава лишена целостности, последовательность сюжетов по меньшей мере неочевидна. В приложении к главе, кстати, есть статья О. Лейбовича «Символическое пространство большого города», где упомянуты новые арт-объекты в Перми (я все на это надеялась), но, увы, всего несколько ничего не значащих фраз, в то время как ссылка к цитате некоего французского чиновника: «В сфере культуры диспуты длятся тем дольше, чем меньше денег выставлено на кону» (с. 43) – занимает 6 строк драгоценного объема пособия, вдобавок дублируется на с. 224; для сравнения – К. Линчу посвящено 8 строчек.

И наконец, – УРА! – в четвертой главе «Культурное содержание отечественной урбанизации» в рамочке нашлось определение урбанизации (с. 52). Однако на с. 41 первый «вопрос на понимание»: в чем разница между двумя урбанизмами – теоретической моделью и культурным явлением.

В пятой главе «Антропология города: Человек в городском пространстве» авторы вовсе обходятся без упоминания имен и концепций; на четырех страницах уместилось 3 идеи: маленький человек в большом городе (1) подвергается множеству соблазнов (2), основной его конфликт – это конфликт идентичностей (3).

Даже содержательные материалы (например, три статьи пермских исследователей о Перми же, с. 57-91), интересные сами по себе, тем не менее окончательно убивают композиционную целостность пособия. Замечательный текст О. Лейбовича «В городе М. Очерки социальной повседневности», объемно приведенный после четвертой главы, свободно доступен он-лайн, да и в местной библиотеке, наверняка, имеется.

Критичным для жанра учебного пособия представляется отсутствие списка источников, без которого вообще невозможно ориентироваться в тексте; предложенные для чтения материалы также лишены списка источников, что крайне затрудняет чтение. Столь же критичным представляется отсутствие знаковых имен из истории изучения городской культуры (М. Вебер, Л. Мамфорд, Ю. Лотман, М. Каган, А. Иконников, В. Паперный, И. Гревс, Н. Анцифилов, Л. Ионин, Э. Соколов, А. Кармин, М. Уваров и др.), собственно культурологические концепции городской культуры даже не упомянуты.

Настоящим ребусом для меня стал список рекомендованных к чтению/просмотру художественных произведений. Например, к главе 9 «Управление городской культурой» рекомендовано чтение поэмы Венички Ерофеева «Москва – Петушки», в то время как есть тексты, уникальным образом представляющие именно образ города: «Улисс» Д. Джойса, «Москва 2042» В. Войновича, «Кысь» Т. Толстой; вспомним также Петербург Достоевского, Нью-Йорк Дос Пассоса, Лондон Вулф или Акройда, Буэнос-Айрес Борхеса и др. Можно было бы назвать и работу Р. Лихана 1998 г. «Город в литературе: Интеллектуальная и культурная история».

Стремясь к осторожности в оценках, я долго пыталась обнаружить в тексте какой-то особый художественный смысл, не дающийся читателю без должного усердия, искала логику в композиции и пропорциях глав, в структуре изложения материала, но избавиться от ощущения неполноты, бессистемности материала и несбалансированности частей не смогла.

Пособие, действительно, нуждается в особом «понимающем» подходе, видимо, мне он оказался не под силу. Остается надеяться, что изучающие предмет пермяки окажутся более сообразительными. В любом случае пособие оказывается эффективным стимулом для интеллектуальной деятельности читателя.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

АВДЕЕНКО И. А. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ. МОНОГРАФИЯ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ИЗДАТЕЛЬСТВО АМГПУ, 2014. – 144 С. – 500 ЭКЗ.

AVDEENKO I. A. A STUDY OF SPATIAL SYMBOLS IN THE RUSSIAN ROCK-POETRY: MONOGRAPH. – KOMSOMOLSK-ON-AMUR, IZDATELSTVO AMGPGU, 2014. – 144 P.

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr. Habil. of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St.; +7 4217 529818. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Сколько в мире дорог, путей, трактов, проселков, шоссе, переулков, проспектов, тропок, переходов? Ведут ли они по отдельности (или в своей многомерной совокупности) куда-нибудь? Есть ли у них начала? Можно и стоит ли по ним перемещаться? Завершаются ли они чем-либо? Что встретишь на пути? На эти важные вопросы не ответит никакая даже самая подробная топографическая карта. Потому что организация пространства – сверхсложный и постоянно развивающийся процесс, в котором кажущиеся остановки – только импульсы к началу нового движения. Потому что пространство организуется и само по себе, и так, как мы его видим, и так, как мы его пытаемся устроить.

У каждого человека свое пространство. Для примерного социофоба людный проспект – запретная (отсутствующая) зона, а для образцового социофила вересковая пустошь – белое (невидимое) пятно. Поэтому существует множество реальных и фиктивных карт. Поэтому так важно постоянно пополнять их количество. Только в своей совокупности они дают нам возможность адекватности восприятия реальности, позволяют представить себя в осознанной соразмерности с окружающей средой, даруют надежду не заблудиться, не потеряться, остаться собой.

Именно в этом (хотя не только в нем) смысле интересна рецензируемая книга. Здесь представлено то, как пространство мира воспринимается представителями русского рока. Список авторов, чьи тексты подверглись анализу, заслуживает уважения и, вне всяких сомнений, может считаться репрезентативным. Интересные выводы книги базируются на множестве текстов различных групп: «Воскресенье», «Аквариум», «Звуки Му», «Алиса», «ДДТ», «Зоопарк», «Чайф», «Кино», «Крематорий», «Машина времени», «NAUTILUS POMPILIUS».

Читателя ждёт очень увлекательное путешествие с такими остановками: звезда, солнце, земля, небо, город, дом, дверь, стена, окно, дорога, путь, река. Каждая из этих единиц, принципиально важных для пространственной организации представлений о мире русского рока, подробно описана по отдельности и последовательно проиллюстрирована с использованием единого прозрачного метода.

Важно, что в суммированном виде перечисленные единицы описываются не атомарно, а в своём сложном взаимодействии: представлена их комбинаторная взаимная дополняемость, делегируемая ими друг другу специфическая семантика. Свою же окончательную полноту эти единицы обретают благодаря тому, что чётко указывается место человека в их взаимодействии.

Воссоздаваемая автором карта выполнена в оптимальном масштабе, который даёт и представление о целом, и возможность увидеть детали, разглядеть ландшафт с точки зрения того, из каких языковых форм он создаётся. Сама карта представляется бесспорной, некоторые вопросы продуцируют только условные обозначения, которые автор выбрал для организации её пространства.

Вызывает некоторое опасение не то, что автор смещает понятийное содержание термина символ, а то, в какую сторону он его смещает. В истории науки не было промежутка времени, когда символ имел бы строгое истолкование, так или иначе, его постоянно с чем-то совмещали или частично отождествляли. И на этом общем фоне стремление автора поставить знак равенства между термином символ и чем-то иным является скорее традиционным, а не принципиально особенным или оригинальным. Символ сложен настолько, что его постоянно пытаются привязать к более осязаемым единицам. Но даже в контексте этих многочисленных соположений синонимизация символа и концепта, которую предлагает и отстаивает автор, кажется несколько странной и лишённой существенной объяснительной силы именно потому, что использование аморфного понятия концепт мало что даёт для углубления представления о символе и выявления особенностей его предельно сложной природы. Получается, что неизвестное толкуется не просто через неизвестное, а через едва ли ни фиктивное и избыточное для описания семантической организации любой совокупности текстов.

Но это можно отнести к вопросам спорной терминологической номинации. Главное в книге другое. Важнее не то, как автор называет единицы, а то, как он выявляет их содержание. И здесь всё интересно, объёмно и доказательно. Взяв для анализа очень большое количество текстов, автору удалось избежать двух опасностей: уйти в особенности индивидуального восприятия пространства и подняться на уровень общеязыковых особенностей. Он сумел удержаться на грани, задаваемой поэтикой самого рока вне (но не помимо) его индивидуальных проявлений.

В книге звучит чистый голос русского рока. Он всегда даёт или обещает выход за грань; успешно и постоянно ломает стереотипы; отрицает власть обыденной бытовухи; высмеивает ложные ценности; гармонизирует свободу духа с мерой осознания непреложности вечных законов; утверждает право личности быть собой даже в ситуациях, где это внешне невозможно; предлагает универсальный тип поведения, при котором поступок соизмеряется не с категорией выгоды, а с категориями правды и эстетической целесообразности; намечает неизведанные грани духовного совершенствования.

Рок в пространстве России всегда устойчиво ассоциировался с понятием свободы (неподконтрольности любому режиму). В настоящее время эта ассоциация немного деформировалась; ср. жесткую оценку, которую 8 марта 2010 года дал современному российскому року Юрий Шевчук: «И в кошмарном сне ни мне, ни мои друзьям тогда бы не приснилось, до чего наш рок докатился <...> Эти наши коллеги, которые приветствуют на Красной площади ментовскую власть...». Но всё же настоящие голоса звучат, и тандем рок – свобода сохраняет свою силу.

Язык рока – язык свободы. Думаю, что именно в выявлении реального содержания единиц языка свободы и состоит основная заслуга автора (и его же вклад в науку). Он показывает, как организуется язык свободы, из каких компонентов он состоит, как транслируется. Язык свободы нужно учиться понимать. Всем, кому интересен язык свободы, будет полезна эта книга.

Воробец Л. В.
L. V. Vorobets

**ЕГУРНОВА А. А., ЧИБИСОВА О. В. INSIGHT INTO ENGLISH SYNTAX:
УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2014. –
75 С.**

**EGURNOVA A.A., CHIBISOVA O.V. AN INSIGHT INTO THE ENGLISH SYNTAX:
A STUDY GUIDE – KOMSOMOLSK-ON-AMUR, KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE
TECHNICAL UNIVERSITY, 2014. – 75 P.**

Воробец Лариса Викторовна – доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей, д. 20, кв. 104; +7 (4217) 53-10-95. E-mail: larisa-13@inbox.ru.

Ms. Larisa V. Vorobets – Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur): 681021, Komsomolsk-on-Amur, 20, Pervostroiteley Av., ap. 104; +7 (4217) 53-10-95. E-mail: larisa-13@inbox.ru.

Совместное учебное пособие «Insight into English Syntax» А. А. Егурновой и О. В. Чибисовой посвящено отработке наиболее сложных явлений в области синтаксиса английского языка и включает в себя семь разделов, направленных на формирование и закрепление практических навыков и умений употребления рассматриваемого грамматического явления в различных ситуациях иноязычного общения.

Учебное пособие начинается с вводной части, в которой авторы представляют организацию пособия и обосновывают выбор используемых упражнений, что способствует более четкому пониманию алгоритма работы с пособием.

Прежде чем приступить к практической отработке изученного материала, студентам предлагается обратиться к прилагаемой к учебному материалу теоретической части (Theoretical Part), тем самым формируя прочную теоретическую базу не только для использования сложных явлений в области синтаксиса практической грамматики, но и навыка анализа изучаемого явления. Объяснение теоретических аспектов изучаемых явлений сопровождает каждую из семи частей учебного пособия, что свидетельствует о глубокой проработке авторами пособия возможных вопросов, возникающих у студентов в ходе изучения материала, и тем самым делает возможным использование пособия самостоятельно при изучении и закреплении материала.

Практическая часть пособия «Language Focus» представляет собой комплекс упражнений практического характера, направленных на отработку сформированных навыков и умений в теоретической части. Каждый раздел сопровождается одинаковым количеством упражнений (10 – 12), что позволяет говорить о том, что каждое грамматическое явление отрабатывается в равной степени и без асимметрии в сторону какого-либо из них.

Упражнения носят весьма разнообразный характер, начиная с упражнений, предлагающих найти анализируемое явление и дать ему объяснение, и заканчивая переводом сложных синтаксических структур с русского языка на английский, что демонстрирует расположение упражнений по мере возрастания трудностей. Данная последовательность дает возможность подбирать упражнения в соответствии с языковым уровнем учащихся, а это указывает на стремление авторов пособия сместить акценты с преподавательской деятельности на деятельность обучаемого по изучению языков, вследствие чего у него формируется автономия как его личностная характеристика.

Кроме этого, представляется весьма эффективным использование упражнений, целью которых является написание эссе по предложенным пословицам или поговоркам английского языка с включением туда изучаемых синтаксических структур (с. 33, 41). Это дает учащимся возможность не только отработать теоретический материал на практике, но и проявить свой творческий потенциал в работе над темой.

Примечательными являются упражнения, предлагающие студентам составить свои собственные истории (с. 24, 50, 60), в которых используется то или иное изучаемое грамматическое явление, что способствует развитию не только навыков и умений правильного использования различных синтаксических структур, но и помогает развитию навыков и умений говорения.

Наличие ключей в конце учебного пособия предоставляет студентам возможность критически оценить свои знания и наметить индивидуальную траекторию ликвидации пробелов в них. Это, по мнению авторов, позволит обучающимся скорректировать собственный план работы по изучению раздела «Синтаксис» дисциплины «Практическая грамматика», что будет всецело способствовать обеспечению ритмичности учебной деятельности.

Все разделы пособия находятся в тесном взаимодействии друг с другом, то есть они подчиняются единому стилю научного изложения: демонстрируют внутреннюю взаимосвязь между собой, реализуют строгую логику построения урока, не содержат посторонней и избыточной информации и обнаруживают единый когнитивно-коммуникативный подход к раскрытию каждой темы.

Авторы учебного пособия полагают, что в процессе обучения студенты могут использовать и дополнительный учебный материал, поэтому они приводят в пособии список литературы, содержащий работы известных отечественных лингвистов на русском языке, а также названия англоязычных сайтов, обращение к которым будет дополнительно стимулировать и мотивировать студентов для дальнейшего изучения материала. Рецензируемое учебное пособие соответствует содержанию профессиональной образовательной программы подготовки бакалавров по направлению 035700 «Лингвистика» и подготовки специалистов по специальности 031202 «Перевод и переводоведение». Оно может быть рекомендовано лингвистам-практикам, а также широкому кругу лиц, владеющих английским языком.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

БИФОКАЛЬНЫЙ ЗНАК

‘BIFOCAL’ LINGUISTIC SIGNS

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8 (4217) 52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr. Habil. of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin St., +7 4217 529818. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Аннотация. Бифокальный знак является особым типом знака, специфика компонентного состава и функционирования которого определяется способом реализации одновременно в двух текстах и характером существования раздвоенных структурных элементов в составе целого.

Summary. A ‘bifocal’ sign is a special type of linguistic signs whose set of components and functioning are defined by the way it is used in two texts at a time, and by the mode of existence of dichotomous structural elements within a whole.

Ключевые слова: семиотика, классификация знаков, бифокальный знак.

Key words: semiotics, linguistic sign classification, bifocal sign.

УДК 003

Более или менее признанная всеми исследователями, но не имеющая до сих пор единых толкований классификация знаков, предполагающая их подразделение на знаки-признаки, иконические знаки, индексы и символы [1, 23–25] не исчерпывает всего многообразия знаков. Существует какое-то количество типов знаков, которые находятся вне этой классификации. Это связано с тем, что новые типы нельзя обнаружить с помощью критериев, которые лежат в основе упомянутой классификации, что вполне закономерно, поскольку она изначально и не предполагала охват всех знаковых характеристик.

В основе традиционной классификации знаков лежит характер соотношения или взаимодействия между означаемым, означающим и денотатом. Но возможна и иная классификация, которая будет учитывать (в основу которой будет положен) характер взаимодействия знака в целом с окружающим его контекстом. Здесь обнаружится совсем иная типология, которая сущностно с традиционной классификацией знаков не пересекается. Она выявляет у знаков совершенно иные характеристики.

Новые типы знаков еще не описаны. Один из этих типов – нулевой знак [2]. О втором – бифокальном или двухфокусном знаке – речь пойдет в этой статье.

Для того чтобы отчетливо представить особенности (специфику) бифокального знака, в общем плане связанного с отсылкой одного знака к другому, сравним его со смежными явлениями.

Ситуации, когда один знак обозначает другой или другие знаки, являются привычными (обычными и частотными) для любого естественного языка. Они устойчиво проявляются в нескольких случаях:

- при использовании метаязыков. Любой лингвистический термин обозначает какой-то другой знак различной степени сложности (или сигнал);

- при актуализации родо-видовых отношений. Любой старший в иерархии знак обозначает совокупность младших;

- при использовании оценок речи (в интерпретации Б. С. Шварцкопфа). Все оценки речи, где упоминается единица, которая подвергается оценке, совершается указание на неё, или она присутствует в тексте, обозначают другие знаки. «<...> буквы лежат, словно спать захотели...» [3, 26] Слово «буквы», само являясь знаком, обозначает конкретные графические знаки. «<...> а я отправился, как говорится, куда глаза глядят <...>» [3, 30]. В данном случае «как говорится» характеризует устойчивое выражение. «Такие речи особенно хорошо гармонируют с напевами самовара <...> Пел резко, говорил много и хорошо. Речь напоминала обед. <...> разговоры были убийственно либеральны, а следовательно, и убийственно скучны» [3, 33–34] Слова «речь», «говорить», «разговоры» указывают на совокупности иных знаков, или, с иной точки зрения, сами на себя;

- при указательном упоминании или описании определенных речевых действий: «Я находился в периоде скандала...» [3: 26]; «Сколько было смеху, споров!» [3, 27]; «Уже из этой речи, “прекрасная читательница”, вы можете заключить, что я был не столько логичен, сколько великолепен» [3: 31]; «Но какое это было объяснение!» [3, 36]. Слова «скандал», «спор», «речь», «объяснение» указывают на определенные сложные знаки;

- при характеристиках человека, связанных с особенностями его речевого поведения: «Да и то сказать надо: письменный!» [3, 22]. Слово «письменный» обозначает ‘владеющий грамотой’;

- при использовании слова в перформативной функции. В этом случае оно обозначает иной знак – действие. «Эх, выпить бы, что ли! В воспоминания, в воспоминания!» [3, 26]. Слово «воспоминания» обозначает действие, которое начинает совершать говорящий.

Эти ситуации различными способами совмещаются. Например: «Поплакали, правда, родители, но все-таки благословили вас в путь» [3, 30]. Слово «благословили» указывает на определенное речевое действие, которое является перформативным. Также и оценки речи могут совмещаться с указанием на определенное речевое действие.

Во всех этих ситуациях знак выступает в указательной и/или описательной (атрибутивной) функциях.

Отличный от этих ситуаций тип использования знаков представлен при буквальном пересказе или анализе художественных текстов. В этих случаях во вторичном тексте используется тот же самый знак, что и в исходном тексте, просто он помещается в новый контекст интерпретации, деформации или оценки. Так, в названии книги А. Б. Пеньковского «Нина» используется тот же знак, что и в поэме М. Ю. Лермонтова «Маскарад». Имя героини становится именем книги (затем еще и именем книжного магазина), не меняя при этом своей семантики. Оно целостно, без трансформаций, переносится с одного объекта на другой, меняя денотаты или расширяя свой референциальный потенциал. Такое употребление имени тождественно прямому цитированию и по сути является цитатой: включением элемента чужого текста без изменений в собственный. О подобном цитировании см. работу А. Вежбицкой [4]. Такие случаи тоже обычны и достаточно частотны.

Здесь знак также выступает в указательной функции (или сохраняется та функция, которая была у него в исходном тексте).

Все проиллюстрированные типы ситуаций использования знака для обозначения другого знака (если не ограничиваться сферой языка и речевых действий, то их гораздо больше) непротиворечиво и последовательно включаются в три суппозиции Оккама – наиболее абстрактное представление типов референции – и могут быть описаны в их терминологии, то есть представлены через персональную (термин относится к любому обозначаемому им объекту), простую (термин подразумевает интенцию души) и материальную (термин именуется сам себя) суппозиции [5, 283].

Но есть еще один особый тип ситуаций, который принципиально не сводим к перечисленным выше (и к суппозициям Оккама) и представляет собой особое использование знака. Речь идет о случаях, когда в художественном тексте функционирует и четко называется персонаж, который до этого функционировал и тем же именем назывался в другом художественном тексте. При этом совпадение имен является не случайным, а первоначально включено в художественный замысел автора. Автор текста посредством имени производит сознательную отсылку и с её помощью решает определенные эстетические задачи.

Такие случаи тоже не являются чем-то исключительным или уникальным. Они представлены, например, в пьесе (и кинофильме) Тома Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», в очерках М. Е. Салтыкова-Щедрина «Благонамеренные речи». Ср. в главе «Охранители»: «Напрасно старались явившиеся на смену Держимордам безукоризненные молодые люди уверять и доказывать, что бюрократия не праздное слово, – никто не поверил им. У всех еще на памяти замазанный Держимордин халат, у всех еще в ушах звенит раскатистый Держимордин смех – о чем же тут, следовательно, толковать! И вот молодые бюрократы корчатся, хмурят брови, надсаживают свои груди, принимают юпитеровские позы, а им говорят: // – Ты не пугай – не слишком-то испугались! У самого Антона Антоныча (Сквозник-Дмухановский) в переделе бывали – и то живы остались!». См. также: очерки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Молчалины» и его же повесть «Современная идиллия».

Следует подчеркнуть, что речь идет вовсе не о случаях, когда имя собственное функционирует уже как нарицательное (это хорошо известный тип, который сводим к перечисленным выше ситуациям и суппозициям Оккама), а о случаях, когда оно номинирует другого самостоятельного персонажа с отсылкой к предшественнику. Проиллюстрируем эти случаи на примере повести А. Н. Осиповича-Новодворского «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны (Дневник домашнего учителя)», попутно отметив, что эта впервые опубликованная в 1877 году повесть – блистательный по исполнению образец речевой, эстетической и идеологической рефлексии, помещенной в иронический контекст.

Герой-повествователь рассказывает о своей семье: «Мой дедушка – “дух отрицанья, дух сомненья”, или просто Демон, – умер естественной смертью, у себя в постели, соскучившись, вероятно, летать без толку над вершинами Кавказа <...>» [3, 10]; «У его постели мы все: отец – Печорин, я, мои братья – Рудин и Базаров» [3, 11]; «Вас, “прекрасная читательница”, может быть, удивляет, что мы не назывались одной фамилией? Это, конечно, вина биографов, окрестивших одного так, а другого иначе; но надобно сознаться, что избежать этого разъединения было довольно трудно: одна фамилия неизбежно привела бы к некоторой сбивчивости; да притом, благодаря известной ветрености батюшки, мы, то есть я и братья, произошли от разных матерей, чем, может статься, и объясняется некоторое несходство наших характеров» [3, 12]; «В комнате, кроме упомянутых лиц, никого не было. Не было Онегина, потому что он вовсе не брат отца, как утверждают некоторые, а только дальний родственник, десятая вода на киселе; отсутствовал также Обломов, по той простой причине, что он сын Онегина, а не Печорина. Заявляю это торжественно ввиду возникших было недоразумений и выдумок» [3, 12]; «Дед скончался в с. Небываловке, имении Печорина (скоро, впрочем, оно было продано за долги), после дуэли отца с злополучным Грушницким, после романа с княжной Мери. Поговаривали в нашем околотке, что княжна – моя мать, что очень вероятно, хотя в биографии отца, как вы знаете, об этом ни слова не упоминается» [3, 16–17]; «Братьев со мной не было. Их отвезли тоже к названным отцам и матерям. Дальнейшая история того и другого вам известна из превосходных биографий, написанных г. Тургеневым» [3, 18].

В этих контекстах (в повести представлено больше аналогичных случаев) упоминаются имена: Демон, Печорин, Рудин, Базаров, Онегин, Обломов, Грушницкий, Мери. Они упоминаются с явными отсылками (по ходу повествования эта связь для Демона, Печорина,

Рудина и Базарова специально подчеркивается) к исходным текстам, в которых изначально функционировали: к стихотворению А. С. Пушкина «Ангел», к поэме М. Ю. Лермонтова «Демон», к его же повести «Герой нашего времени», к роману И. С. Тургенева «Рудин», к его же роману «Отцы и дети», к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин», к роману И. А. Гончарова «Обломов».

Но при наличии строгой отсылки к исходному тексту, без которой попросту не было бы продуцируемого художественного эффекта, упоминаются эти имена вовсе не как цитаты. Названным именами персонажам приписываются характеристики, которых у них в исходных текстах не было. Оказывается, что Демон, едва ли вообще подвластный смерти, имел семью и умер в своем поместье в окружении сыновей и внуков, а затем лакей сбросил его в речку Лету. Печорин, у которого также в исходном тексте семьи не было, являлся сыном Демона и отцом Рудина и Базарова, у которых в исходных текстах были совершенно иные родители. К этому добавляется, что Печорин находится в отдаленном родстве с Онегиным, отцом Обломова и так далее.

Оставим в стороне вопрос о происхождении этих характеристик, которые по большей части – ироническое переосмысление современной автору критической практики, которая любила устанавливать «родство» между персонажами различных текстов. Важнее другое. Закрепленная за именем персонажа семантика (всё равно, как её определять, как ассоциативное поле, или как строгий сигнификат) складывается из содержательных характеристик самого персонажа. И получается, что Печорин – это тот, кто не имел семьи, и тот, кто имел вполне конкретную семью; Онегин – это тот, кто не имел сына, и тот, кто имел сына Обломова и так далее.

Все имена в воспроизведенных контекстах одновременно сохраняют прежнюю семантику и наделены новыми смыслами. Все эти имена одновременно являются и самостоятельными и несамостоятельными знаками. То есть одновременно способными функционировать изолированно от контекста исходного произведения и не способными делать это, поскольку изоляция приводит к тому, что теряется их семантика, и они перестают выполнять те функции, или продуцировать тот художественный эффект, для реализации которого предназначены. Таким образом, знак (имя собственное) обозначает и одновременно не обозначает сам себя, отсылает и одновременно не отсылает к своему тождеству. Это и есть бифокальный знак.

Бифокальный знак – это такой единый с точки зрения характера своего употребления и существования знак, у которого, в отличие от традиционно понимаемого знака два (или более) означающих, два (или более) сигнификата и два (или более) денотата. При этом каждый из компонентов двойственности бифокального знака не является самостоятельным знаком, а представляет собой часть неразделимого единства, целостность которого порождает и функциональную природу этого знака, и его предназначение, и порождаемые им эффекты. Эта целостность предопределяется особым типом ситуаций, суть которых в установлении и утверждении неразрывной связи между двумя номинациями двух различных объектов. Бифокальный знак является единицей, которая одновременно представлена более чем в одном тексте (в широком понимании). То есть его существование предопределяется автором текста, стремящегося подчеркнуть тот или иной тип взаимодействия собственного текста с ранее возникшим текстом. Бифокальные знаки выполняют номинативную функцию.

Раздвоенно цельными означающими бифокальных знаков вовсе не обязательно являются имена собственные. В этой роли могут выступать и нарицательные имена, и целые фразы (деформированные цитаты). Ср. бифокальный знак с означающим «мой дядя», или «дядя Евгения Онегина»: «Мой дядя самых честных правил, // Когда не в шутку занемог, // Он уважать себя заставил // И лучше выдумать не мог.» (А. С. Пушкин); «Мой дядя, сильный, как орлан, // Был упакован в жизни круто: // Приостанавливал минуту, // Преобразить мог жизнь в роман» (П. Г. Короленко). Этот бифокальный знак имеет массу омонимов. Ср. строки неизвестного автора: «Мой дядя, самых честных правил, // Когда в

полицейскому служил. // И это делать был он вправе. // Да, да! И лошадью не ржи...». Это именно омонимы, а не полифокальный знак, потому что его возникновение предполагает наличие единых внутренних отсылок последующего компонента ко всем предшествующим.

Раздвоенно цельное означаемое бифокального знака (его семантика) не является простой суммой смыслов составляющих его компонентов. Само их сближение порождает особые семантические эффекты подобия-различия, сходства-противопоставления. Именно они дополняют фактические текстовые характеристики и знаменуют собой специфику значения бифокального знака, которое часто амбивалентно или находится в направлении амбивалентности.

Бифокальный знак одновременно находится в двух местах (текстах) и в этом смысле сравним с элементарной частицей, которая, согласно квантовой механике, может находиться одновременно в двух точках пространства. С иной точки зрения, бифокальный знак можно сравнить с дифтонгом, в границах которого два самостоятельных звука выступают как единое целое.

Бифокальные знаки широко представлены в литературных пародиях и различного типа биографиях (а частично – и автобиографиях). Собственно функциональность этих речевых жанров базируется именно на природе бифокальных знаков, потому что без отсылки к предшествующему тексту или реальному объекту, будучи взятыми изолированно, они полностью теряют возможность производить тот эффект, для реализации которого создавались. В случае с биографиями бифокальный знак может усложняться и, строго говоря, трансформироваться в многофокусный.

Если при написании биографии реализуется модель: реальный человек – текст о нем, то, учитывая факт принципиальной невозможности (или простого нежелания биографа) адекватно описать объект повествования, возникает бифокальный знак. Если при написании биографии реализуется модель: реальный человек – источник, фиксирующий его особенности (один или несколько) – текст о нем, то возникает полифокальный (многофокусный) знак, который является частным случаем бифокального и вряд ли обладает какими-то принципиальными самостоятельными особенностями. И там и там наблюдаются сдвиги в семантике и её несовпадения.

Еще одним типом текстов, где широко представлены бифокальные знаки, являются различные случаи лжи и дезинформации. Особенность этих текстов в том, что их авторы сознательно стремятся представить бифокальные знаки в качестве традиционных и тем создать у приёмников информации неверное представление о реальности.

Степень полноты восприятия бифокального знака зависит от уровня языковой компетентности приёмника информации. Приёмник с низким уровнем компетентности, не имеющий представления об исходном тексте, воспринимает бифокальный знак в качестве традиционного и, в силу этого, неадекватно прочитывает весь текст, обедняет его, наделяет несуществующими смыслами, или принимает ложь за истину (и наоборот).

В широком семиотическом аспекте бифокальными знаками являются реплики изделий, подделки, карикатуры, различные жанры живописи. Функционируют эти знаки точно так же, как и единицы языка: карикатуры = литературные пародии, реплики и подделки = ложь и дезинформация, различные жанры живописи = различные жанры литературы. Разница между бифокальными знаками – только в их материальных носителях (означающих), но не в их природе или структуре.

Еще одной широкой сферой присутствия бифокальных знаков являются литература и театр. В случае с театром бифокальные знаки возникают при постановке произведений, изначально не имеющих отношения к драматургии, например, «Село Степанчиково и его обитатели» в постановке Малого театра (премьеры 28 апреля 2013 года). В случае с кино – это перенос на экран художественных текстов и сиквелы, например, «Солярис» в постановке А. Тарковского (1972) и «Солярис» в постановке С. Содерберга (2002).

Все перечисленные выше типы текстов только ориентированы на бифокальные знаки, но вовсе не состоят исключительно из них. В них также высок удельный вес прямых цитат. Чем больше цитат, тем эти тексты ближе к исходному тексту, чем больше бифокальных знаков – тем дальше от него.

Для описания структуры бифокальных знаков (как и нулевых знаков) не подходит модель семантического треугольника Огдена Ричардса, что вовсе не говорит о её непродуктивности, а просто указывает на её ограниченность определенным типом традиционных знаков.

Вектор создания (возникновения) бифокальных знаков, как и вектор создания (возникновения) нулевых знаков, всегда направлен назад (вспять, в прошлое): они появляются благодаря взаимодействию нового текста с предшествующим. Этим они отличаются от вектора переименований (возникновения у знака нового имени), который всегда направлен вперед (в будущее). Даже в тех случаях, когда знаку возвращается какое-либо прошлое имя (Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург), это имя функционально именно в будущем и отрицает прошлую традицию или какую-либо её часть. Бифокальный же знак, как и нулевой, именно утверждает прошлую традицию, адресует к ней приёмника информации.

Даже в тех случаях, когда имя и описание (семантика) объекта первоначально возникают в одном из воображаемых миров (робот Карла Чапека, подводная лодка Жюль Верна и т. п.), а затем сам объект конструируется в реальном, бифокальный знак может возникнуть только как отсылка вновь появившейся номинации к предшествующей. Бифокальный знак актуализирует прошлое, а переименование стремится его стереть.

В широком культурном контексте бифокальные знаки являются **скрепами**, объединяющими воображаемые миры в единое целое, демонстрируют связь между воображаемыми мирами, указывают на их пространственно-временную непрерывность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савелова, Е. В. Семиотика: учеб. пособие / Е. В. Савелова, А. А. Шунейко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2008. – 348 с.
2. Шунейко, А. А. Лакуна и нулевой знак / А. А. Шунейко // Лакуны в языке и речи: сб. науч. трудов / под ред. проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. – Благовещенск: БГПУ, 2005. – Вып. 2. – С. 86-95.
3. Осипович-Новодворский А. Н. Эпизод из жизни ни павы, ни вороны / А. Н. Осипович-Новодворский. – СПб.: Наука, 2005.
4. Вежицкая, А. Дескрипция или цитация / А. Вежицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIII – М.: Радуга, 1982 – С. 237-262.
5. Реферовская, Е. А. «Спор» реалистов и номиналистов / Е. А. Реферовская // История лингвистических учений. Средневековая Европа. – Л.: Наука, 1985 – С. 243-287.